

Министерство образования и науки РФ
Российская академия наук
Институт славяноведения
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**
К 1150-летию славянской письменности

20–21 мая
2013 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Т е з и с ы

Москва 2013

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К.В. Никифоров

ISBN 5 7576-0277-5
978-5 7576 0277-6

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

С е к ц и я

«Славянский мир в прошлом и настоящем»

А.М. Кузнецова Еще раз о Кирилле и Мефодии и Блатенском княжестве IX в.	12
А.А. Сафонов Экологический фактор и локальная специфика славяно-албанских конфликтов в османской Македонии XIV–XVII вв.	14
Ю.П. Аншаков Самозванцы в Черногории во второй половине XVIII в.	15
М.Ю. Дронов Михаил Андреевич Балугьянский: “свой” среди “чужих”, “чужой” среди “своих”	18
А.А. Ждановская Подходы национальных фракций к решению богемского вопроса в начале консервативной эпохи в Цислейтании (1879–1897 гг.)	19
К.А. Попов Письма читателей как инструмент освещения избирательных кампаний в словацкой прессе рубежа XIX–XX вв.	21
Л.А. Кирилина О роли группы “Препород” в словенском национальном движении накануне Первой мировой войны	23
Н.Г. Струнина Россия и Черногория: уроки политического сотрудничества в начале XX в.	25
П.А. Искендеров Россия, Австро-Венгрия и славяне: исторические уроки взаимодействия	26
С.М. Слоистов Чехи и словаки в советском плену (1941–1945 гг.): аспекты мемориальной работы	28
В.В. Волобуев Югославские политэмигранты в Польше в период советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.	30
Т.В. Волокитина Болгария и Коминформ в контексте генезиса и развития советско-югославского конфликта (1947–1953)	33

А.С. Стыкалин Венгерские события 1956 г. и новый кризис в советско-югославских отношениях. Отзвуки дела Л. Райка 1949 г. в процессе подготовки суда над И. Надем	34
Б.С. Новосельцев Югославия и Каирская конференция неприсоединившихся стран (1964 г.)	37
Л.С. Лыкошина «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений	40
О.П. Лопутько Опыт Славянского Возрождения и современные проблемы «взаимности» славян	42
Е.Ю. Гуськова Тенденции взаимоотношений славянских народов на современном этапе	44

С е к ц и я

«Кирилло-Мефодиевское наследие в истории славяноведения»

А.А. Турилов Начальный этап почитания славянских апостолов (последняя треть IX – первая четверть X вв.)	46
М. Чунчич Точные методы в аналитической глаголической палеографии	48
П. Станковска Сопоставление текстов антифонов и библейских чтений в хорватских глаголических литургических книгах	48
А. Влашич-Анич На пути новых открытий глаголицы в Капуцинском монастыре в Карлобаге	50
В. Савич Западносербский фрагмент Мокропольского четвероевангелия	52
О.А. Акимова Глаголическая культура в Хорватии: от запрета до национального символа	54
Л.П. Лаптева Несостоявшийся форум русских филологов-славистов 1904 г.	56
В.С. Ефимова Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах	59

А. Бобев Неисследованный список Книги Иова (Белград, ПБ № 76)	62
А.С. Новикова Кирилло-мефодиевский перевод Евангелия и современный русский перевод Российского Библейского Общества (Радостная весть. Новый завет. М., 2011)	64
Г.П. Мельников Кирилло-мефодиевское наследие в Чехии XIV в. в интерпретации чешской науки второй половины XX – начала XXI в.	66
Г.С. Баранкова Кирилло-мефодиевская проблематика в трудах Г.А. Ильинского	69
Ф.Б. Людоговский О вышедшем переиздании (110 лет спустя) монографии А.В. Попова «Православные русские акафисты»: особенности нового издания и перспективы дальнейших исследований	72
Е.П. Аксенова Международная конференция историков славянских стран и Восточной Европы и русские эмигранты	73
М.А. Робинсон Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов)	74

С е к ц и я

«Славянские литературы: история и современность»

Н.Н. Пономарева Вклад Д.Ф. Маркова в возрождение советской литературоведческой болгаристики	78
М.Г. Смольянинова О жизни и сфере интересов Д.Ф. Маркова	79
И.И. Калиганов Дмитрий Федорович Марков и его время	80
Л.Н. Будагова Ипостаси и варианты «самого прогрессивного метода эпохи»	83
Ю.П. Гусев Соцреализм: потребность в открытости	84
С.А. Шерлаимова Современный взгляд на «открытую концепцию» социалистического реализма	86

Л.Ф. Широкова Концепция «открытой системы» Д.Ф. Маркова как ориентир для словацкого литературоведения 1970–1980-х гг.	87
Н.В. Шведова Словацкая поэзия 1960-х гг. в свете концепции соцреализма Д.Ф. Маркова	89
Т. Йованович Кирилло-мефодиевское понимание «учителя» в сербской средневековой литературе	90
Г.Я. Ильина Хорватская литература в Габсбургской империи	92
Т.Е. Аникина Особенности чешского бидермейера	92
Е.В. Байдалова Роль сюжетных мотивов в структуре романов В.К. Винниченко 1910-х гг.	94
А.В. Амелина Элементы антиутопии в «Диких рассказах» И. Гауссмана	96
И.Е. Иванова Концепт «тишина» в романе И. Андрича «Мост на Дрине»	98
П.Е. Зеновская Мифопоэтическая и религиозная модели мира в цикле рассказов И. Андрича о монахах-францисканцах	100
Я. Билек Политические процессы в Чехословакии после 1948 г. и их отражение на судьбах писателей (Я. Глазаровой и др.)	101
И.А. Герчикова К истории Союза чехословацких писателей. Литературная ситуация в Чехословакии после «бархатной революции» 1989 г.	103
И.Е. Адельгейм Пространства-палимпсесты в молодой польской прозе после 1989 г.	104
В. Мойсова-Чепишевская «Утроба букв» в романе «Азбука для непослушных» Венко Андоновского	106
А.Г. Шешкен Эпоха становления национальной литературы в романе В. Малеского «Узелки памяти» (1990)	108
Ю.А. Созина Художественные переводы и развитие межславянских литературных связей	109
А.А. Корзинина Изучение русско-чешских и чешско-русских литературных взаимосвязей на современном этапе	111

Секция

«Славянские путешествия во времени и пространстве»

М.В. Лескинен Путешествия поляков в сарматскую эпоху: эго-тексты и стереотипы их интерпретации	115
И.И. Свирида Путешествия принца Жозефа де Линя в контексте эпохи Просвещения	116
Т.И. Чепелевская Чешские земли Австро-Венгрии глазами русской путешественницы (по материалам путевых записок начала XX в. Елизаветы Ивановны Витте)	119
М.А. Аникин Духовный реализм в живописи Болгарии XIX–XX вв.	120
Н.В. Злыднева Путешествия русского футуризма в plusquamperfectum	123
Д.К. Поляков Чешские путешественники в СССР в 1920–30-х гг.	124
Е.А. Яблоков Мотив путешествия в художественном мире М. Булгакова	125
П.В. Королькова «Восхождение к Боснии» легата Казамариса: метафора пути в романе Нусрета Идризовича «Коло боснийской школы смерти»	127

Секция

«Славянские диалекты: история и современность»

В.М. Мокиенко Славянские социолекты в прошлом и настоящем	130
С. Милорадович Субстантивные конструкции, выражающие посессивность в сербских народных говорах, – реинтерпретация исторического развития формальных экспликаций	133
Н.А. Красовская Лексико-семантическое поле глаголов мышления (на материале тульских говоров)	135
Л.Н. Новикова Транспозиционные словообразовательные типы в тверских говорах	137

Н.В. Бурко	
О семантических особенностях отдельных географических апеллятивов в народных говорах	140
Т.И. Вендина	
Общеславянский лингвистический атлас и актуальные проблемы славянского сравнительно-исторического языкознания	143
Е.М. Коницкая	
Проблемы изучения русских говоров Литвы	149
В.Н. Гришанова	
Наименования отца в орловских говорах	152
С.В. Барацевич	
Названия туловища человека в орловских говорах	156
М.В. Флягина	
Особенности семантических сдвигов в народных географических названиях (на материале донских говоров)	159
А.Д. Черенкова	
Устаревшая лексика в говорах Воронежской области	160
Л.Я. Костючук	
Учет особенностей говора в условиях пограничья при лексикографировании и картографировании	162
Л.П. Михайлова	
О причастности прибалтийско-финских языков к системным изменениям в исконной русской лексике говоров Обонежья	167
О.В. Раина	
Гуральская диалектная паремиология	170
Г.Д. Неганова	
Географическая лексика в «Житии» протопопа Аввакума в аспекте современных народных говоров	173
И.Б. Качинская	
Семантика терминов родства в архангельских говорах: семантика, фонетика, грамматика, синтаксис	174
Т.В. Горлова	
Топонимия малого города Верхневолжского региона: «свое» и «чужое» (на примере топонимов г. Нерехты)	178
М.В. Ясинская	
Описательные наименования гриба <i>дождевик</i> в русских говорах и их ареальная характеристика (по материалам ЛАРНГ)	180
А.Б. Кокконова	
Глаголы, обозначающие погребение, в архангельских говорах	181

Секция
**«Преподавание славистических дисциплин:
проблемы и перспективы»**

В. Вилимек Проблема ознакомления студентов с особенностями национальных образцов невербального поведения в рамках преподавания славянской филологии	186
Н.Н. Старикова Славянские литературы на филологическом факультете МГУ. Специфика преподавания актуальных курсов	189
Н.Е. Ананьева Язык, речь, слово, мова и родственные им слова в лингводидактическом аспекте	190
В.Г. Кульпина, В.А. Татарин Принципы изучения ономастических моделей в подготовке современных славистов	191
Л.Л. Щавинская, Ю.А. Лабынцев «Букварь южнорусский» Тараса Шевченко: проблемы рецепции	194
В. Панайотов Проектная активность софийской словакистики и преподавание словацкого языка в Софийском университете	195
М. Костова-Панайотова Болгарская рецепция русской поэзия второй половины XX века: академические векторы и проблемы преподавания	197
М. Китанова О некоторых теоретических аспектах создания текстов для о иностранцев, изучающих болгарский язык	199
А.И. Рего Обеспечение сохранения истории славянской культуры на Закарпатье	200
Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская Многолетний опыт преподавания белорусоведческих дисциплин российским и зарубежным студентам и аспирантам	201

Секция
«Церковнославянский язык: грамматика о грамматике»

А.А. Кожина, Суркова Е.С. О языках перевода Книги пророка Даниила из Виленского ветхозаветного свода	203
--	-----

Е.М. Коницкая Функционирование библеизмов, связанных с библейскими именами, в современном русском и словенском языках	204
Н.В. Яровикова Вопросы словообразования в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв.	205
А. Левочская Языковая политика и языковая практика в сочинениях Ю. Крижанича	208
Ф.Б. Людоговский, В.Е. Людоговская Проекты грамматики современного церковнославянского языка	209

С е к ц и я

«Актуальные проблемы славянского языкознания»

А.В. Бабанов Лексические трансидиоматизмы как проявление славянского языкового единства и многообразия	211
Е.О. Борисова Представления о скорости в зеркале предметной метафоры (на материале польского языка)	213
Е. Л. Березович К сопоставительному изучению славянских географических названий: «ад» и «рай» в русской, чешской и польской народной топонимии	215
Н.Б. Ершова Система противительных союзов в болгарском языке	217
А.И. Рего Славянская письменность сквозь призму анализа «Азбуки угро- русского и церковно-славянского чтения» Августина Волошина	217
С.С. Скорвид «Тот крест не имел кто снять» (Об одном случае развития конструкции <i>pominativus cum infinitivo</i> в западнославянских языках идиалектах)	219

Электронный круглый стол

(<http://www.slavnarlit.narod.ru/narlit-konf.htm>)

«Кирилло-Методиевская традиция в жизни Тараса Шевченко»

*(К 200-летию юбилею со дня рождения
великого украинского поэта и художника)*

Лабынцев Ю.А. Церковнославянская книжность и Тарас Шевченко	221
---	-----

Щавинская Л.Л.

Первые польские исследователи о «суглометодіа́нстве» Тараса
Шевченко

222

Секция
**«Славянский мир
в прошлом и настоящем»**

А.М. Кузнецова
(Институт славяноведения РАН)

**Еще раз о Кирилле и Мефодии и
Блатенском княжестве IX в.**

В центре внимания доклада находится Балатонское (Блатенское) княжество, в IX веке отданное франками во владение славянскому князю Прибине. Расположено оно было к западу от современного озера Балатон в Венгрии, границы которого в раннем средневековье были намного пространнее. Фактически, поселения, о которых пойдёт речь были огорожены от внешнего мира болотами, что и дало название княжеству как на латинском, так и на славянском языке.

Два основных письменных источника дают нам право рассматривать это княжество как один из центров Кирилло-Мефодиевской миссии, начавшейся 1150 лет назад. Из Житий Константина (Кирилла) и Мефодия, которые по мнению большинства учёных были написаны в конце IX – начале X века, мы узнаём о письме моравского князя Ростислава к византийскому императору Михаилу III, с просьбой прислать к его народу «такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру»¹. Хронология событий, связанных с изобретением славянской азбуки, которое, согласно Житиям, произошло именно благодаря просьбе князя Ростислава – выстроена на основании косвенных данных и подробно исследована в литературе². В докладе будет обращено внимание на время пребывания Кирилла и Мефодия в Моравии (3 года согласно Житию Мефодия или 40 месяцев согласно Житию Константина), которое послужило основой для датировки начала их деятельности. Сакральный характер чисел 3 и 40, на наш взгляд, несколько затрудняет точность соответствующих расчётов. Тем не менее, очевидно, что миссия началась приблизительно в 863 году и в определённое время проходила и через земли Балатонского княжества, которое после смерти Прибины было унаследовано его сыном Коцелом, также неоднократно упоминавшимся в Житиях святых Кирилла и Мефодия. Этот князь «очень возлюбил славянские буквы и научился им и дал до пятидесяти учеников, чтобы научились им»³.

В докладе также пойдёт речь о другом источнике, содержащем скрытую полемику с Житиями святых – создателей славянской азбуки. Речь идёт о сочинении под названием «Об обращении в веру баварцев и хорутан», датировка которого 870–871 годом также основывается на

косвенных данных⁴. Написано оно было в среде Зальцбургского архиепископства с целью защитить его права на церковную юрисдикцию в том числе и над Балатонским княжеством. Яблоком раздора послужила деятельность «некоего грека, по имени Мефодий», который служил там литургию по-славянски. Анализ полемики, содержащейся как в Житиях Кирилла и Мефодия, так и в «Об обращении в веру баварцев и хорутан» - чрезвычайно интересен и плодотворен для определения исторического контекста появления славянской письменности.

И, наконец, в докладе будет проанализирован богатейший археологический материал, известный нам благодаря длительным раскопкам на территории Балатонского княжества в современной Венгрии. Археологические изыскания были начаты на территории Залавара ещё в 1913 году и возобновились только в 50-е годы XX века. Венгерские археологи Г. Фехер и Ч.А. Шош обнаружили тогда около 400 захоронений и раскопали фундамент базилики в Рецешкут. Последнее время археологическая экспедиция Венгерского национального музея, под руководством Б. М. Сёке и А. Ритток проработала богатый материал, свидетельствующий о жизнедеятельности княжества, среди которого и фундаменты храмов, описанных в сочинении «Об обращении в веру баварцев и хорутан», и остатки мастерской по изготовлению стекла, и всевозможные ювелирные украшения, пуговицы, предметы конской упряжи, керамика. Одна из последних и ценнейших находок 2009 года – короткая глаголическая надпись на осколке керамической фляги, сделанная явно в начальные времена славянской письменности – яркое доказательство деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников среди паннонских славян второй половины IX века⁵.

¹ Житие Константина, гл. XIV // *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб, 2000. С. 167.

² *Флоря Б.Н.* Сказания о начале. С. 370–381.

³ Житие Константина, гл. XV // *Флоря Б.Н.* Сказания о начале. С. 170.

⁴ *Losek F.*, ed., *Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg* // MGH, Studien und Texte 15. Hannover, 1997.

⁵ *B. Szöke M.*, *Mosaburg/Zalavár und Pannonien in der Karolingerzeit* // *Antaeus* 31–32, 2010, Old. 9–52.

А.А. Сафонов

*(Институт славяноведения РАН/
НИУ Высшая школа экономики)*

**Экологический фактор и локальная специфика
славяно-албанских конфликтов
в османской Македонии XIV–XVII вв.**

В средневековой социально-экономической системе Центральных Балкан важную историческую роль играла высотная поясность. Большая часть региона представлена средневысотными горами, что предопределило разделение труда между общинами земледельцев и скотоводов.

Этнические группы адаптировались к окружающим географическим условиям и создавали этноэкосистемы, что позволяло каждой этнической группе достичь сравнительно узкой специализации и обмениваться продуктами своего труда с близко живущими представителями иного типа. Поэтому различные этносы еще в Раннее Средневековье нашли свою экологическую нишу, а те их представители, которые перешли к иному типу, были через несколько поколений ассимилированы доминирующим этносом.

Большинство земледельческого населения современной албанско-славянской контактной зоны говорило на различных болгарских и сербских диалектах. Значительное влияние имели албано- и романоязычные группы скотоводов. Топонимические и антропонимические источники позволяют сделать вывод об относительном большинстве славян в албанско-славянской контактной зоне, однако, применительно к XIV–XVII вв. ни один район не может быть сочтен этнически однородным.

В XIV в. территория славяно-албанского взаимодействия в Македонии испытала на себе негативные последствия изменения окружающей среды, что отразилось на благополучии аграрного общества.

К естественным факторам следует отнести влияние Малого ледникового периода – похолодания, затронувшего практически все Северное полушарие. В источниках встречаются многочисленные свидетельства о климатических аномалиях, связанных с изменением уровня влажности. После климатического оптимума XII–XIII вв., обусловившего рост населения и внутреннюю колонизацию горных районов, наступил период засушливых лет и суровых зим, что пагубно отразилось как на урожайности сельскохозяйственных культур, так и на поголовье мелкого рогатого скота.

В число антропогенных факторов входит значительное по масштабам сведение лесов в результате внутренней колонизации XIII–XIV вв., несовершенства аграрных практик и хрупкости горной экосистемы. Наиболее неблагоприятные последствия вызывали бесконтрольный выпас мелкого рогатого скота на горных пастбищах, а также увеличение порубок с целью получения топлива. Свою роль сыграло и экстенсивное развитие

горного дела в конце XIV–XV в. в Северо-Восточной Македонии. В условиях частых засух подлинным бедствием для македонских земель стали регулярные лесные пожары.

Совокупность естественных и антропогенных факторов привела к деградации сельскохозяйственных угодий и, как следствие, нанесла удар по благополучию аграрного общества Внутренней Македонии.

Следует отметить, что развитие природно-социального кризиса отчетливо зависело от локальной специфики разных районов Внутренней Македонии. В районах со значительной диверсификацией аграрного производства (в Пелагонии, в районе Охридского и Преспанского озер) последствия кризиса были малозаметны в отличие от «депрессивного» района Осоговского массива, где развитие горнорудного дела нанесло непоправимый урон экологии.

Неоднородность природных условий и неравномерность в развитии кризисных явлений в пределах Внутренней Македонии предопределили миграционные потоки из «депрессивных» перенаселенных районов в более благополучные.

Природно-социальный кризис нарушил ранее сложившееся социально-демографическое равновесие между земледельцами и скотоводами. В результате сложных этносоциальных процессов албанцы сохранили свой язык и даже ассимилировали многие славянские группы. Экспансия горных скотоводов имела важные политические последствия для македонских земель, ослабив местные государственные образования перед лицом османской угрозы.

Оседание горцев представляется неизбежным и объективным социально-экономическим процессом. Однако принятые османской администрацией меры по исламизации албанцев и поддержанию социально-экономического равновесия между земледельцами и скотоводами объективно усилили этнические различия и предопределили дальнейшее обострение конфликта, что подтверждает эскалация насилия в Косово (1981–2008 гг.) и в Македонии (2001 г.).

Ю.П. Аншаков

*(Поволжский филиал Института
российской истории РАН, Самара)*

Самозванцы в Черногории во второй половине XVIII в.

История Черногории 60–90-х годов XVIII в. знает имена нескольких самозванцев и авантюристов. Наиболее известным из них является Степан Малый, который в 1767 г., выдав себя за русского императора Петра III, сумел стать единоличным правителем Черногории.

Именно то, что в глазах черногорцев Степан Малый был русским царем, позволило ему достичь тех высот, о которых никто из черногорцев не мог и помыслить. Сам же Степан Малый избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил о себе, что он – «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими». Он тщательно скрывал свое истинное происхождение. Одним намекал на свою принадлежность к династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим – что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «дезертир из Лики» и т. п. Однако в тайну его происхождения так никто и не проник.

С начала черногорских событий главная опасность для его власти исходила из Санкт-Петербурга. Екатериной II были предприняты попытки отстранить Степана Малого от власти. Однако российскому эмиссару Г. Мерку не удалось даже доехать до Черногории, а князь Ю.В. Долго-руков, прибывший в Черногорию в составе военной делегации в августе 1769 г., за трехмесячное пребывание в стране ясно осознал: самозванец не представляет ни малейшей опасности для России, наоборот, в условиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он готов быть ее верным союзником.

После отъезда русской делегации Степан Малый вновь стал полновластным правителем Черногории. Он предпринимал эффективные меры, направленные на наведение порядка в стране, и, в частности, на искоренение кровной мести. Самозванец ввел смертную казнь за кровную месть, учредил суд, исполнение приговоров которого контролировал специальный военный отряд. Приговоры отличались крайней суровостью. Осенью 1770 г. он случайно подорвался на заложенной в скале mine и в результате этого ослеп. 22 сентября 1773 г. подсланный шкодринским пашой наемный убийца грек Станко Клазомуна заколол спящего Степана кинжалом.

Сама незаурядная личность Степана Малого стала стимулом к тому, что уже летом 1774 г. в Черногории появился авантюрист, уроженец Будвы, самозванный граф Степан Занович. Он попытался выдать себя за избежавшего гибели Степана Малого, но вынужден был вскоре покинуть Черногорию ни с чем, его афера не удалась – народ еще хорошо помнил своего истинного повелителя.

В 90-е годы XVIII в. на политической сцене Черногории промелькнул венгерский серб и авантюрист Димитр Вуич, который, как эмиссар французских принцев-эмигрантов, посетил Северную Албанию и Черногорию, где ему удалось договориться с Махмудом-пашой и черногорским митрополитом Петром I Негошем о вербовке 4000 албанцев и 1200 черногорцев для боевых действий на юге Франции, но все сорвалось из-за нехватки денежных средств.

Черногория знает и другого выдающегося самозванца – Николая Чирковича. Родился он в Подгорице, затем перебрался в венецианское

владение на Адриатике Котор, и тогда еще носил фамилию Чиркович. Прихоти судьбы заносили его в Триест, Пешт, Германию, а затем и в Петербург, где он сумел пристроиться у находившегося тогда в России родственника Петра I Негоша – А. Филотича, и войти к нему в доверие. Когда в конце 1797 г. Филотич умер, Чиркович завладел хранившимися у него бумагами, и на основе подлинников сделал себе подложные документы на имя полковника венецианской службы, графа и черногорского обер-воеводы Черноевича-Давидовича. Вслед за этим новоявленный граф, вооружившись поддельной грамотой от имени черногорских старейшин, якобы уполномочивших его поздравить императора Павла I с восшествием на престол, объявился при русском дворе. Павел, считая «мнимого посланца за настоящего», принял эти поздравления.

Следствием авантюрных поступков Чирковича стали конкретные действия русского императора, положительно сказавшиеся на развитии русско-черногорских связей. Первым шагом в этом направлении стала грамота Павла I черногорским старейшинам с подтверждением покровительства России Черногории. Павел I также наградил Петра I Негоша орденом Александра Невского. Затем Чиркович впервые направился в Черногорию, где встретился с Петром I Негошем, который, получив от него конкретные подтверждения внимания со стороны России, наделил самозванца официальными полномочиями и направил его в Петербург. Прибыв в столицу в начале 1800 г., Чиркович развернул активную деятельность. В частности, он по предписанию митрополита зондировал вопрос об объединении с Черногорией Боки Которской, принадлежавшей Австрии, с целью выхода Черногории к Адриатике. Однако этот план был отвергнут российским руководством.

Вместе с тем, обращаясь к русско-черногорским отношениям при Павле I, можно утверждать, что они успешно развивались. В 1799 г. император назначил ежегодную денежную субсидию Черногории в 1 тыс. червонных на государственные нужды. Российские дипломаты по распоряжению императора защищали интересы Черногории перед Портой и австрийским двором. Во всем этом есть и немалая доля заслуг Николая Чирковича.

В 1802 г. Александру I последовал донос на Чирковича от проживавших в России черногорцев Ф. Марошевича и И. Парапановича, разоблачавший его самозванство. Чиркович был лишен звания полномочного посланника, судебным постановлением ему запрещалось именовать себя «черногорским графом». После всех этих жизненных перипетий Чиркович поселился в Подольской губернии, где по прошествии времени вновь начал выдавать себя за «графа», «черногорского сердаря» и «майора бывшей венецианской армии». Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

М.Ю. Дронов

(Институт славяноведения РАН)

**Михаил Андреевич Балугьянский:
“свой” среди “чужих”, “чужой” среди “своих”**

«Один народ, от которого можно нам желать ученых – есть Карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших...». Эти слова, приписываемые в литературе то князю А.Н. Голицыну, то попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому, относятся к 20-м гг. XIX в. и касаются небольшого славянского этноса, который сегодня чаще всего известен под именем карпатских русинов. Именно «карпатороссы», русинские уроженцы Венгерского королевства под скипетром Габсбургов, представлялись российской образовательной элите как оптимальные партнеры в деле просвещения собственной империи. Являясь восточными славянами по языку и восточными христианами по вере (пускай, и в унии с Римом), русины-интеллектуалы в то же время обладали плодами европейской учености. Таким образом, «карпаторусские» профессора, благодаря своим этноконфессиональным данностям и приобретенному научному багажу, становились ценнейшими кандидатурами для развития отечественной науки и образования. К плеяде приглашенных из Венгрии ученых принадлежал и Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) – первый ректор Санкт-Петербургского университета, видный российский экономист, сподвижник реформатора М.М. Сперанского.

Однако личность М.А. Балугьянского интересна не только своей многогранной научной и общественно-политической деятельностью. Его судьба, как, впрочем, и других «карпатороссов», в течение жизни была связана сразу с несколькими регионами и культурами, в том числе изначально пограничными и гетерогенными. Именно поэтому его собственная идентичность поддается современной расшифровке с большим трудом. Но как раз на ней, по нашему мнению, и можно обосновать принципиально новую роль Балугьянского в контексте культур Центральной и Восточной Европы.

При изучении жизненного пути ученого невольно напрашивается мысль, что светлая память об этом человеке сплачивает соседние народы. В той или иной степени «своим» (хотя одновременно отчасти «чужим») он и сегодня остается для венгров, русинов, русских, словаков и украинцев. Точно так же волею судьбы Балугьянский незримо соединяет три ветви христианства – католичество латинского и греческого обрядов и православие. По-видимому, подобная сложность порой доставляла ученому при жизни некоторый дискомфорт. Однако в современном глобализованном мире такие фигуры как Балугьянский, напротив, могут выступать в качестве символов диалога культур – незримых посредников

между соседними народами и вероисповеданиями.

Можно привести и наглядный пример межкультурного единения вокруг личности М.А. Балугьянского. 29 апреля 2010 г. в Северной столице России состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной этому сыну русинских Карпат. Идея установки его барельефа на ректорском флигеле СПбГУ была выдвинута Генеральным консульством Словакии в Санкт-Петербурге. Художественную реализацию проекта взял на себя скульптор с венгерской фамилией Сабо.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914» № 12-01-00202а.

А.А. Ждановская

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

**Подходы национальных фракций
к решению богемского вопроса
в начале консервативной эпохи в Цислейтании (1879–1897 гг.)**

В 1879 году в политической жизни Цислейтании произошли значительные перемены. В феврале был отправлен в отставку либеральный премьер-министр Адольф Ауэрсперг, и после полугода существования переходного кабинета Карла Штреймайра формирование правительства было доверено консервативному политику Эдуарду Тааффе. Перестановку сил сулили и прошедшие в том же году выборы в рейхсрат, в которых впервые за 16 лет приняли участие чешские депутаты. По их результатам в парламенте сформировалась коалиция проправительственных консервативных сил, состоящая преимущественно из славянских политиков.

Чешские депутаты, вернувшись в имперскую политику, поспешили заявить о своих национальных требованиях. Первой попыткой сформулировать их стал меморандум депутатов от Чешских земель, представленный ими на рассмотрение императору Францу-Иосифу 17 ноября 1879 г. Содержание чешского документа вызвало заметное возмущение немцев Богемии. В конце января 1880 г. немецкими депутатами был разработан ответный документ. «Меморандум немецких депутатов рейхсрата и ландтага из Богемии»² был представлен премьер-министру Тааффе 9 февраля 1880 г. и затем передан императору.

В чешском меморандуме были очерчены основные проблемные зоны, в рамках которых и будет развиваться богемский вопрос в течение консервативной эпохи. Опираясь на данные статистики о численности

населения в провинции, чешские политики хотели добиться равноправия чешского и немецкого языков в государственных учреждениях и судах, а также в Пражском университете, и, во-вторых, увеличить число школ и ремесленно-промышленных училищ так, чтобы оно было пропорционально соотношению чешского и немецкого населения в Богемии.

Немецкий документ критиковал положения чешского, исходя, главным образом, из централизаторского принципа. Его авторы настаивали на том, что при реформировании государственного управления или сферы образования необходимо исходить не из идеи национального компромисса, а из интересов государства. Немецкая политика, согласно меморандуму, отвергала требования чехов не потому, что видела в них угрозу «немецкому характеру» немецкоязычных областей Богемии, а потому, что их реализация привела бы к федерализации империи, что было несовместимо с «энергичным развитием страны». Исполнительные и судебные органы, также как и система образования, были частью единой для всей Цислейтании структуры, поэтому введение в них двуязычия привело бы к хаосу в управлении страной. Говоря об университете и школах, немцы также подчеркивали то, что их выпускники должны иметь возможность профессионально состояться в любом городе или провинции Австрии, для чего им необходимо, в первую очередь, безукоризненно владеть немецким языком. Аргументом против увеличения числа чешских ремесленных училищ было то, что промышленность в Богемии традиционно находилась в руках немецкого населения, тогда как чехи в большом количестве таких учебных заведений попросту не нуждались.

Анализируя эти тексты, стоит отметить, что аргументы и логические построения обеих сторон не опровергали друг друга, поскольку строились в разных системах координат, отправные точки которых лежали в концепциях государственного развития чешской и немецкой сторон – федерализме и централизме соответственно. Порочный круг чешско-немецкого конфликта заключался в том, что его стороны исходили из этих взаимоисключающих концепций, и достижение компромисса в данном случае означало бы полный отказ одной из сторон от своих идей, то есть, по сути, признание своего поражения.

Значение этих дискуссий и аргументации состоит в том, что они стали отправной точкой переговоров в рамках треугольника «чехи-немцы-Вена», так как именно в руках последней находились рычаги управления богемским вопросом, на протяжении полутора десятилетий неоднократно приводившиеся в движение. Именно те проблемные зоны, что были очерчены в чешском, а затем и в немецком документе, стали ключевыми в чешско-немецком противостоянии последующих лет.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914» № 12-01-00202а/

² Полный текст документа был опубликован в газетах, см., например, Prager Tagblatt. Jahrgang 4. Nт. 41–42

К.А. Попов

(Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова)

**Письма читателей как инструмент освещения
избирательных кампаний в словацкой прессе
рубежа XIX–XX вв.¹**

Начало XX в. в истории словацкой журналистики стало периодом расцвета. Для этого времени характерен выход самых разнообразных газет и журналов, причём не только лояльных к правительству, но и оппозиционных, национальных. Такое разнообразие печатных изданий неизбежно приводило к возникновению острых публицистических полемик по животрепещущим вопросам политической жизни. В ходе этих столкновений использовались самые разнообразные средства. В этой связи большой интерес вызывает подход разных газет к публикации писем читателей, приходивших в редакцию.

Для иллюстрации трёх различных стратегий при использовании читательских писем возьмём газеты *Národné noviny*, *Slovenský týždenník* и *Slovenský noviny*. Первые две издавались сторонниками различных течений национального словацкого движения: старого «мартинского центра» (по городу Турчанский Святой Мартин) Словацкой Национальной партии и молодого поколения, испытавшего на себе воздействие идей Т. Гаррига-Масарика. Последняя газета была проправительственной, её редакция поддерживала идеи венгерского патриотизма и правящую либеральную партию. Эти три издания были достаточно авторитетными и влиятельными, а кроме того, в них постоянно присутствовала рубрика «Письма». В ходе работы над данными тезисами были просмотрены номера этих газет за январь 1905 г. – время, когда в Транслейтании начиналась очередная избирательная кампания в Государственное собрание. Следует упомянуть, что изучение данной проблематики автором этих строк только начато, и продолжение изысканий может скорректировать сегодняшние результаты.

Стратегия *Národné noviny* при публикации писем была наиболее сдержанной и далёкой от политической борьбы, хотя в остальных рубриках газета, как официальное издание партии, естественно, её не чуралась. Значительная часть писем, напечатанных в *Národné noviny*, касалась выступлений певческих союзов и топу подобных мероприятий,

способствовавших развитию национальной культуры. Письма о ходе избирательной кампании на местах хотя и попадают, несут в себе лишь общий мотив неудовлетворённости и скептицизма по отношению к механизмам, по которым происходит выдвижение кандидатов в населённых словаками избирательных округах.

Активной пропагандистской стратегии придерживалась газета *Slovenský týždenník*. В каждом её номере публиковалось сразу по несколько писем, в которых содержались жалобы на мадяронов, чиновников и евреев, которые навязывают словацкому большинству невыгодных кандидатов в парламент и сожаления об отсутствии национальных словацких кандидатов, либо радостные сообщения из тех избирательных округов, в которых такие кандидаты всё-таки нашлись. За счёт последних писем *Slovenský týždenník*, в том числе, дополнительно осветил и выдвижение в качестве кандидата собственного редактора, Милана Годжи. Таким образом, письма читателей помогали редакции газеты сформировать негативные и позитивные образы участников текущей предвыборной кампании. Подчёркивая эмоциональную направленность некоторых из них, она даже предпосылала им заголовки, извлечённые из самого текста письма.

Slovenský noviny вкладывала в публикацию писем не меньший пропагандистский смысл, но с другим знаком. В отобранных редакцией этой газеты к печати сообщениях от читателей говорилось либо о безусловной поддержке кандидатов от либеральной партии в том или ином округе, либо о недоверии, испытываемом избирателями по отношению к пропаганде Словацкой Национальной или Католической народной партий. Эти две партии, за счёт своих позиций по национальному вопросу, рассматривались венгерскими либералами как главные политические противники в комитетах Верхней Венгрии, населённых словацким национальным меньшинством.

Как отдельную особенность публикаций читательских писем в словацких газетах следует указать их анонимность. В редких случаях под ними помещались инициалы или даже фамилия отправителя (например, в тех письмах, где говорилось о выдвижении в кандидаты М. Годжи), чаще же обходились словами «Крестьянин» или «Избиратель». С одной стороны, это было разумной мерой предосторожности, учитывая тот факт, что в ходе избирательных кампаний в Венгрии нередки были нападения на политических оппонентов, оканчивавшиеся ранениями и даже смертями. С другой стороны, это оставляет возможность подозревать редакции газет в различных подтасовках с письмами. В связи с этим было бы чрезвычайно интересно обнаружить оригиналы корреспонденции редакций словацких газет в архивах этой страны, чему автор тезисов планирует посвятить свои усилия в ближайшее время.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914» № 12-01-00202а.

Л.А. Кирилина

(Институт славяноведения РАН)

**О роли группы “Препород”
в словенском национальном движении
накануне Первой мировой войны¹**

Деятельность препородовцев – тайной революционной организации гимназистов, издававшей в 1912–1913 гг. в Любляне газету «Препород» («Возрождение»), получила достаточно широкое освещение в словенской историографии 30–80-х годов XX в., когда Словения входила в состав королевской Югославии и СФРЮ. После образования независимой Республики Словения интерес к югославянской идее в целом и к препородовцам как ее проводникам в частности сократился. В российской историографии подробного исследования их целей, деятельности и роли в развитии словенского национально-освободительного движения еще нет.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., воспринятой словенцами с энтузиазмом в надежде на укрепление позиций славянских народов в монархии, идеи югославянства во всех трех словенских политических партиях получили новый импульс к развитию. Католики, бесспорные лидеры на политической сцене, выдвинули программу триализма, предусматривавшую объединение всех австро-венгерских югославянских земель в отдельную федеративную единицу в составе империи. Либералы в целом поддерживали триалистическую концепцию. Социал-демократы провозгласили цель объединения всех югославян Австро-Венгрии. Однако ни одна из югославянских программ словенских политиков не ориентировалась на отделение словенских земель от Австро-Венгрии.

Единственной политической группой, выступившей уже во время Балканских войн с антиавстрийских позиций стали препородовцы. К движению люблянских учеников средних школ присоединились гимназисты ряда других словенских городов, некоторые студенты в Вене и Граце. Возглавляли группу Ф. Фабиянич, Л. Клеменчич, А. Енко.

Позиции препородовцев относительно социальных проблем были близки социал-демократическим, главное же внимание они уделяли национальному вопросу. Они считали, что югославы являются единым народом, насильственно разделенным историей, и их будущее – не только политическое объединение, но и постепенное слияние языков и культур. Юных гимназистов не устраивала политика ни одной из словенских партий, она казалась им «оппортунистической» и неэффективной. Резкой критике

препородовцы подвергали теории федерализма и триализма, а также идею Объединенной Словении. По их мнению, свобода югославян и их государственное объединение возможны лишь на развалинах австро-венгерской монархии. Осуществить югославянскую программу препородовцы предполагали революционным путем.

Радикальные, максималистские взгляды препородовцев не нашли поддержки почти ни у кого из словенских политиков, воспринимавших их как незрелые и опасные мечтания подростков. Все крупнейшие словенские политические газеты выступили с резкой критикой идей и деятельности этой группы.

Однако среди словенской молодежи она завоевывала все большую популярность. Газета «Препород» имела около 2500 подписчиков и получала материальную помощь от симпатизировавших движению людей. После запрещения «Препорода» в июне 1913 г. круг приверженцев движения продолжал расширяться. За установление более тесных связей с группой препородовцев выступил исполком организации национально-радикальных учащихся, сочувствовали их движению младолибералы, группировавшиеся вокруг газеты «Дан» («День»). В день 500-летней годовщины возведения на престол последнего каринтийского герцога (18 марта 1914 г.), препородовцы, совместно с организацией католических учащихся, устроили забастовку в знак протеста. Все эти факты свидетельствуют о том, что и накануне Первой мировой войны движение препородовцев продолжало набирать силу.

Сразу после Сараевского убийства прошли массовые аресты препородовцев. В тюрьме оказались многие руководители движения. Некоторые препородовцы, призванные в австро-венгерскую армию, во время Первой мировой войны перешли на сторону сербов, вступили в ряды добровольцев. Они продолжали бороться за осуществление своей мечты о Югославии, но далеко не все из них дожили до того времени, когда она стала реальностью.

Препородовцы не были первыми, кто размышлял о возможности решения словенского вопроса вне рамок империи. Идея полностью независимой от Австро-Венгрии Словении возникала у отдельных словенских патриотов и прежде. Препородовцев нельзя назвать совершенно изолированным явлением. У них были сторонники не только среди молодежи, но даже и среди людей старшего поколения. Одновременно с их движением развивались сходные революционные движения других югославян. Препородовцы установили связи с рядом других радикальных организаций империи, в том числе и с Млада Босной.

Идеи препородовцев были еще по-юношески сумбурны, во многом противоречивы и неопределенны. Однако эти молодые люди организовали первую политическую группу в словенских землях, выдвинувшую в то время революционную идею образования независимого югославянского

государства, бесстрашно и энергично пропагандировавшую ее и сумевшую увлечь за собой значительную часть словенской молодежи. И прежде всего этим, на наш взгляд, определяется роль препородовцев в развитии словенского национально-освободительного движения.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914» № 12-01-00202а.

Н.Г. Струнина

(Институт славяноведения РАН)

**Россия и Черногория:
уроки политического сотрудничества
в начале XX в.**

Русско-черногорские отношения берут свое начало в 1711 г., когда Петр I призвал черногорцев на борьбу с турками. С тех пор была учреждена военная субсидия в размере 500 руб., как компенсация за ущерб, нанесенный черногорцам турками. В конце XIX – начале XX в. отношения между двумя государствами вошли в новую, активную фазу. В 1889 г. император Александр III возвестил на весь мир о заключении династических браков: две дочери черногорского князя Николы Петровича-Негоша вошли в семью Романовых. Тогда Россия выплатила черногорский долг Австро-Венгрии и Турции. Военная субсидия продолжала выплачиваться, и в начале XX в. стала средством политического влияния России на Черногорию.

С 1895 г. размер русской субсидии лишь на военные расходы составил 82 тыс. руб. в год. По официальным планам российского Генштаба, Черногория могла оказать военную помощь России, предоставив свою армию по первому призыву российского императора в случае военных действий России на Балканах (предположительно с Австро-Венгрией). Содержа Черногорию, Россия рассчитывала на лояльное отношение к себе. Однако военные неудачи России в 1904 г. изменили настроения в черногорском обществе. Российский военный агент в Черногории Н.М. Потапов докладывал в Главное управление Генштаба о том, что черногорский князь, разуверившись в мощи России, ищет новых покровителей, в следствие чего «заигрывает» с Италией и Австро-Венгрией.

В 1905–1906 гг. Потапов неоднократно поднимал вопрос о целесообразности выплаты русских субсидий в виду нелояльности поведения Черногории во главе с ее князем.

В 1908 г. после оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, вопрос лояльности Черногории разрешился в положительном для России ключе. Теперь политика России на Балканах была направлена на

удержание Черногории и Сербии от военных действий против Австро-Венгрии. Также вопрос о военных субсидиях Черногории для усовершенствования ее армии поднимался не раз на Особых совещаниях и был решен положительно. Военная субсидия была увеличена с 331 тыс. руб. до 600 тыс. руб. в год.

С этого времени началась разработка русско-черногорской военной конвенции, которая была в интересах обоих государств: Черногории – для утверждения на бумаге размера и условий выплаты русской субсидии; России – для контроля действий черногорской внешней политики.

Однако эта военная конвенция, подписанная в конце 1910 г., показала тщетность политического сотрудничества двух стран, ибо была нарушена Черногорией, когда она поддерживала восстание албанцев 1910–1911 гг., и когда без одобрения России заключила договоры с Сербией и Болгарией в 1912 г.

П.А. Искендеров

(Институт славяноведения РАН)

**Россия, Австро-Венгрия и славяне:
исторические уроки взаимодействия ¹**

Отношения между Австро-Венгрией и Россией в конце XIX – начале XX вв. представляли собой один из краеугольных камней тогдашней системы общеевропейской безопасности. Они не только создавали новые возможности маневрирования вне существовавших на континенте двух военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза – но и позволяли разрабатывать программы решения конкретных региональных проблем – в первую очередь, балканских.

С другой стороны, австро-российские отношения сами испытывали на себе влияние противоречивых и взаимозависимых факторов, главными из которых были положение в славянских областях Центральной и Юго-Восточной Европы, а также существовавшие у Вены и Петербурга собственные геополитические планы и приоритеты.

Не последнюю роль в развитии отношений в треугольнике Австро-Венгрия-славяне-Россия играла фигура австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда. Российский посол в Вене Н.Н. Шебеко в своей депеше от 30 июня 1914 г. (то есть уже после убийства престолонаследника в Сараево 28 июня), давая ему характеристику, указывал, что тот искренне мечтал о восстановлении Австро-Венгрии во всем ее блеске; однако ему часто приписывали широкие завоевательные замыслы, и «как часто бывает в подобных случаях, лица его окружавшие сгущали краски и проповедовали еще более, чем у него самого крайние идеи».

По свидетельству Шебеко, в первый период своей деятельности эрцгерцог, по-видимому, стремился опираться на славянские элементы внутри страны и создать триалистическую модель государства. Затем становилась все более заметной его растущая зависимость от германского императора Вильгельма II, что имело следствием ускоренное увеличение армии и флота. Состоявшаяся 12–14 июня 1914 г. в фамильном замке Франца Фердинанда Конопшт (современная Чехия) его встреча с Вильгельмом, по мнению австро-венгерской печати, должно было в результате привести «к обложению населения новыми налогами для военных целей». С другой стороны, росло влияние на взгляды престолонаследника со стороны ватиканских кругов, чему особенно содействовала герцогиня Гогенберг, принадлежавшая к крайне религиозной семье. В связи с этим возросла и пропаганда католицизма в Монархии, в первую очередь в Галиции, Боснии и Герцеговине, а также в Албании. Российский дипломат подчеркивал, что Франц Фердинанд никогда не пользовался особой популярностью по сравнению с покойным кронпринцем Рудольфом и особенно императором Францем-Иосифом, отчасти из-за своего характера, но главным образом из-за чрезмерного честолюбия и слабоосуществимых замыслов, которые ему приписывали, и которые вызывали серьезные опасения среди населения Монархии, за исключением некоторых военных кругов. При этом, начиная с 1908 г., то есть с момента аннексии Боснии и Герцеговины, в стране наблюдались постоянное увеличение военных расходов и параллельный рост межнациональных противоречий².

Характерно также, что, по словам российского генерального консула в Будапеште М.Г. Приклонского и российского посланника в Италии А.Н. Крупенского, итальянские политические круги и общественное мнение обвиняли Франца Фердинанда во враждебном отношении к их стране, а венгры испытывали к нему подозрения и определенную антипатию вследствие неприязненного отношения с его стороны к венгерским национальным устремлениям, а также из-за его воинственности. Кроме того, на «загадочность политических тенденций» Франца Фердинанда особо указывал тот же Приклонский в своей телеграмме от 4 мая 1914 г.

Наивысшей точкой взаимодействия Австро-Венгрии и России в рассматриваемый период стал комплекс соглашений по балканскому урегулированию, вошедший в историографию как «русско-австрийская Антанта». При этом следует подчеркнуть, что славянский фактор играл применительно к данной ситуации диаметрально противоположную роль в том, что касалось интересов Вены и Петербурга. Растущая нестабильность в югославянских областях монархии Габсбургов объективно вынуждала ее проводить более взвешенную политику на Балканах и искать точки соприкосновения с Россией. Что же касается российских приоритетов в регионе, то Петербург, наоборот, пытался использовать взаимодействие со

своим главным геополитическим конкурентом на Балканском полуострове для того, чтобы защищать интересы местного славянского населения – прежде всего в Македонии, а также в Сербии и Черногории.

Сочетание этих взаимопротиворечивых, но объективных факторов позволило русско-австрийской Антанте достичь определенных результатов – в том числе выработать Мюрцштегскую программу реформ в Македонии, а также принципы соглашения в Бухлау. Однако эти же факторы обусловили последующий разрыв Вены и Петербурга, вызванный как растущим вмешательством Германии, так и противоречиями сторон по Боснии и Герцеговине.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что с точки зрения и Австро-Венгрии, и России центральноевропейские и балканские славяне выступали скорее объектом, нежели субъектом соответствующих планов, стратегий и разработок. Тем не менее, разрабатывавшиеся на этой основе Веней и Петербургом определенные интеграционные модели (внутриполитические и государственно-административные в Австро-Венгрии и внешнеполитические в виде Балканского союза для России) имели важное значение в том числе для самих славянских народов обширного региона Центральной и Юго-Восточной Европы.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее», № 11-01-00259а

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 178. Л. 10.

С.М. Слоистов

(Институт славяноведения РАН)

**Чехи и словаки в советском плену (1941–1945 гг.):
аспекты мемориальной работы**

Основные формы мемориальной работы зафиксированы в отечественном законодательстве. В первую очередь к ним относятся меры по выявлению павших с целью обустройства мест захоронений, установки надгробий, памятников, стел, обелисков и других мемориальных сооружений. Важное место отводится подготовке научно-популярных публикаций, организации музеев и тематических выставок. Применительно к чехам и словакам данный вид деятельности регулируется международными соглашениями России с Чехией и Словакией.

Для мемориальной работы традиционными являются два типа памятников. В первом случае превалирует концепт героя, когда особый акцент делается на личных качествах пострадавших (доблесть, мужество, порядочность и т. д.) Для второго типа характерно более общее

гуманистическое начало, где становится важен сам факт преждевременного прекращения жизни человека. В частности, именно сама трагедия смерти становится лейтмотивом в деятельности по увековечиванию памяти о умерших военнопленных – жертвах войны.

Если раньше по политическим мотивам трагедия многих чехов и словаков, против своей воли оказавшихся на фронте, часто замалчивалась, то в последние время можно наблюдать элементы их неправомерной героизации. Так, правильная посылка изучения их судьбы в контексте тоталитарного режима, который послал их на Восточный фронт, подменяется рассмотрением военного плена как части репрессивной машины в условиях сталинизма. Появляется реальная опасность героизации военнопленного как пострадавшего от сталинских репрессий, несмотря на абсурдность полного отождествления жертв войны и плена с погибшими в результате политических репрессий в СССР. В процессе мемориальной работы этому может способствовать путаница при разделении собственно военнопленных и лиц, ошибочно задержанных органами НКВД на освобождаемой территории в качестве пособников нацистов в тылу наступавшей советской армии.

Проблематика военнопленных чехов и словаков в СССР является частью большого направления по изучению советского плена периода Второй мировой войны. Для успешной мемориальной работы особенно важны исследования практики учета, антифашистской деятельности и быта военнопленных. Судьба славян в вермахте и союзных ему армиях на Восточном фронте во многом была темой запретной, с многочисленными табу. В то же время, в виду местами значительной антифашистской деятельности чехов и словаков в данных формированиях, она имеет достаточно давнюю традицию.

Это обязывает нас при проведении мероприятий по увековечиванию памяти о пленных рассматривать чехов и словаков отдельно от других военнослужащих армий гитлеровской коалиции. Однако провести данную дифференциацию по этнонациональному признаку часто бывает затруднительно. Например, при выделении главного критерия для национальной идентификации военнопленного в триаде этническое происхождение (национальность) – гражданство – национальная принадлежность вооруженных формирований, особенно если они не совпадают.

Решение этой проблемы должно основываться на более широком понимании плена. Поскольку идентичность военнопленного начинает формироваться задолго до его попадания в плен. При этом можно выделить две типичные ситуации:

- добровольная сдача в плен, сопряженная с дезертирством;
- взятие (сдача) в плен непосредственно в результате боя.

В обоих случаях представления о себе и своем окружении в плену формируются еще до фактического пленения. С одной стороны, это навязанный немецкой пропагандой страх оказаться в новой ситуации. Он во многом преодолевается через глубокие переживания. Порой, как об этом свидетельствуют воспоминания пленных, эти переживания-размышления касаются незавидного положения славянина в неславянском окружении, недостойного к нему отношения со стороны немцев или венгров, принудительного взятия на фронт в чужом мундире. С другой стороны, несоответствие навязанных фашисткой пропагандой представлений реальности, возникающей в результате контактов с местным населением на оккупированной советской территории. Когда положительную роль играют легко преодолимые языковые различия.

Восприятие реальности в категориях славяне – неславяне усиливается в плену. Срабатывает все тот же эффект несоответствия сформированных пропагандой представлений с намного лучшей действительностью. Также стоит помнить, что статус меньшинства оставался и в лагере. Даже у более многочисленных по сравнению с пленными-славянами венгров формировалось представление, что они в плену не у русских, а у немцев. Одновременно существовали положительные контакты с местным населением, которое часто находилось в сопоставимых по быту условиях, что сглаживало различие пленный-свободный.

Конечно, свое значение имела советская пропаганда возрожденных идей всеславянской взаимности. На наш взгляд, в данных условиях ее роль сводилась к конкретизации и универсализации частных форм идентификации на фоне реанимированного суровой реальностью жизни общеславянского чувства.

Подводя итог, можно сказать, что в работе по увековечиванию памяти о чехах и словаках в советском плену вполне уместно использование концепта славян-антифашистов. В ряде случаев из-за трудностей в конкретизации их национальной принадлежности он является единственно возможным. Однако, рассматривая их судьбу, естественные сложности, с которыми они столкнулись в плену, следует избегать их героизации, приводящей к неправомерному уравниванию военнопленных с жертвами сталинизма.

В.В. Волобуев

(Институт славяноведения РАН)

**Югославские политэмигранты в Польше
в период советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.**

Советско-югославский конфликт, глывший с начала 1948 г., вышел на поверхность во время совещания Коминформа в Бухаресте 19–23 июня 1948 г. После этого любой коммунист, выказывавший хотя бы тень

сочувствия к линии Тито, переводился в разряд отступников и врагов. В Польше самой известной жертвой чистки стал генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии В. Гомулка, подвергшийся жёсткой критике и отставленный со своего поста на пленуме ЦК 31 августа – 3 сентября 1948 г. В польской печати начала разворачиваться кампания по осуждению Тито и его сторонников. Параллельно с этим новое руководство правящей партии во главе с Б. Берутом принялось сколачивать группу антититовцев из самих югославы, оказавшихся в Польше.

3 августа 1950 г. заведующий отделом связи канцелярии секретариата Коминформа Н.Н. Пухлов переслал председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяну информационную записку о деятельности югославских политэмигрантов антититовской направленности в Польше, подготовленную сотрудниками Заграничного отдела ЦК Польской объединённой рабочей партии. Из неё следовало, что группа югославы-антититовцев в Польше насчитывала уже 23 человека: 11 сербов и по 4 хорвата, македонца и черногорца; 8 человек происходило из рабочих, 8 – из мещан и 7 – из крестьян. По роду деятельности 16 обучались в польских вузах, 4 работали на Польском Радио (в югославских передачах), 1 трудился горным инженером на шахте под Катовицами, 2 являлись домохозяйками.

С самого начала организацию, и без того небольшую, начали раздирать склоки, причины которых авторы записки усматривали в её малой численности и разбросанности по городам (Варшаве, Вроцлаву, Кракову, Гданьску), что приводило к недоразумениям между руководством и местными ячейками. (Гданьские политэмигранты даже грозили отделиться от основной парторганизации, однако сотрудники Заграничного отдела быстро подавили наметившуюся фракционность.) Да и вообще, как заметили авторы документа, «в группе югославских политэмигрантов-антититовцев обнаружилась склонность к личным трениям и групповщине». При этом трения на национальной почве проявлялись весьма слабо, разве что у черногорцев, которые «оказывают друг другу взаимную поддержку, хотя и не раз отдают себе отчёт в том, что поступают неправильно». Но и без этих склок, по мнению авторов записки, образованная структура не имела шансов на развитие, т.к. «в основном охватила [...] всю политическую эмиграцию из Югославии».

В области идеологической работы упор был сделан на изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» и разоблачение «титовских козней». Так, Сандулович вместе с польскими товарищами выезжал в районы проживания польских реэмигрантов из Югославии, где «были обнаружены попытки титовских агентов сеять смуту. Тов. Сандулович привёз тогда ценные материалы». В Кракове Г. Радониц обнаружила бюллетени югославского посольства, которые рассылались рабочим местных фабрик. Вместе с

польской парторганизацией Радонич организовала ряд бесед о положении в Югославии.

Впрочем, невзирая на все эти эксцессы, группа активно работала. 17–18 января 1951 г. члены Исполнительного бюро (Н. Сандулович, Ж. Суботич, Г. Радонич) участвовали в конференции представителей групп «югославских революционных политэмигрантов в СССР и странах народной демократии». Продолжал выходить бюллетень «За победу», Польское Радио каждый день транслировало 6 передач на сербохорватском языке и 2 – на македонском.

Между прочим, из числа югославских политэмигрантов выявили одного подозрительного, которого на всякий случай не включили в группу. Его звали Никола Войнович, и информация о нём дошла аж до Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б).

Н. Сандулович, будучи в Румынии, расспросил троих тамошних югославских политэмигрантов о Войновиче (которого он почему-то величал Войной Николичем), и те заявили, что Войнович – бывший титовский активист, по какой-то причине (очевидно, в силу разложения рядов) сбежавший из Югославии. Во Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б) были отправлены заявления всех троих насчёт Войновича. Сам Войнович не отрицал, что он – бывший приверженец Тито. В обширном заявлении, написанном 19 января 1951 г. в Варшаве, он, однако, очень глухо поведал о причинах, побудивших его разочароваться в Тито, зато обильно пересыпал текст дежурными обвинениями в адрес югославского руководства. Очевидно, всё это произвело впечатление на соответствующие органы. 23 августа 1951 г. Длускому был отправлен из Москвы ответ с предложением, чтобы Войнович выступил в печати.¹

К сожалению, на этом обрываются данные о югославских политэмигрантах, имеющиеся в Архиве социально-политической истории. Польские же партийные архивы, собранные в варшавском *Archiwum Akt Nowych*, не дают никакой информации на этот счёт. Остаётся надеяться, что соответствующие материалы обнаружатся в Российском государственном архиве новейшей истории либо в Архиве внешней политики РФ.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии. 1948–1953 гг.» (№ 12-01-00125а).

Т.В. Волокитина

(Институт славяноведения РАН)

**Болгария и Коминформ в контексте
генезиса и развития советско-югославского
конфликта (1947-1953) ¹**

1. Замысел создания Информационного бюро коммунистических и рабочих партий как ответ советского политического руководства на вызовы западного мира (первые «заморозки» в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, доктрина Трумэна, план Маршалла, доктрина «сдерживания коммунизма»).

2. На пути к первому совещанию Коминформа: переговоры представителей ЦК ППР с руководством компартий Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Франции и Италии; характеристика разных подходов к оценке направлений и масштабов интеграции с советской политической и экономической системами; альтернативное предложение Г. Димитрова о создании Международного комитета борьбы против опасности войны и фашизма и его критика в аппарате ЦК ВКП(б).

3. Г. Димитров и подготовка информационного доклада болгарской делегации на совещании в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г. Оценка доклада советскими представителями на совещании.

4. «Коминформизация» советско-югославского конфликта на втором совещании (июнь 1948 г., Бухарест). Об «особом интересе» Москвы к докладу Тр. Костова на совещании. Особенности возникшей ситуации для болгарской компартии и выработка Софией условий поддержания добрососедских отношений с Югославией. Настроения в БРП(к) и болгарском обществе. Начало перелома в болгаро-югославских отношениях. Встреча Сталина с В. Червенковым и Г. Чанковым в мае 1949 г. – обсуждение обстановки в Югославии и причин «слабого сопротивления режиму Тито» в стране. Сталинские оценки как руководство к действию для болгарских коммунистов.

5. Мероприятия по борьбе против «клики Тито» в Болгарии после бухарестского совещания: специальная резолюция пленума ЦК БКП «О предательской и провокаторской деятельности клики Тито» (июнь 1949 г.), поддержка югославских «революционных» эмигрантов в Болгарии, пропагандистское обеспечение «антититовской» кампании в стране, действия на дипломатическом направлении (денонсация Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Югославией), положение на болгаро-югославской границе и вопрос о «двувластниках» (аннулирование соглашения об упрощении режима перехода границы между двумя странами), шпиономания, обвинения против Тр. Костова.

6. Третье совещание Коминформа (ноябрь 1949 г., Будапешт) и его резолюция «КПЮ во власти шпионов и убийц». Эскалация «дела» Костова, процессы над партийными, хозяйственными, военными деятелями, увеличение репрессивного аппарата и штата советских советников в структурах МВД и госбезопасности.

7. Дальнейший рост напряженности в болгаро-югославских отношениях: статистика инцидентов на границе и попытки сторон разрядить обстановку (деятельность института пограничных комиссаров в 1950–1951 гг. и ее результаты), македонский вопрос.

8. Участие болгарских представителей в деятельности структур Коминформа – секретариате и редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию!» в начале 1950-х гг. Предложения болгар «коминформизировать» македонский вопрос и вопрос о ликвидации кулачества как класса в Болгарии.

9. Динамика развития болгаро-югославских отношений после смерти Сталина а контексте перемен во внешней политике Советского Союза. Июльский (1953 г.) пленум ЦК БКП о нормализации отношений с Югославией как с «буржуазным государством». Декларация болгарского правительства (сентябрь 1953 г.) об установлении добрососедских отношений с балканскими странами и устранении возникших недоразумений. Практические шаги Софии по реализации нового курса.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии. 1948–1953 гг.» (№ 12-01-00125а).

А.С. Стыкалин

(Институт славяноведения РАН)

Венгерские события 1956 г.

и новый кризис в советско-югославских отношениях.

Отзвуки дела Л. Райка 1949 г. в процессе подготовки суда над И. Надем ¹

Процесс советско-югославского сближения, начавшийся после смерти Сталина, достиг своей кульминации в июне 1956 г., когда делегация ФНРЮ и СКЮ во главе с И. Брозом Тито совершила более чем 20 дневную поездку по СССР. Ее важнейшим итогом стало подписание 20 июня межпартийной декларации. Но хотя Тито был принят с большой помпой, а советская пропаганда подавала его приезд как несомненный дипломатический успех, советское руководство не было довольным результатами переговоров (что нашло отражение и в записях заседаний Президиума ЦК КПСС). Ведь задача-максимум – вернуть Югославию в советский лагерь – не была

выполнена. Югославы категорически отказались возобновить межгосударственный договор 1945 г., разорванный советской стороной в 1949 г., равно как и присоединиться к ОВД. Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, ведь в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю.

По сути руководство КПСС пошло на подписание Декларации, чтобы избежать впечатления о провале переговоров. На совещании представителей соцстран сразу после отъезда Тито Н.С. Хрущев выразил неудовольствие тем, что Югославия продолжает дистанцироваться от советского лагеря, было также подчеркнуто, что декларация КПСС и СКЮ не дает оснований говорить о пересмотре характера отношений в соцлагере. Активизация оппозиционных проявлений в Польше и Венгрии, сопровождавшаяся апелляцией к югославскому опыту и противопоставлением югославской модели советскому пути строительства социализма, вызывала все большее раздражение в Москве (как и активность югославской дипломатии в странах Восточной Европы, ее связи с оппозиционерами и усилия по пропаганде своего пути). В закрытом письме КПСС лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии, от 13 июля руководство СКЮ критиковалось за чрезмерную амбициозность, претензии на особые позиции в коммунистическом движении, попытки навязать другим свои представления о социализме. Полученное югославами через «своих людей» в Будапеште, письмо это вызвало обиду в руководстве СКЮ, обозначив расхождения между публичными декларациями КПСС и теми оценками, которые давались за спиной.

Поддерживая связи с национально ориентированными коммунистами в странах соцлагеря, представители СКЮ рассчитывали на укрепление позиций своих потенциальных союзников, проводников югославского влияния. Однако мощное венгерское восстание 23 октября, падение действующей власти в центре и на местах, перспектива проведения свободных выборов с неминуемым уходом коммунистов в оппозицию – все это вызвало сильную обеспокоенность югославского руководства. 2–3 ноября на встрече с Хрущевым на Бриони лидеры ФНРЮ поддержали, пусть с некоторыми оговорками, идею силового советского вмешательства, обещав посодействовать нейтрализации действующего правительства И. Надя.

Но дальнейшие события пошли не по запланированному сценарию. Надь получил убежище в посольстве ФНРЮ после того, как выступил с осуждением советской акции, и это было расценено в Москве как нарушение брионских договоренностей и недружественный жест. Далее последовали выступления И.Б. Тито на партактиве в Пуле 11 ноября и Э. Карделя в декабре в Союзной скупщине с критикой внешней политики

СССР и выражением особой позиции в венгерском вопросе, что не могло не вызвать реакции КПСС. Начавшаяся дискуссия в прессе была весьма мягкой, поскольку излишняя острота явилась бы признаком слабости СССР, руководство которого в интересах сближения с Югославией пошло на далеко идущие уступки, а потом, потеряв лицо, должно было распечататься в провале проводимого курса. В сравнении с умеренной критикой в печати более резкие и откровенные высказывания звучали как в межпартийной переписке, так и на внутренних партийных форумах (в частности, декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г.). Однако с обеих сторон сохранялась установка на то, чтобы полемика не достигла остроты 1948–1949 гг. И в Москве не хотели демонстрировать всему миру неудачу курса на сближение с Югославией, а с другой стороны и в Белграде не хотели отказываться от выгодного экономического сотрудничества с СССР.

В Югославии внимательно следили за развертыванием в Венгрии антиревизионистской кампании, эскалацией обвинений против И. Нады и его команды, опасались, что судебный процесс по делу И. Нады сыграет такую же роль в разжигании новой антиюгославской кампании, какую процесс по делу Л. Райка (1949) сыграл в разжигании антиюгославской кампании рубежа 1940-х–1950-х годов. В марте в Москве на митинге советско-венгерской дружбы звучали публичные высказывания о том, что венгерские контрреволюционеры нашли поддержку с югославской стороны. Все это вызвало обеспокоенность в Белграде, стимулировало готовность к диалогу, способствовало активизации связей на высшем уровне. В начале августа на встрече Хрущева и Тито Москва обещала повлиять на венгров, чтобы на процессе по делу И. Нады и его команды не выпячивались их югославские связи. Югославы со своей стороны обещали принять участие в большом совещании компартий, запланированном на ноябрь. Но познакомившись в октябре с проектом Декларации, они дали знать, что его не подпишут (ведь речь шла по сути о формировании некоей новой централизованной структуры, управляющей международным коммунистическим движением; приехав тем не менее в Москву, югославская делегация подписала только другой программный документ – Манифест мира).

Хотя попытки надавить на югославов не были эффективны, в Москве были довольны итогами ноябрьских совещаний, ведь удалось выработать платформу общую с КПК (хотя и путем внесения в программный документ ряда жестких положений в угоду китайским коммунистам). Удалось нейтрализовать и правоуклонистские проявления в ПОРП и итальянской компартии, показав миру единство коммунистического движения, преодолевшего кризис, возникший в результате разоблачений Сталина на XX съезде КПСС, а также венгерских событий. Демонстрировать на этом фоне разногласия с СКЮ в КПСС не хотели, антиревизионистская кампания была инициирована позже, весной 1958 г., после публикации и принятия

новой программы СКЮ, содержащей неприемлемые для руководства КПСС положения с оценкой внешней политики СССР. Однако в установочных документах того времени (май 1958 г.) снова отмечалось, что нельзя идти по пути 1948 г., т.е. критика ревизионизма не должна сказаться на межгосударственных отношениях: если у СССР могут быть нормальные и даже неплохие отношения с капстранами, тем более это должно касаться «ревизионистской» Югославии. Со временем критика ревизионизма СКЮ постепенно стихает. Хотя в итоговом документе большого совещания компартий 1960 г. содержались положения с критикой СКЮ, это было всего лишь данью компромиссу с КПК. Но сохранить надолго ценой критики СКЮ общую платформу с КПК все же не удастся, через считанные месяцы советско-китайский спор переходит в публичную плоскость. Четкое обозначение в мае 1962 г. руководством СКЮ своей позиции на стороне КПСС в ее идейном споре с КПК сыграло решающую роль в деле улучшения советско-югославских отношений. В Москве поняли: можно позволить ФНРЮ проводить внеблоковую внешнюю политику, куда важнее, что СКЮ встал на сторону КПСС в споре двух сильнейших компартий мира за лидерство. В отношениях КПСС и СКЮ окончательно возобладал прагматичный, лишенный идеализма подход, ставший гарантом стабильности двусторонних отношений

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии. 1948–1953 гг.» (№ 12-01-00125а).

Б.С. Новосельцев

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Югославия и Каирская конференция неприсоединившихся стран (1964 г.)

Начало 1960-х годов стало временем консолидации Движения неприсоединения и распространения его влияния на международные отношения. После окончания Первой конференции неприсоединившихся государств в Белграде многие лидеры внеблоковых стран (Д. Неру, Г. Насер, А. Сукарно) полагали, что она останется единичной акцией. В такой ситуации президент Югославии Й. Броз-Тито предпринял попытку создать практику регулярного проведения подобных конференций, тем самым закрепив существование движения в общемировом масштабе и его претензии на участие в решении важнейших международных вопросов.

Цель доклада – проанализировать причины активности югославского правительства, направленной на укрепление многостороннего

сотрудничества внеблоковых государств в указанный период; выявить обстоятельства, повлиявшие на успех организации и проведения Второй конференции неприсоединения и рассмотреть позицию делегации Югославии на форуме.

В современной историографии заявленная тема представляется недостаточно разработанной, рассматриваемые проблемы упоминаются лишь вскользь в связи с изучением других вопросов¹, поэтому основой исследования стали архивные материалы².

Интерес Югославии к развитию отношений со странами «третьего мира» и важнейшее стратегическое значение, начиная с середины 1950-х годов, придававшееся политике неприсоединения объяснялось потребностями проводимой Белградом политики равноудаленности от сверхдержав. Для того чтобы смягчить давление со стороны США и СССР и добиться большей независимости и самостоятельности, сохранив при этом экономическое сотрудничество и получая кредиты от Вашингтона и Москвы, Белграду было необходимо найти опору где-то вне противостоявших друг другу военно-политических блоков. Такой опорой стали страны «третьего мира». Тито и другие лидеры Движения неприсоединения использовали его для увеличения своего влияния на международные отношения, выступая в качестве «совести человечества» от лица не только народов своих стран, но и многих других государств.

Поначалу Югославии приходилось фактически продавливать идею продолжения многостороннего сотрудничества на базе политики неприсоединения. Например, организация экономической конференции в Каире в 1962 г. не встретила поначалу широкой поддержки, и Й. Тито должен был убеждать в ее целесообразности Г. Насера и Д. Неру³.

Однако в 1963–1964 гг. сложилась такая международная обстановка, которая благоприятствовала активности внеблоковых стран. Сверхдержавы (в особенности США) были вынуждены отойти от своей политики давления, так как, учитывая усилившуюся конкуренцию за влияние в «третьем мире», это грозило им потерей позиций в регионе. Доктрину неприсоединения брали на вооружение все больше стран Азии и Африки (она стала одним из основополагающих принципов Организации африканского единства и Лиги арабских государств). Стремясь закрепить свою равноудаленную от сверхдержав позицию, Объединенная арабская республика (ОАР) и Индия (после ее фактического поражения в приграничном конфликте с Китаем в 1962 г.) активно высказывались за проведение саммита⁴.

В ходе подготовки к новой конференции произошло столкновение двух концепций международной организации стран «третьего мира». Стремясь расширить свое влияние в Африке и Азии, Китай начал подготовку регионального саммита азиатских и африканских государств. Настаивая на принципе регионализма, Пекин стремился исключить из числа

его участников Югославию и Советский Союз, и на основе этого объединения начать формирование собственного блока стран Мирового Юга⁵. Столкновение двух инициатив закончилось победой югославско-индийской концепции общемирового охвата конференции.

На Каирском саммите (1964 г.) также торжествовали югославские концепции. Удалось добиться увеличения состава участников почти вдове. По ключевым вопросам повестки дня стороны пришли к единству мнений. Там, где между делегациями существовали расхождения (участие в конференции конголезского диктатора Чомбе, мирное сосуществование и антиколониализм, пограничные споры между неприсоединившимися странами и т. д.), принимались компромиссные решения и умеренные формулировки, предложенные делегацией СФРЮ⁶.

Каирская конференция стала подтверждением решимости внеблоковых стран продолжать двигаться по пути политики неприсоединения. В октябре 1964 г. неприсоединение достигло пика своих амбиций. Однако, вопреки ожиданиям его лидеров, вторая половина 1960-х гг. стала временем кризиса движения.

¹ См., напр., *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012; *Bogetić D.* Uvođenje američkih ekonomskih restrikcija Jugoslaviji tokom 1962 – ukidanje statusa «najpovoljnije nacije // Istorija XX veka. 2009. 1; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988; *Бахарев О.В.* Движение неприсоединения – важный фактор антиимпериалистической борьбы (на правах рукописи). М., 1983.

² При работе использовались данные Архива Югославии (Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike, далее – AJ KPR) и Архива министерства иностранных дел Сербии в Белграде (Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova. Politička arhiva.), а также Архива внешней политики Российской Федерации в Москве. Ф 78, 144, 0144).

³ J. KPR. I-2/14. Trojni sastanak u Kairu Tito, Naser, Nehr // Zapisnik o razgovorima Predsednika Tita i Predsednika Nasera. 18 XI 1961; Isto. 19 XI 1961.

⁴ См., напр., Isto. I-1/1298. Odgovor Predsednika UARA Gamal Abdel Nasera, Predsedniku Republike Josipu Brozu Titu. 3 XII 1963.

⁵ J. KPR. I-4-a/5. II konferencija nesvrstanih zemalja. 5–10 X 1964 // Informativno-politički materijal. Informacija o pripremi konferencije.

⁶ См. Isto. Druga konferencija šefova država i vlada neangažovanih zemalja.

Л.С. Лыкошина

*(Институт научной информации
по общественным наукам РАН)*

**«Историческая политика» современной Польши
в контексте российско-польских отношений**

1. Термин «историческая политика» приобрел особую популярность в Польше с середины 2000-х годов, будучи позаимствованным из немецкого общественно-политического дискурса. Появление этого термина обычно связывают с так наз. «спором историков» Германии о причинах возникновения нацизма и о Второй мировой войне в начале 1980-х годов. Понятие «историческая политика» включает в себя комплекс мер, целенаправленно применяемых государством для формирования в обществе желательного (и отнюдь не всегда объективного) образа прошлого. Для достижения этой цели используются и финансовые рычаги, и контроль над СМИ, и контроль над системой образования, и воздействие на общественное сознание посредством различного рода символических акций, в частности соответствующим образом организованных и эмоционально насыщенных праздничных мероприятий.

2. Именно последний аспект вопроса представляется особенно интересным и показательным в нынешней Польше в связи с организацией празднования 11 ноября 2012 г. (День независимости), 150-летней годовщиной январского восстания 1863 г. и очередной годовщины Конституции 3 мая 1794 г, отмечаемой в 2013 г. В эти дни особенно отчетливо проявились как отсутствие единства польского политического класса и общества в целом, так и стремление различных политических сил проводить свою «историческую политику», использовать историю для достижения политических целей.

3. В дни празднования означенных исторических событий свое видение «исторической политики», весьма отчетливо продемонстрировал президент Б. Коморовский, как известно, историк по образованию. Президент предложил вместо термина « историческая политика» использовать другое выражение – «историческая память», что позволило бы, по мнению Коморовского, акцентировать некие общие, объединяющие моменты в восприятии прошлого, способствовало бы формированию умения, если не одобрять, то по меньшей мере принимать иное, отличное от собственного, мнение. Весь пафос выступлений и высказываний польского президента был проникнут идеей преодоления исторических споров, несмотря на прошедшие годы все еще волнующих души и умы поляков (хотелось бы заметить, далеко не всех, т. к. социологические исследования свидетельствуют о весьма не глубоком знании истории). Коморовский полагает, что по истечении времени пора бы забыть о том, кто был

«красным», а кто «белым» (речь идет о политических лагерях в восстании 1863 г. и принять «красно-белую» версию истории.

По сути эту «красно-белую» версию истории продемонстрировал президент и в День независимости 11 ноября, отдавая дань памяти и уважения всем борцам за независимость Польши, невзирая на их политические взгляды, не забыв и Пилсудского, и Дмовского, и Витоса и Падеревского, не пожалев доброго слова даже для социал-демократа Дашиньского.

Новые, непривычные для поляков, склонных скорее к торжественно-мартирологическому видению истории мотивы празднования, внес Коморовский в организацию акций, связанных с Днем конституции и Днем флага (2 мая 2013 г.). Президент пытался придать торжествам неофициальный, веселый характер, призывая поляков не забывать, что «праздники для того и существуют, чтобы их праздновать».

4. Но позитивный и несколько «облегченный» настрой президента не встретил однозначного одобрения польского общества: подготовка юбилея восстания 1863 г. сопровождалась спорами и дискуссиями в сейме и сенате, свое, параллельное празднование этого события было организовано оппозиционной партией «Право и справедливость» во главе с Я. Качиньским (являющимся горячим поборником активной «исторической политики», борьбы за «правильное» отображение польской истории и пристального внимания к тем, кто отстает от этого «правильного», «укрепляющего сердца» видения. Качиньский и его партия на каждую акцию правительства и президента ответили своей, «настоящей» и «польской».

Судя по реакции пользователей Интернета, не всем полякам понравился и шуточный тон президентского видения празднования Дня конституции. Шоколадный орел, как символ Польши и розовые, а не красно-белые цвета листовки с шуточными, но вполне патриотическими стихами, разбрасываемыми над Варшавой, смутили сердце ни одного поляка.

5. За умиротворяющим и объединяющим стремлением к утверждению «исторической памяти» польского президента нельзя не увидеть и настоящую «историческую политику». Правда, она имеет скорее не внутреннюю, внешнюю направленность. Коморовский в дни исторических торжеств, в частности отмечая юбилей январского восстания, неоднократно подчеркивал общее прошлое поляков, литовцев, белорусов – одним словом всех народов, некогда входивших в состав I Речи Посполитой, призывая не забывать эту общность и выражая надежду на то, что она поможет проведению общей политики в настоящем, общему стремлению к европейской интеграции.

Семейные корни Коморовского в Литве, он неоднократно подчеркивал свой интерес к восточным соседям Польши и считает себя знатоком восточноевропейских проблем. Хорошо известно особое внимание к Украине бывшего польского президента Квасьневского, да и других

польских политиков. Концепция Гедройца-Мерошевского, если акцентировать в ней особое внимание к восточным соседям Польши, как представляется, находит свое отражение в «исторической политике» страны» и во многом предопределяет специфику российско-польских отношений.

О.П. Лопутько

(Новосибирский государственный педагогический университет)

Опыт Славянского Возрождения и современные проблемы «взаимности» славян

Современные процессы распада славянской общности проявляются в переориентации многих славянских государств от исторического союза с Россией на сближение со странами далеко не дружественной по отношению к ним предшествующей, как зачастую и текущей истории. Подобные процессы обуславливают все большую «изоляция России от славянских стран», что недавно констатировал председатель Всеславянского Собора Н.И. Кикешев.

Эти геополитические трансформации находятся в глубоком противоречии с долгосрочными перспективами развития славянских народов, с их подлинными национальными интересами. Что же касается овеянной многими славными и героическими воспоминаниями «славянской взаимности», черты которой видели просветители славянства в XIX в., то ее перспективы представляются теперь довольно туманными.

Таким образом, переживаемый кризис славянского единства – проблема утраты не только разноаспектных внешних связей, но и внутренней национальной идентичности. Более того, и современная Россия оказалась неспособной к исполнению своей традиционной интегрирующей роли в славянском мире вследствие нерешенности вопросов ее собственной национальной идентичности. Исследователи отмечают эрозию *мировоззренческих основ* ее национальной идентичности: «засорение языка, размывание и искажение коллективной памяти, формирование мировоззренческого "плюрализма"» (П.И. Смирнов), т. е. нарушения в области «субъективной» компоненты идентичности – культурной.

Культурологическая составляющая, о чем говорит не только теория, но и историческая практика, играет *решающую роль в структуре идентичности*. В истории же славянского мира она конкретизировалась как составляющая *филологическая*, которая ярко проявилась в период Славянского Возрождения. Почти все крупнейшие деятели Возрождения XVIII–XIX вв. были выдающимися филологами: Й. Добровский, И. Юнг-

ман, П. Шафарик, В. Караджич, Я. Коллар, Л. Штур и др. Филологами были и первые русские слависты – О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович.

Опыт этой плодотворнейшей в истории славянского единения эпохи может дать нам некоторые ключи и к решению сегодняшних проблем.

Во-первых, в нем содержится образец *обеспечения политических решений интенсивной научно-исследовательской подготовкой* в области языков, истории и культуры народов – при этом зачастую совместными усилиями и *на началах взаимопомощи ученых различных государств*. Так, составление словарей, алфавитов, грамматик южно- и западнославянских языков и диалектов происходило порой при непосредственном дружеском участии русских ученых, в процессе их исследовательских путешествий по славянским странам. Они же, в свою очередь, стажировались у своих европейских коллег, обращались к ним за советом и консультациями. Результатом стали филологические труды непреходящего научного и воспитательного значения – в частности, словари-хранилища славянской культуры Й. Добровского, В. Караджича, С. Линде, И.И. Срезневского, Н. Герова и др.

Во-вторых, опыт Славянского Возрождения демонстрирует, что *национальная идентичность каждого из славянских народов формировалась как составная часть общей славянской идентичности*. Не исключение – и русская идентичность, важным моментом становления которой стал, например, визит в 1819 г. Вука Караджича в Петербург, произведший огромное впечатление на общество и послуживший катализатором процессов национализации и демократизации русской культуры.

Итак, одним из путей восстановления Россией своих интеграционных функций в славянском мире может стать развитие исследовательской и образовательно-просветительской деятельности в области идентичностей славянских народов. «Поддержку стремления стран Центральной Европы и Балкан к сохранению своей идентичности» со стороны России и ее собственное участие в этом процессе К.В. Никифоров определяет как первостепенную задачу.

При всей сложности восстановления утраченного, внушает оптимизм то, что именно субъективная компонента национальной идентичности, по мнению многих исследователей, наиболее подвержена воздействию.

Для решения этой задачи современная отечественная славистика располагает теоретическими разработками, соизмеримыми по способности влиять на самосознание народов с идеями руководителей Славянского Возрождения. Таковы системные исследования древней церковнославянской письменности как *самобытного творчества славянства*, развернутые Е.М. Верещагиным; историко-лингвистические описания *специфики славянской ментальности*, осуществляемые

В.В. Колесовым и его школой; восходящая к идеям Шафарика *теория Центральноевропейской прародины славян*, на современном уровне знания глубоко обоснованная О.Н. Трубачевым, а недавно получившая дополнительное подтверждение со стороны польских генетиков, и др.

Но национальная идентичность – категория междисциплинарная, и объединительный потенциал названных, как и других идей современного славяноведения, в пространстве славянского мира могло бы увеличить сотрудничество ученых, представляющих как различные научные дисциплины, так и разные государства.

Активизация изучения и общественного обсуждения подобных фундаментальных проблем истории и культуры славянства поможет и самой славистике восстановить ослабленное в последнее столетие внутринациональное и международное внимание к ней, а славянской взаимности обрести новое дыхание.

Е.Ю. Гуськова

(Институт славяноведения РАН)

Тенденции взаимоотношений славянских народов на современном этапе

В мае в России Праздник славянской культуры и письменности отмечает 150-летний юбилей: в 1863 году Российский Святейший Синод установил ежегодное празднование в честь преподобных Мефодия и Кирилла 11 мая. В 1986 г. в СССР http://ru.wikipedia.org/wiki/1986_%D0%B3%D0%BE%D0%B4 день 24 мая был объявлен «праздником славянской культуры и письменности».

Главная цель праздника – продемонстрировать единство славянских народов, вспомнить о корнях нашей общей культуры, этнической и языковой общности. Это особенно важно в современной Европе, где славяне разбрелись по своим квартирам и не слишком активно стремятся проявлять склонность к единству.

Можно ли в современных условиях говорить о единстве славянских народов или хотя бы о тенденции к единству?

В постсоциалистический период в бывших социалистических странах стали подчёркивать особенности исторической, религиозной, духовной и культурной жизни своих народов, менее всего обращая внимание на славянство. Охлаждение интереса к славянской идее становилось заметным. Между славянами появились линии разграничения. Сначала водораздел начал обозначаться по религиозной, географической системе координат. В 90-е годы внутри славянской группы чётко обозначилось разделение, прежде всего, на западных, южных и восточных славян. Именно тогда **западные славяне** достаточно цивилизованно решили свои проблемы и

встали на путь интеграции в европейские структуры, не вспоминая о своих славянских корнях. **Восточные славяне** погрязли в нищете, неумелых реформах, коррупции и других бедах. В южном лагере славянства чётко выделяется **югославянство**. В 90-е годы югославянской группе происходит деление, условно говоря, на западных (Словения и Хорватия) и южных (Сербия, Черногория, Македония) югославян. Причём, у первых проявилось тяготение к традиционным западным ценностям. А вторые в период кризиса больше тяготели к России и восточным славянам. А в такой смешанной республике как БиГ разлом также прошёл по религиозному признаку, разделив республику на три по-разному ориентированные части – исламскую, католическую и православную. Так окончательно сформировалась ещё одна славянская группа – исламского вероисповедания. К началу XXI в. разделение на католическую, православную и небольшую мусульманскую группы славян стало весьма чётким, а различия между ними в сфере политических целей, экономического развития стали заметны невооружённым взглядом.

Таким образом, с конца XX в. мы наблюдаем несколько процессов – дробление некогда единого славянского пространства, а также перегруппировку объединяющегося общеевропейского дома, в который влились некоторые славянские народы. На Балканах наблюдается разновекторность развития славянских государств.

Несмотря на выбранные различные пути политического развития, в каждой славянской стране остались силы, тяготеющие к сохранению славянской идентичности.

В последние годы более явно обозначились тенденция славянской взаимности, а также появление лидера среди славян. Им вновь становится Россия. Ещё многое предстоит сделать, но уже сегодня большую роль играет Международный фонд славянской письменности и культуры, мероприятия под его эгидой, в том числе, и Дни славянской культуры и письменности. Серьёзной научной опорой славянского движения является Институт славяноведения Российской академии наук.

Переход от раздробленности к сотрудничеству и единению требует серьёзных усилий, особенно в условиях сопротивления этому процессу ряда западных стран и военных организаций. Важно, что такая тенденция наметилась, а превращение её в необратимый процесс полностью зависит только от славянских народов.

Секция

**«Кирилло-мефодиевское наследие
и история славяноведения»**

А.А. Турилов

(Институт славяноведения РАН)

**Начальный этап почитания славянских апостолов
(последняя треть IX – первая четверть X вв.)**

1) На протяжении более чем тысячелетней истории почитания славянских апостолов Константина-Кирилла и Мефодия ситуация в различные периоды в разных странах и регионах была порой весьма неоднородной. К примеру, на рубеже XII–XIII вв. в Болгарии происходит «национализация» их культа, создаются краткие жития обоих братьев («Успение Кирилла» и «Успение Мефодия»), где говорится о их болгарском происхождении (при этом пространное житие Мефодия там отсутствовало, а Кириллово вернулось через древнерусское посредство). В Чехии в эпоху императора Карла IV Люксембурга (1347–1378), во вновь основанном Эмаусском монастыре «на Славянах», была написана глаголицей католическая служба в честь славянских первоучителей, дошедшая в целом ряде позднейших хорватских редакций, одна из которых была издана в конце XV в. в составе глаголического Бревиария (первая публикация сочинений кирилло-мефодиевской тематики). В России XV–XVII в., после введения Иерусалимского устава, наблюдается огромная и устойчивая диспропорция между богатой рукописной традицией житий первоучителей (десятки списков пространных, в особенности Кирилла, и сотни кратких в составе Пролога) и весьма скромной литургической составляющей их культа (не полная служба, а лишь тропарь и кондак, причем только младшему из братьев в месяцесловах Уставов церковных, Псалтирей с воследованием и Часословов); посвящения в их честь храмов (хотя бы приделов) неизвестны. На православных землях Речи Посполитой для того же отрезка времени известно несколько списков службы Кириллу глубоко провинциального происхождения (украинско-польское и украинско-молдавское пограничье), но списки его пространного жития крайне редки (а жития Мефодия неизвестны). Число списков проложных житий в целом сопоставимо с числом великорусских, а сведения о посвящениях им церковью также отсутствуют. Что же представляла собой картина почитания первоучителей на ее начальном этапе, при жизни их учеников, в Великой Моравии до осени 885 г., а затем в Болгарии (885–916)?

2) Разумеется, в Великой Моравии до изгнания из страны в 885 г. учеников солунских братьев по-настоящему успел сложиться лишь культ

младшего из братьев, умершего 14 февраля 869 г. в Риме, однако некоторые его аспекты становятся ясными лишь в сопоставлении с установлением почитания архиепископа Мефодия вскоре после его кончины (6 апреля 885). В память о Кирилле было написано пространное житие и очень торжественная служба, включающая два канона (4 и 8 гласов), второй из которых в рукописной традиции исключительно редок (сохранился в двух болгарских списках XIV и XV вв., восточнославянские неизвестны). Вопрос о языке, на котором первоначально было написано житие (греческий или же сразу старославянский) остается по существу открытым. Написание служб изначально по гречески, в настоящее время, после работ С.Ю. Темчина и, в особенности, В.Б. Крысько, можно считать доказанным, в восстанавливаемом путем обратного перевода греческом тексте читается акростих с именем Василия. Однако, учитывая то обстоятельство, что тексты предназначались в первую очередь для верхушки великоморавского общества, они должны были быть переведены на славянский практически сразу после их написания. Вероятно, несколько позже Климент Охридский написал на славянском языке похвальное слово в честь учителя. Сочинения, посвященные Мефодию, создавались, в отличие от цикла памятников в честь Константина-Кирилла, в экстраординарных обстоятельствах и в ограниченные сроки. Целью их создания была защита дела жизни учителей и результатов моравской миссии через канонизацию архиепископа Мефодия. Помимо пространного жития первоучителя его славянскими учениками (Климентом Охридским и Константином Преславским) была написана служба с двумя канонами – оба снабжены славянским акростихом с именем авторов. Именно открытие в 1998 г. автором этих строк канона Климента позволило выдающемуся болгарскому гимнологу Г. Попову обосновать мнение о наличии двух канонов и в первоначальной службе Константину-Кириллу. Столь пышное гимнографическое оформление церковного почитания солунских братьев, несомненно, должно было подчеркивать величие их подвига, по сути апостольского. Очевидно, еще в Великой Моравии было написано и проложное житие Мефодия, помещаемое в нескольких южнославянских списках Пролога XIV в. под 25 августа и содержащее сведения о месте его погребения.

В Болгарии, после перехода туда учеников Кирилла и Мефодия в 885–886 гг. работа по прославлению первоучителей была продолжена. В их честь было написано общее похвальное слово и общая служба со славянским фразовым акростихом в каноне. Возможно, редактированию подверглись и первоначальные тексты служб в честь каждого из братьев.

М. Чунчич

(Старославянский Институт, Загреб)

The exact methods of the analitical Glagolitic paleography

Точные методы в аналитической глаголической палеографии

The contemporary analitical Glagolitic paleography uses exact methods in research of the Glagolitic script. The exact definition of ductus makes it possible to measure the speed of writing of any script, including the Glagolitic. The perception tests in psychology laboratory revealed the speed of reading and learning of different Glagolitic types. The Glagolitic character height is directly connected with the graphic morphology and the oldest Glagolitic line system.

The results of the exact approach of the analitical Glagolitic paleography will be presented and explained on some of the oldest Glagolitic inscriptions and manuscripts: Kiev Missal, Glagolita Clozianus, Baška plate, Valun Plate and Krk Inscription and others.

P. Stankovska/П. Станковска

(Университет Любляны)

Antifony a biblické texty v chorvatskohlaholských breviářích/

Сопоставление текстов антифонов и библейских чтений в хорватских глаголических литургических книгах

Antifony jsou verše recitované formou zvolání a odpovědi, jimiž se při liturgii hodinek oddělují její jednotlivé části nebo jednotlivé lekce biblických a patristických čtení. V druhém případě se zpravidla označují jako responzoria a liturgické verše. Text antifon sice může být nebiblický, ale často je tvořen biblickými citáty v podobě celých veršů nebo kompilace kratších úryvků několika veršů, jejichž obsah se vztahuje k liturgickému charakteru daného dne nebo období. Tak např. v adventu je jejich obsah brán většinou z profétických textů (ty se čtou i jako biblická čtení v daném období), či v předvelikonočním období často z historických knih, ale i z žaltáře, evangelií, a dalších starozákonních i novozákonních textů.

Chorvatskohlaholské breviáře z období do konce 15. století se nám dochovaly v téměř 30 kodexech a ve více než 100 fragmentech, což znamená, že tato liturgická kniha v chorvatskohlaholské verzi prošla během zhruba 3 století své existence bohatou textovou tradicí. Ze zkoumání těchto památek zatím vyplývá, že chorvatskohlaholský breviář vznikl ve 13. století (zřejmě kolem jeho poloviny) jako překlad latinského breviáře. Tato prvotní verze chorvatskohlaholského breviáře byla nejspíše na přelomu 13. a 14. století revidována a v části kodexů i jazykově upravena (ve směru latinizace).

Slovanské znění biblických textů však do chorvatskohlaholského breviáře proniklo různým způsobem. Některé texty zcela nepochybně svědčí o převzetí staroslověnského překladu pořízeného na základě řečtiny, který v mnoha

případech vykazují stopy tzv. preslavské redakce. Stopy svědčící o překladu z řecké předlohy však byly během textové tradice ve větší skupině památek eliminovány během silné latinizační vlny nejspíš nepřímo spojené s revizí obsahu breviáře kolem přelomu 13. a 14. století.

Další biblické texty se však v chorvatskohlaholských breviářích vyskytují pouze v jediném překladu z latiny, přičemž drobné varianty, svědčící o příslušnosti ke dvěma textologickým větvím chorvatskohlaholských liturgických knih, nemají na tuto skutečnost žádný vliv. Jsou to např. čtení z knih Makabejských, Ester aj.

Biblický text v liturgických verších nám může poskytnout některé informace o tom, která verze slovanského biblického překladu u jednotlivých biblických textů byla nejspíše v užívání u chorvatských hlaholitů. Liturgické verše byly totiž zřejmě překládány samostatně, bez širšího biblického kontextu, při pořizování chorvatskohlaholského breviáře, takže nemohly být jen mechanicky přepsány, ale musely být «citovány» z paměti. Pokud by se ukázalo, že nesou stopy např. některé z redakcí staroslověnského překladu, můžeme si být téměř jisti, že právě v dané redakční verzi hlaholitě (autoři chorvatskohlaholské verze breviáře/misálu) znali a běžně užívali. Je však pravda, že některé liturgické verše mohly být přeloženy i dodatečně např. při doplňování breviáře či při revizi obsahu breviáře na přelomu 13. a 14. století.

V zásadě nacházíme tři způsoby integrace biblického textu v liturgických verších: (1) doslovná citace, která se prakticky shoduje s vulgátním zněním; (2) parafráze biblického textu; (3) kompilace částí několika různých veršů (dvou až pěti).

Studium rezponzorií a liturgických veršů potvrzuje, že byly mnohé biblické texty přejaty do chorvatskohlaholského breviáře ve znění známém ze staroslověnských památek užívaných na slovanském liturgickém Východě — to platí zcela nepochybně pro evangelní texty (zřejmě nejbližší preslavské redakci), pro žaltářní texty (zřejmě nejbližší verzi boloňského žaltáře), parimejní texty — zde nejčastěji citáty z historických a prorockých knih (asi nejbližší Zacharovičovu parimejníku).

Staroslověnský překlad biblických textů však nebyl do chorvatskohlaholských knih přejímán zcela mechanicky a hned při zápisu do nich byl podroben nejnutnější revizi podle latinského znění na místech, která se nějakým způsobem (většinou syntaktickým či textovým) markantně odlišovala od řeckého znění, jehož stopy byly jasně patrné v staroslověnské verzi.

Text rezponzorií a liturgických veršů dosvědčuje i silnou latinizaci, která proběhla zřejmě na začátku 14. století a je jasně patrná u breviářů tzv. jižní skupiny (zadarsko-krbavské) a de facto právě tuto jižní textologickou linii vyděluje. Tyto latinizační zásahy se lišily od prvních, které proběhly při sestavování chorvatskohlaholské verze breviáře, tím, že se snažily o mnohdy mechanické a místy nepotřebné kopírování zejména latinských syntaktických

konstrukcí a tvarů bez ohledu na systém slovanského jazyka a jemu vlastní syntaktické a morfologické prvky.

Některé liturgické verše s biblickým obsahem nenesou stopy staršího staroslověnského překladu a zřejmě byly přeloženy pro chorvatskohlaholský breviář přímo z latiny. Setkáváme se u nich s jinou překladatelskou technikou a zpravidla u nich nacházíme variantní čtení jen sporadicky.

А. Влашич-Анич

(*Старославянский Институт, Загреб*)

По пути новых открытий глаголицы в Капуцинском монастыре в Карлобаге

Помимо *Карлобагского собрания* новооткрытых фрагментов глаголических, латинских и древнееврейских средневековых кодексов XIII–XV вв. на пергамене¹, в существующем уже триста лет Капуцинском монастыре св. Иосифа в Карлобаге автор выявила также небольшое собрание печатных хорватско-глаголической книг XVII–XX вв. Благодаря Мирко Кемивешу, тогдашнему настоятелю Капуцинского монастыря в Вараждине, автору удалось заняться в Карлобаге поиском «каких-то глаголических книг», которые, по словам М.Кемивеша, он «листал там во время своего обучения, когда готовился стать священником». Это было летом военного 1994 года, когда библиотеку, насчитывающую две тысячи книг, перенесли в подвал и свалили в кучу. В 1994 г. автор идентифицировала 12 печатных изданий глаголических литургических книг. Среди них – 10 напечатанных в Риме изданий Святой Римской Конгрегации Пропанды Веры:

1) Издание русифицированного, рутенизированного или же восточно-славянизированного хорватско-глаголического *Миссала Рафаэла Леваковича* (1631): *Missal rimskij va ezik slovenskij sazdan povelieniem P. G. N. pape Urbana osmago* — MISSALE ROMANUM SLAVONICO IDIOMATE IVSSV S. D.N. VRBANI OCTAVI EDITVM. (...) ROMÆ, Typis&impen[s]is Sac. Congr. de Propag. Fide. MDCXXXI. *SVPERIORVM PERMISSV*. Этим изданием завершился 70-летний перерыв после «золотого века» хорватско-глаголического книгопечатания; вопреки некоторым заметным приближениям к восточнославянским фонетическим закономерностям, это издание, по мнению исследователей, является все еще памятником хорватской редакции церковнославянского языка. 2-4) Три экземпляра *Миссала Ивана Паутрича* (1706) — второго изд. *Миссала Рафаэла Леваковича* под ред. И. Паутрича с прибавлением служб новейшим святым: *Missal rimskij va ezik slovenskij sazdan povoleniem P. G. N. pape Urbana osmago* (ROMÆ, MDCCVI). 5) Русифицированный в еще большей степени *Миссал Матии Карамана* (1741): *Missal rimskij slavenskimiъ ѣзыкотиъ*

poveleniemy P. G. N. Papy Urbana Osmago izdanь (ROMÆ, MDCCXLI). 6) Третье издание *Миссала Драгутина Парчича* (1905) под ред. Й. Вайсса, сохранившееся всего в 28 экземплярах: *Rimьski misalb slověnskimiь ezьikomy Prěsv. G. N. Urbana papi VIII povelěniemy izdanь* (ROMÆ, MCMV) – чье первое изд. (1893) В.Ягич оценил как «триумф славянской филологии». 7) *Миссал Йосефа Вайсса* (1927) – латинская транслитерация *Миссала Драгутина Парчича*, последнее издание хорватско-глаголического миссала: **RIMSKI MISAL SLOVENSKIM JEZIKOM PRESV. G. N. URBANA PAPI VIII POVELENJEM IZDAN.** (ROMÆ TYPIS POLYGLOTTIS VATICANIS MDCCCCXXVII). 8) *Činь i pravilo misi oče že i molitvi prěžde i po misě izь rimььkago misala.* (ROMÆ EX TYPOGRAPHIA POLYGLOTTA S. C. DE PROPAGANDA FIDE 1881.). 9) *Prilogь Rimььkomu misalu slověnskimiь ezьikomy (lěta .čьoa.) vь nemьže misi vьseobьčee crььkьve, za někaě města, i vь tretieьь čině sv. Franьčiska služimie sьdrьžety se.* (ROMÆ EX TYPOGRAPHIA POLYGLOTTA S. C. DE PROPAGANDA FIDE 1881.) — 2-ое изд. (Парчича) служб, отсутствующих в *Миссале Матии Карамана* (1-ое изд.: 1787), которое, по замечанию А.Назор, Конгрегация Пропаганды Веры напечатала за счет францисканской провинции терциариев-глаголяшей. 10) Под ред. Парчича *Misi za umrlьšee [Rim, 1894.]* — ROMÆ EX TYPOGRAPHIA POLYGLOTTA S. CONGREGATIONIS DE PROPAGANDA FIDE MDCCCXCIV.

Автор дает краткую характеристику научного значения, исторической роли и путей проникновения всех этих глаголических памятников в карлобагский францисканский монастырь капуцинов-миноритов, особенность которого с самого начала его существования определялась апостолической миссионерской деятельностью капуцинов в Лике и Крбаве после освобождения этих областей от турок в 1689-ом году (год спустя после освобождения Боснии в 1688-ом году), когда они находились под непосредственной церковной юрисдикцией римской Конгрегации Пропаганды Веры. Карлобагский монастырь, расположенный на берегу Адриатического моря под горой Велебит (естественной южной границы Лики), был обязан своим появлением именно необычайно успешной (во многом благодаря проповедям во время великого поста на народном хорватской языке) миссионерской деятельности капуцинов в Лике и Крбаве. Идею епископа Бенедикта Бедковича о восстановлении Капуцинского монастыря в Карлобаге одобрил сам австрийский император и венгерско-хорватский, а также и чешский король Иосиф I (1678–1711), а окончательно реализовал Карл VI (1685–1740). Географическое положение монастыря таково: 35 км от города Госпич, центра Лики; 125 км от адриатического порта Рибеки, центра средневековой хорватско-глаголической письменности, где в 1610 г. был построен и первый в Хорватии капуцинский монастырь Лурдской

Богоматери; 90 км от адриатического порта Задар, также известного хорватско-глаголического центра.

¹ *Влашич-Анич А.* «От бытия» капуцинского новооткрытые памятники хорватско-глаголической, латинской и древнееврейско-арамейской средневековой письменности // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах». Сборник статей / под. Ред. Е.С. Узенёвой. Москва, 2012. С. 308–326.

В. Савич

(Институт сербского языка САНУ, Белград)

**Западносрпски одломак из Мокропольског четворојеванђеља/
Западносрбский фрагмент Мокропольского четвероевангелия**

Мокропольско четворојеванђеље (Крка 2) представља споменик српске редакције, настао средином XIII века, можда у првом периоду владавине краља Уроша I (1243–1276). Како је пергамент временом оштећиван, књига је допуњавана новим листовима, да би се омогућила њена нормална употреба на богослужењу. Најстарији уметак у Мокропольском четворојеванђељу (Мп₂) представља један занимљив пергаментски лист (по садашњој фолијацији бр. 30), који по својим палеографско-ортографским својствима припада «западној» или тзв. «босанској скупини» српскословенских рукописа (Мт 21.35 – Мт 22.16).

Правопис Мп₂ је хумско-босански (али је раширена употреба *w* на почетку речи, као у развијеној рашкој школи). Пасиван однос према предлошку види се у случајном преламању речи на границама редова, што одликује неке српске споменике XII–XIII века (нпр. Мир, Вукан; за скраћенице извора в. В. Савић, Српскословенски речник јеванђеља. Огледна свеска, Београд 2007, XV–XVIII), али и остале млађе споменике из ове групе, у којима се конзервира стање на истоме нивоу.

Јат се у високој мери чува, како у народним речима, тако и у посућеницама, али у неколико прилика јављају се карактеристична одступања (мешање прѣ-/при- у префиксу или на почетку речи; замена тематског ѣ вокалом и код глагола с инф. основом на -ѣти; међуслововна асимилација у корист и). За исти вокал постоје лексикализоване потврде с дистрибуцијом на месту стсл. *а*, односно с екавским рефлексом, што је присутно и у другим српским споменицима. Доследно је извршена замена ф : п. Пада у очи усамљена замена л : р (дѣлатеремь), системски спроведена код првога писара Чајничког јеванђеља у јеванђељу по Матеју, што значи да она није случајна.

Појединости из граматичког система већином су текстолошки лако објашњиве. Нпр. наставак -ије ном. мн. могао би доћи из предлошка; такође и

старији наставак сложене прид. промене дат. јд. м. р. -уму (исто стање у готово свим срп. рукописима, иако се у зрелој срп. редакцији уопштава -ому/-ему); наставак -ију ген.-лок. дв. меке зам. промене (већ дуго присутан у срп. редакцији). Асигм. аорист изостаје тамо где би га по традицији могло бити (Мт 22.5 отидѣ М – ѡтидоше Мп₂). Стање у Мт 21.42 је уникатно (съ бисть ... би си, грч. обтој Zgen3qh ... ZgCneto aBlth – съ бысть ... бысть си М, быс(ть) Мир Рх Бд Нк Хв и др.). Два сигм. аориста изненађују, али пошто се исти модел појављује на међусобно одвојеним местима, то искључује случајну грешку (Мт 21.39 извѣса М – извеше Мп₂; Мт 22.10 обрѣтѣ М – ѡбрѣше Мп₂). У обрађеном јеванђељском сегменту историјски супин је потрт у српским рукописима, мада му следи објекат у ген., а тако је и овде (Мт 22.11 вышѣд же ц(а)рь и видѣти възлежесихъ Мп₂ и др. – видѣтъ М). Једном се развија и нови супин без супинске рекције (Мт 22.7).

Извршена текстолошка анализа је показала да се Мп₂ упадљиво зближава с Рх (слично је утврђено и за основно Мп). У читавом низу случајева они прате древно М, за разлику од већине осталих, овде обухваћених споменика (нпр. Мт 21.38). Мп₂ показује и сродност с Бд из подновљене литургијске групе св. Саве Српскога, али најчешће уз присуство Рх (Мт 22.6). Мп₂ се заједно с другим, «православним» јеванђељима у неким приликама одваја од типичних јеванђеља за «богумилску скупину» (Мт 21.37), с тим што уз ова друга покаткад иду Мир или Бд, показујући да је подела на прва или друга (на основу верских критерија) неодржива. – Преко Мп₂ може се пратити и издвајање «западне скупине», уз удаљавање од М (Мт 22.13). «Западна скупина» претежно није хомогена, него се у њој јављају појединачне неподударности. У једном броју случајева Нк и Хв показују даљи развој у односу на М, али готово сви ови случајеви лако су објашњиви нешто дубљом традицијом, нарочито апракосном (Мт 21.38), иако се у делу науке удео апракосних јеванђеља у овој скупини олако одбацује.

Мокропољско четворојеванђеље је рано однето у Босну. Слично је учињено с Ватиканским јеванђељем које је донето на двор босанског бана Матеја Нинослава (1232–1250), за које је утврђено да га је преписао писар Карејског типика, за живота св. Саве Српскога. У историографији је запажено да се бан Матеј Нинослав идеолошки угледао на Немањиће, узимајући за себе њихово владарско име «Стефан». Мислим да јављање Мокропољског јеванђеља у Босни треба видети у овој светлости. Ово четворојеванђеље, иначе, припада тзв. Новој литургијској тетри која је настала у реформи св. Саве Српскога (А. А. Алексеев).

Пошто је сачуван јако мали број споменика из «западне скупине» (нешто преко 20), свако повећање списка од великог је значаја. Њихов највећи број припада јеванђељима, која су сачувана захваљујући активnoj употреби у Српској православној цркви после пропасти средњовековне Босне, под турском окупацијом.

У науци се доста спекулисало о разлозима преписивања нелитургијских тетри у кругу ове писмености. Давно је утврђено да остаци забелешки о литургијским читањима у новозаветним рукописима (□а□ело и коњџ) својим распоредом сведоче о источном обреду (макар предложака). Аутори критичког издања словенског Јеванђеља по Јовану запазили су да се у Зогра и Гала испољила редактура тетре у складу с новим грчким оригиналом. У току те редактуре дошло је до уклањања литургијских ознака, па се таква тетра могла користити за ћелијско читање по словенским манастирима. У склопу овакве традиције, по њима, треба видети настанак Нк и Хв. Подела на Амонијеве главе која је широко заступљена у споменицима из ове скупине, а присутна је и у овом одломку, не представља посебност «западне скупине». О њиховој нормалној употреби у Новој литургијској тетри говори и А.А. Алексејев, а преко специфичне употребе великих слова указали смо на свеж траг литургијских назнака у Мп₂ (уп. јеванђеља АСАНУ 54 и Хиландар 52).

До сада се знало за неколицину споменика који су донети на подручје средњовековне Босне, без доказа о њиховом утицају на локалну средину. Такође, анализа Чајничког јеванђеља је показала да је оно имало и предлошке донете из рашке средине. Сада, међутим, први пут и физички видимо књигу која је донета са стране, за коју смо доказали да се сигурно користила у Босни.

У раду смо анализирали сва важнија питања која се могу поставити у вези с Мп₂ да би се могла изградити што целовитија слика о овој писмености. На основу приказаних језичких својстава може се претпоставити да је одломак настао на ширем простору источnobосанског дијалекта, можда у близини места настанка Чајничког јеванђеља, до краја XIV (или почетком XV) века.

О.А. Акимова

(Институт славјановедения РАН)

Глаголическая культура в Хорватии: от запрета до национального символа

Глаголическая культура и ее социальная среда в разные исторические периоды играли свою роль в формировании хорватского этнического, историко-культурного и политического самосознания.

Первые свидетельства об укоренившемся в некоторых областях Далмации и Хорватии церковном обряде на славянском языке по, очевидно, писанных глаголицей текстам, содержатся в документах церковных соборов, проходивших в Сплите в первой трети Х в. Глаголическая литургия связывалась здесь с именем Мефодия, объявлялась еретической и на этом основании запрещалась. Такая оценка присутствовала в документах,

исходивших из Рима и из далматинских епископских центров, до середины XIII в. Вместе с тем имеются свидетельства расширения церковнославянских служб в монастырях, прежде всего бенедиктинских, и их поддержка верховной хорватской властью во второй половине XI в.

В середине XIII в. фиксируется появление в глаголической среде представлений о связи глаголицы и служб на церковнославянском языке хорватского извода с именем одного из отцов церкви и создателя Вульгаты св. Иеронима. Признание Римом этой связи привело к каноническому разрешению таких служб. Для исторической мысли глаголической среды было характерно соединение представлений о св. Иерониме с памятью о кирилломефодиевских корнях писанных глаголицей текстов и одновременно использование элементов городской далматинской, восходящей к местной романской, исторической традиции, для демонстрации античных и раннехристианских основ хорватской культуры. Таким образом акцентировалось ее срединное положение в отношениях между христианским Западом и Востоком и особая роль в исторической ретроспективе как продолжательницы древних культурных традиций. Отсюда – внимание (в Риме и в разных европейских странах) к таким взглядам в XIV–XVII вв. при разработке различных политических и религиозных концепций, основу которых составляли идеи универсализма и унианизма.

Примерно со второй половины XV в. можно говорить о стремлении некоторых хорватских кругов поднять социальный статус глаголических служб, сделать глаголическую литературу фактором, интегрирующим культурное пространство хорватских земель, разделенных политически и подверженных турецкой опасности. Показательно, что термины, отражающие развитие чувства национального и культурного единства, встречаются прежде всего в контексте обращения к глаголическим богослужебным текстам.

С середины XIX в. глаголическая культура постепенно все более включалась в контекст идеологии и политики. Постепенно она укоренилась в интеллектуальной среде в качестве символа борьбы за национальные права. Известный хорватский политический деятель епископ Йосип Юрай Штроссмайер (1815–1905), будучи сторонником создания при опоре на Россию независимого от Австро-Венгрии южнославянского федеративного государства, именно в фигурах Кирилла и Мефодия видел связующее звено между Восточной и Западной церковью, между различными славянскими народами. Глаголическая культура, способствовавшая консолидации южнославянских народов Империи, стала рассматриваться австрийскими властями как потенциально диссидентствующая, что вызвало, с одной стороны, ряд систематических запретительных мер, а с другой – борьбу за их отмену.

Особенности систематического исследования и издания глаголических текстов в XX в., прежде всего в рамках организованной в 1902 г. на Крке Старославянской академии и созданном на ее основе в Загребе в 1952 г. Старославянском институте были во многом обусловлены политическими и культурными процессами как в довоенной, так и в послевоенной Югославии.

В современной Хорватии глаголическая культура является предметом активных научных и богословских изысканий и вместе с тем выходит за их рамки. Повсеместное использование глаголических букв и текстов в оформлении улиц, помещений, в дизайне самых разных предметов показывает, что хорватское общество продолжает акцентировать объединительную функцию глаголицы, которая выступает в роли символа, маркирующего хорватскую культурную и национальную идентичность.

Л.П. Лаптева

*(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)*

Несостоявшийся форум русских филологов-славистов 1904 г.

В апреле 1903 г. в Петербурге проходил съезд русских филологов и историков-славистов, известный в литературе как «Предварительный съезд». Это мероприятие ставило своей задачей подготовить Международный съезд филологов и историков-славистов, намечавшийся на 1904 год. Созыв Международного съезда учёных этого профиля диктовался состоянием науки о славянах, достигшей к началу XX в. значительных успехов, но лишённой возможности нормального научного общения между специалистами и необходимой координации, чтобы соответствовать требованиям и запросам времени.

Предварительный съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. был крупным научным событием и его ход достаточно подробно освещён в литературе. На его заседаниях были подробно обсуждены проблемы, которые предполагалось рассмотреть на международном съезде. К ним относились: составление энциклопедии по славяноведению, сравнительной грамматики славянских языков, этимологического словаря славянских наречий, вопрос об издании церковнославянского словаря и церковнославянских памятников, о славянской библиографии, о межславянском книжном обмене, о насущных задачах славянской историографии. Число проблем, требующих обсуждения на международном съезде славистов было сформулировано в 17 пунктах программы. Организатором будущего международного съезда (как и «Предварительного») являлось Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Российской Академии наук, председателем которого являлся

академик А. Н. Веселовский. Была сформирована комиссия по организации съезда русских и иностранных славистов, в составе А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, Ф.Ф. Фортунатова, П.А. Лаврова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, С.Л. Пташиц-кого, Н.В. Ястребова и др. Председателем избран А.Н. Пыпин, секретарём Г.А. Ильинский. Комиссия обсудила списки кандидатов на съезд. Решили, что общее число приглашённых должно быть 600 человек: русских – около 200; поляков – 125; чехов, словаков, серболужичан – 75; южных славян – 75 и остальных – 125¹.

В окончательном списке приглашённых на съезд 1904 г. было указано 342 русских учёных и 339 иностранных, а также представители всех российских университетов, духовных академий, научных обществ, библиотек и т. д. Немецкие общества, университеты и академии, а также учёные Франции и Оксфорда ответили, что приехать не могут. В списке отсутствуют поляки.

Проведение съезда намечалось на период с 31 августа по 10 сентября 1904 г.². Были получены ассигнования и разработаны «Правила» его проведения³. Научная программа была выработана особо. В её преамбуле говорилось, что «съезд славянских филологов и историков имеет целью содействовать развитию и процветанию славяноведения. Рассмотрению съезда подлежат как общие вопросы по славяноведению, так и частные вопросы по отдельным его отраслям, а именно по языку, литературе, этнографии, истории и древностям»⁴. Далее перечислялись проблемы, требующие «совместного обсуждения». Это было: составление энциклопедии по славяноведению, составление сравнительной грамматики славянских языков, сравнительного или этимологического словаря славянских наречий, древне-церковного славянского словаря, а также издание памятников древне-церковного славянского языка. Предлагалось также обсудить вопрос о разработке кирилловской, глаголической и латинской (у славян) палеографии, о составлении этнографических и диалектологических карт славянских земель и народностей, издание описания славянских рукописей, организация учёных экспедиций для изучения славянства. Кроме того предполагалось обсудить улучшение условий научного общения между славянскими учёными и т. п. Наряду с обсуждением этих и других вопросов на заседаниях съезда предполагалось чтение ряда рефератов, содержание которых затрагивало бы наиболее важные темы. Эти темы также приводятся в предварительной программе. Среди них указывалось на целесообразность рассмотрения вопроса о славянских элементах в немецком языке, о звуковых особенностях немецких слов, заимствованных славянами, о готских элементах в славянских языках, о славянском богослужении в пределах нынешней Венгрии, о насущных задачах славянской историографии. Рекомендовалось также обсудить в рефератах вопрос о влиянии Византии, Италии, Германии на

государственный и общественный быт славян, о параллельных явлениях в политической, церковной и общественной жизни славянских народов, о происхождении русского и южнославянского эпоса, о народных и иноземных элементах в славянском искусстве и ряд других тем. Отметим, что русские учёные прислали темы своих рефератов, проблематика которых была значительно шире той, которую выработали руководители съезда.

Программа содержала исключительно научные вопросы. Подготовительная комиссия стремилась исключить проблемы, которые можно было использовать в политических целях. Однако полностью избежать политических спекуляций вокруг предполагавшегося съезда не удалось. В окончательном решении на съезд было приглашено 219 человек (вместо предполагавшихся 600), из них 10 человек приехать отказались. Это в основном были поляки, а также романо-германские страны, где славяноведение как наука не котировалось, и отсутствовали крупные специалисты⁵.

Материалы о подготовке съезда в 1904 г. показывают, что организационной комиссией была проведена огромная работа. Наряду с программой и правилами проведения съезда, была составлена смета, оговорены условия финансирования русских и зарубежных делегатов съезда, их прибытие, проживание в Петербурге, культурные мероприятия в виде ознакомления с памятниками российской столицы, её библиотеками и архивами, с выставками в них рукописей и литературы. Рабочими языками съезда славистов в 1904 г. были утверждены русский и французский для пленарных заседаний и все славянские языки и наречия на заседаниях секций и подсекций. Если учесть тот факт, что некоторые важные вопросы уже обсуждались русскими славистами на заседаниях Предварительного съезда в 1903 г. и по части из них была выработана позиция русской делегации, то можно сказать, что российская сторона хорошо подготовилась к предстоящему форуму учёных по славяноведению.

Но в 1904 г. началась русско-японская война, и форум славистов не состоялся. 10 марта 1904 г. на заседании организационной комиссии по устройству съезда, её председатель академик А.Н. Пыпин сообщил собравшимся, что «съезд по решению Государственного совета отложен ввиду войны, и что вследствие этого организационной комиссии предстоит обдумать способы ликвидации её работ». Собрание выработало текст извещения об отсрочке съезда и постановило разослать его тем лицам, которые откликнулись на приглашение.

Первоначально предполагалось, что съезд переносится на 1906 год. Представляется, что начавшаяся русско-японская война была главной причиной отсрочки съезда, а последовавшая за ней революция 1905–1907 гг. сделали его проведение невозможным.

Предварительный съезд филологов и историков-славистов в 1903 г. и работа организационной комиссии по устройству международного съезда

имели важное научное значение. Был подведён итог современному развитию славяноведения, намечены новые проблемы, требующие совместного, международного решения, выявлены позитивные и негативные тенденции в развитии славяноведения. Работа организационной комиссии показала, что в России появился центр, способный объединить славистов для совместных действий. Этим центром стало Отделение русского языка и словесности во главе с крупнейшим русским учёным А.А. Шахматовым. По объективным причинам этот центр не смог развернуть свою работу. Но памятником этого мероприятия остались 8 выпусков «энциклопедии славянской филологии», которые выходили с 1908 по 1916 год.

¹ ПФ АРАН. Ф. 134 (А.А. Шахматов). Оп. 1. Д. 237 – материалы по организации первого съезда славянских филологов и историков 1903–1904 гг. Л. 169, 171–172 и др.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 283.

⁴ Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 237.

⁵ См. об этом: Первый съезд славянских филологов и историков. Материалы по организации съезда. Август 1903 – май 1904. СПб. 1904. 31 с.

В.С. Ефимова

(Институт славяноведения РАН)

Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах

Попытки исследовать старославянскую лексику путем анализа отдельных групп предпринимаются уже давно. Книги известного лексиколога и лексикографа Р.М. Цейтлин «Лексика старославянского языка» 1977 г. и «Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.: Проблемы и методы» 1996 г. основывались на анализе старославянских лексико-семантических групп, в которые включаются слова, либо имеющие общий аффикс, либо имеющие общий корень («морфемные ЛСГ»). Изучение лексики внутри морфемных ЛСГ имеет свои преимущества, о которых писалось в упомянутых работах. Вместе с тем такой анализ почти не выходит за рамки собственно старославянского материала и, будучи по существу методом дескриптивной лингвистики и синхронного подхода к языку, не ставит своими задачами ни выяснение происхождения старославянской лексики («старые» ли это славянские лексемы, или новообразования), ни определение обстоятельств ее вхождения в старославянский лексический инвентарь, ни рассмотрение приоритетов выбора первыми славянскими переводчиками – свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями – способов номинации.

Накопленный к настоящему времени опыт изучения памятников древнеславянской письменности, имеющиеся уже в распоряжении исследователей индексы и словари позволяют исследовать проблему формирования старославянского лексикона на ином уровне – перейти от описания фактов языка к их объяснению. Рассмотрение приоритетов выбора первыми славянскими переводчиками способов номинации (иногда даже и предположение о возможных мотивах этого выбора) становится возможным при анализе старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп. Тезаурусные группы формируются из синонимичных и близких по значению старославянских и греческих слов, причем в них включаются как греческие соответствия старославянских слов, так и старославянские соответствия греческих слов. В одной тезаурусной греческо-старославянской группе оказываются таким образом слова разной морфемной структуры, разного происхождения, разной частотности в текстах, вошедшие в старославянский лексический инвентарь при разных обстоятельствах. Выявление взаимоотношений между словами внутри тезаурусной группы позволяет не только уточнять их значения, но и попытаться объяснить «стратегию» книжников в выборе способов номинации.

Взаимоотношения между словами в разных тезаурусных группах разные, и «удельный вес» разных способов номинации в них различен. В качестве примера в докладе рассматриваются две группы наименований лиц – группа «властвующих и управляющих» и группа наименований, отражающих духовно-нравственную характеристику личности.

В группе наименований «властвующих и управляющих» наблюдается преобладание «старых» лексем, почерпнутых из народной славянской речи (владѣка, князь, цѣсарѣ, воевода), которые к тому же и высокочастотны. Много и новообразований, но они малочастотны. Некоторые новообразования вошли в старославянский лексический инвентарь уже при переводе Евангелия и, возможно, образованы самими свв. Кириллом и Мефодием, другие новообразования появляются несколько позже и обязаны своим созданием, видимо, словотворчеству преславских книжников. Наблюдается в этой тезаурусной группе и конкуренция разных способов номинации, отраженной в конкуренции словоупотреблений: со «старыми» лексемами, почерпнутыми из народной речи, конкурируют новообразования; грецизмы (нгѣмонѣ, нгѣмѣнѣ) составляют конкуренцию – хотя и слабую – «старым» лексемам; кальки с греческого самовластьць, самодръжнтѣль, самодръжць конкурируют между собой (как образования с разными суффиксами на базе разных опорных компонентов) и со «старым» латинизмом цѣсарѣ; кальки с греческого четвѣртовластьннкѣ, четвѣртовластьць конкурируют между собой (как образования с разными суффиксами) и с грецизмом тетрархѣ/тетрархѣ. В целом в отношении этой тезаурусной группы нельзя не отметить следующего: наряду с тенденцией

создания новой лексики у переводчиков было явное стремление обходиться – там, где это было уместно – лексикой «старой». Эти лексемы не только более частотны (причем в значительной степени), но и используются, как правило, для передачи нескольких греческих соответствий, то есть используется их широкий семантический спектр.

В группе наименований, отражающих духовно-нравственную характеристику личности, основное различие в способах номинации наблюдается между наименованиями лиц, положительно или отрицательно маркированными безотносительно к христианской морали, и наименованиями лиц, связанными с новой христианской моралью. Наименования, положительно или отрицательно маркированные безотносительно к христианской морали (главным образом, отрицательно – эти наименования лиц являют довольно широкий спектр «общечеловеческих» пороков), были почерпнуты книжниками из народной славянской речи. По своей морфемной структуре это – древние имена с общеименной суффиксацией, существительные с непродуктивными в старославянском языке суффиксами (в том числе и существительные м.р. с основой на *-a*), «старые» префиксальные и двукорневые сложения (*вѣши, которичь, пинаница, жредѣ, прѣлюкодѣи* и др.). Формальные структуры подлежащих переводу греческих лексем здесь не оказывали, как правило, влияния на выбор славянской лексемы: перевод осуществлялся «по смыслу», в семантических структурах принималось во внимание соответствие только тех значений, которые требовались для перевода. Среди же наименований лиц, значения которых связаны с новой христианской моралью, много новообразований, в образовании и употреблении этих слов заметно влияние языка греческих оригиналов. Для этой подгруппы наименований характерен такой способ номинации, как субстантивное употребление прилагательных, и в этом язык старославянского перевода сходен с языком греческого оригинала. Несомненно под влиянием структур греческих соответствий образовывались номинирующие праведников и грешников двукорневые композиты (кальки и частичные кальки типа *благоустьѣнѣн, богогодѣнѣн, благовѣрѣнѣн*), несколькословные номинации (типа *чистѣѣн сръдцеѣн, присѣн вѣроѣ, приходи къ молитвѣ, чѣѣн всѣдржителя бога*).

Таким образом, мы видим, что «стратегия» книжников в выборе способов номинации была разной в разных тезаурусных группах. Она менялась по мере становления старославянского языка, расширения круга переводимых текстов, перемещения переводческой деятельности в новые центры, появления новых «авторитетных лиц» в среде славянских книжников. Тем самым становится очевидной, как нам кажется, целесообразность изучения старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп.

А. Бобев

(Кирило-Мефодьевский Центр, София)

**Неисследованный список Книги Иова
(Белград, ПБ № 76)**

Из сохранившихся в настоящее время около 21 списков Книги Иова четьего типа до сих пор только несколько были в фокусе детального изучения. Исследователи выявили существование, по-видимому, трех переводов разного времени полного (четьего) типа¹. Первый полный перевод традиционно приписывается св. Мефодию, до нас дошло 11 списков² (авторство перевода оспаривается). Второй – начала XV в., сопровождаемый комментариями (катенами), возник в Хилендарском монастыре; известны два списка³. Третий – может быть, конца XIV или начала XV в., тоже южнославянский; известны тоже два списка⁴.

Цель моей работы – дать краткое описание одного неисследованного списка Книги Иова: рукопись № 276 из Библиотеки Сербской патриархии. У меня была возможность ознакомиться с этим списком в конце декабря 2012 г. только на протяжении одного дня. Благодаря любезной помощи уредника Библиотеки г-на Зорана Недельковича, я получил разрешение от Его Святейшества патриарха сербского Иринья на опубликование отрывков текста с исследовательской целью.

Насколько мне известно, единственное печатное описание рукописи дал З. Неделькович (*Недельковић З. Инвентар рукописа Библиотеке Српске патриаршије. Београд, 2012*). Список представлен, согласно жанру инвентаря, совершенно кратко: «*Тумачење Книге о Јову, српска редакција, XVII в. Папир, 224 листа, 318x215 мм. Записи*». По своему содержанию это – рукопись Книги Иова с толкованиями, есть незначительные лакуны в начале и в середине текста. Размеры и количество листов – согласно Недельковичу. Большие следы увлажнения. Орфография памятника ресавская, особые черты не замечаются.

Рукопись датировали XVII в. У меня не было ни времени, ни технической возможности снять образцы филигранных знаков. Основываясь на общем виде почерка, я бы уточнил: начала XVII в. Рукопись представительная, выполненная с замечательным каллиграфическим мастерством. Украшения – монастырского типа: за исключением сигнальных шрифтов других оригинальных элементов украшения нет. Инициалы – растительными мотивами, характерные для балканских рукописей XVII в.

Записей на самом деле может быть больше ста. Содержание разнообразное: памятные записки, попытки подражания каллиграфии основного текста, разные изображения и т. д. Авторы тоже многочисленны, многие из них поставили свои имена. Следует отметить запись дьяка Таса из «Мало Нагоричино»: в Младо Нагоричене изготовлен еще один список:

PM 4/14. Необходимо выявить в ходе дальнейших исследований, не является ли PM 4/14 прямым протографом ПБ 276. Надо упомянуть и некоторые записки (периода XVII–XIX в.), свидетельствующие, что рукопись несколько раз (с перерывами?) была достоянием монастыря Св. Прохора Пчинского. Можно обобщить, что перед нами замечательная рукопись с долгой историей, которая много раз переходила от одного собственника к другому и была в употреблении не только как душеполезное чтение, но и как каллиграфический образец.

Рукопись содержит только Книгу Иова с катенами. Для текстологической характеристики ограничусь только несколькими стихами (текст из Син. 202 см.: *Христова И.* Двата славянски превода на катена на Книга Иов // *Palaeobulgarica*. XXX (2006). № 2. С. 3–26).

Иов 38: 4–6

II перевод (Син. 202): гдѣ вѣше егда основахъ земли възвѣсти же ми аще вѣвѣрнѣи се разоумѣ. (...) положи мѣрила юе аще вѣси. или наноси разоумѣнїе на нїси. на чєсомъ попорѣ еѣ вѣдоузише се. кто же ѣ положен каменъ краеугольнѣи въ нїси.

III перевод (PM 1/4, PM 4/14): гдѣ вѣ вѣнєгда основѣ землю. възвѣсти же ми аще имаши разоумѣ. ... кто положи мѣрила еи аще вѣси. или кто ѣ приведѣи оуже мѣрноє о нїси. на чєсомъ же стѣпѣи юе оутвѣрженїи соуть. кто же ѣ положен каменъ оугльнѣи на нїси.

ПБ 276 (л. 196б – 197а): гдѣ вѣ еѣа основѣ землю. възвѣсти же ми аще имаши разоумѣ. ... кто положи мѣрила еи аще вѣси. ѣ кто ѣ приведѣи оуже мѣрноє о нїси. на чєсомъ же стѣпѣи юе оутвѣрженїи соуть. кто ѣ положен каменъ краеугольнѣи на нїси.

Несмотря на недостаточность материала, можно заключить, что список ПБ 276 принадлежит к третьему переводу Книги Иова, к которому относятся и рукописи PM 1/4 и PM 4/14. Детальное изучение языковых и текстологических особенностей этого сербского списка остается задачей будущих исследований.

¹ Обобщенные данные см.: Христова И. Книга Йов с тълкувания в славянски превод (по Владиславовия репис от 1456 г., ръкопис 4/14 от сбирката на Рилския манастир). София, 2007.

² С добавленными преславскими толкованиями: ГИМ, Чуд. 6; РНБ, Погод. 79, Кир.-Бел. 3/128; РГБ, Рум. 28, Акад. 141; без толкований: РНБ, F.I.461; РГБ, Волок. 10, Волок. 605; с некоторыми видоизменениями в составе: ВМЧ – ГИМ, Син. 792; Син. 802; РНБ, Соф. 1321.

³ ГИМ, Син. 202; Бухарест, РАН № 96.

⁴ Болгария, Рыльский монастырь, № 1/4 и № 4/14.

А.С. Новикова

*(Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова)*

**Кирилло-мефодиевский перевод Евангелия и
современный русский перевод Российского Библейского Общества
(Радостная весть. Новый завет. М., 2011)**

Доклад посвящен сравнительно-сопоставительному исследованию особенностей кирилло-мефодиевского перевода Евангелия (краткого апракоса и тетроевангелия) и современного русского перевода Евангелия, выполненного Российским библейским обществом (РБО) – Радостная весть: Новый Завет. М., 2011 (автор перевода не указан). По существу это уже четвертое издание книги, перевод которой был начат еще в середине 80-ых гг. прошлого века проф. В.Н. Кузнецовой и широко пропагандировался РБО. Уже с самого начала появления в печати этого перевода многими современникам он оценивался как весьма несовершенный. Так, уже в 1996 г. о книге «Радостная весть» резко отозвался проф. МГУ имени М.В. Ломоносова А.Ч. Козаржевский, охарактеризовав ее перевод как «совершенно скандальный, на грани кощунства»¹. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн в 1995 г. назвал переводы В.Н. Кузнецовой, а также выполненные за границей переводы «Слово жизни» и «Благая весть от Бога» антицерковными, самочинными, указывая на то, что плоды этих радетелей (т. е. авторов переводов) есть кощунственное глумление над смыслом Священного Писания, надругательство над нашим традиционным русским языком и, наконец, прямая ересь, распространяемая под видом «общедоступных переводов на живой современный русский язык, выполненный на научной основе и с научных текстов»².

В кирилло-мефодиевском переводе Евангелия, выполненном с древнегреческого оригинала, соблюдалась в полной мере специфика славянского языка как в грамматическом строе, так и в словарном составе. Первыми переводчиками большое внимание уделялось семантической структуре греческих слов, правильно учитывался контекст при переводе многозначных греческих слов. Неслучайно многие исследователи говорят о сюжетной и богословской точности этого перевода, его красоте. В дальнейшем в эволюции славянского перевода Евангелия, хотя и прослеживается процесс постепенного отхода от кирилло-мефодиевских традиций в сторону подражания греческим образцам, все же сохраняются неизменными сюжетная и богословская точность первоначального перевода.

Напротив, при чтении указанного выше современного русского перевода РБО, сделанного также с древнегреческого оригинала, создается впечатление, что его создатели не знакомы с традициями, лексикой и общей культурой написания священных книг. Словарный состав книги «Радостная весть» чужд

духу и смыслу Евангелия и в ряде случаев отражает вульгаризацию текста. Уже само название книги противоречит духу Евангелия, которое в переводе с греческого означает «Святое благовествование». Создатели этой книги опирались на принципы перевода зарубежных изданий Библии (особенно Библии Good news Bible), упрощенного протестантского толка, умаляющих высокие духовные ценности, предав забвению кирилло-мефодиевские традиции перевода и славянский текст Библии.

В переводе РБО «Радостная весть» можно отметить немало ошибок догматического, грамматического и лексико-семантического характера.

Прежде всего представляется по меньшей мере странным, почему переводчикам не нравится собственное имя «Иисус Христос» и они заменяют его словом «помазанник». См. например, чтение от Мф. 1,16: ...муж Марии, матери Иисуса, называемого Христом, то есть Помазанником. Помазанниками назывались цари, священнослужители, пророки. Но Господь Иисус Христос сам помазует духом, от Отца исходящим. Именование Иисуса Христа помазанником можно расценивать как попытку умалить Его в сознании или даже в подсознании людей до уровня прочих помазанников. Словосочетание Новый Завет в книге переведено как Новый договор, что противоречит кирилло-мефодиевской ортодоксальной (по существу православной) традиции понимания лексемы Завет как «завещание, заповедь, вероучительные законы». Горько сознавать, что Пресвятая Дева Мария, присно Дева(!) в «Радостной вести», видимо под влиянием перевода английского слова girl в зарубежных изданиях Библии, названа переводчиками просто «девушкой».

Грубое нарушение подлинного смысла текста и грамматики находим в трех чтениях от Иоанна (1,17; 3,17; 14,6). Ср. Ин. 1,17 Асс. евангелие: нъ да спсѣтъ ся весь миръ ѿнъ; совр. богосл. текст: но да спсѣтъся иль миръ; перевод РБО: чтобы мир через Него был спасен. «Только Им – Христом – и в Нем мы можем встать на путь, ведущий в Царствие Небесное, найти правду этого Царствия, вступить в него и пребывать в нем, обретя вечную жизнь (1 к фессал. 4,14). Им и в Нем, но никак не «через» Него, поскольку этим предлогом – и под этим предлогом – Христу отводится вспомогательная роль не содействующего наше спасение, а как бы содействующего этому спасению со стороны. Такой взгляд ложен уже хотя бы потому, что прямо противоречит Евангельскому определению «Я есмь Путь, Истина и Жизнь»³.

Интересно отметить, что в переводе РБО отсутствует лексема «Благодать», которая заменена другими словами (чаще всего лексемой «заслуга»). Может быть, переводчикам не было известно значение слова Благодать в строго богословском смысле как «спасительная сила Божия, дары Духа святого»?

Обращает на себя внимание та тщательность, с которой в переводе на русский язык РБО изымаются из обращения лексемы смиритися, смиренъ,

известные в церковнославянском переводе Евангелия: *смиритисѧ* – умалить (Мф. 18,4), унижить или принизить (в пяти чтениях – от Матфея 5,24; 23,12; от Луки 3,5; 14,11; 18,14). *Смирѣнъ* – кроток (Мф. 11,29); *о҃҃нижѣнъ* (Лк. 1,52).

В заключение приведем некоторые яркие примеры языка современного русского перевода РБО: Ин. 1,1 Изначально был Тот, кто является Словом; Лк. 1,29 Она в растерянности гадала (о Богородице); Лк. 15,30 проел все твое имущество с продажными девками; Мф. 11,29 наденьте на себя ярмо моих заповедей; Ин. 9,6 помазал ему глаза этой грязью.

Пока нами сделаны только некоторые предварительные наблюдения над принципами современного русского перевода РБО. Но уже и на их основании можно сказать, что этот перевод носит самочинный, антицерковный характер. В нем совершенно сознательно и намеренно искажен смысл евангельского текста.

¹ Казаржевский А.Ч. Церковнославянский язык – это чудо. Богослужебный язык русской церкви. Сретенский монастырь, 1999. С. 235.

² Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. О самочинных переводах Священного Писания. 1995 (<http://www.odigitria.by/2011/07/24/o-samochin-nyx-perevodax-svyashhennogo-pisaniya/>).

³ Гурьев Н.Д. О верности вере. М., 2009.

Г.П. Мельников

(Институт славяноведения РАН)

Кирилло-мефодиевское наследие в Чехии XIV в. в интерпретации чешской науки второй половины XX – начала XXI в.

В Чешском королевстве в период правления Карла IV, исходя из его концепции чешской истории, было после многовекового перерыва актуализировано кирилло-мефодиевское наследие, что прежде всего выразилось в основании монастыря На Слованех (Эммаусского) в 1347 г. в Новом Городе Пражском. Как известно, это был бенедиктинский монастырь с богослужением на церковнославянском языке. Среди его патронов после св. Иеронима, считавшегося в Средние века переводчиком Библии на славянский язык, стоят солунские братья. Особо акценти-ровалась в сочинениях XIV в. церковно-государственная преемственность Чехии от Великой Моравии, выражавшаяся в крещении чешского князя Борживоя и его жены – первой чешской святой Людмилы при дворе Святополка самим архиепископом св. Мефодием.

Интерпретация кирилло-мефодиевской темы чешской идеологией эпохи Карла IV стала объектом пристального изучения чешской наукой начиная с 1960-х гг. Сразу обозначился чрезвычайно плодотворный

интердисциплинарный подход, методически стремившийся не столько к суммированию отдельных научных дисциплин, занимавшихся кирилло-мефодиевской проблематикой в ее исторической ретроспективе, сколько к синтезному дискурсу, органически сочетающему элементы исторического, филологического, лингвистического, искусствоведческого анализа. На общую трактовку темы наложило свою печать то время, когда она привлекла к себе внимание: послевоенная Чехословакия, вошедшая в советский блок, реанимировала «славянскую идею», которая в условиях социалистической идеологии стала рассматриваться как прогрессивная часть наследия прошлого. Поэтому особо подчеркивалась общеславянская значимость возрождения кирилло-мефодиевского наследия в Чехии XIV в., во время апогея ее государственного и культурного развития. Акцент делался на идейное содержание артефактов, на высокий художественный уровень памятников искусства, на возрождение глаголической письменности как символа славянской общности. При этом собственно религиозно-церковная составляющая редуцировалась. Главной задачей было показать чешскость, славянскость данного явления, противопоставляя его процессу германизации.

Все эти черты присущи крупнейшей и важнейшей публикации на данную тему, не потерявшей своего научного значения, – сборнику «Ztradiclovanské kulturyv Čechách. Sázava a Emauzy v dějinách české kultury» (Praha, 1975). В нем участвовали крупнейшие ученые – Л.Е. Гавлик, О. Кралик, В. Котрба, В. Дворжакова, Й. Краса, К. Стейскал, Р. Хадраба, Б. Гавранек, Э. Михалец, В. Киас, Ф.В. Мареш, Я.Б. Чапек и др. Многие статьи были результатами длительных научных разысканий, суммой изученного; в некоторых, особенно искусствоведческих, содержался новаторский анализ семантики и символики памятников. В целом сборник, созданный по материалам конференции 1972 г., организованной Карловым университетом и Чехословацкой Академией Наук, показывал большую значимость кирилло-мефодиевской, т. е. славянской традиции в чешской средневековой культуре. Известный философ и комениолог, представитель гуситской конфессии Я.Б. Чапек даже выдвинул теорию континуитета чешской прогрессивной традиции, идущей от деятельности солунских братьев через монастырь На Слованех к революционной гуситской идеологии.

В сборнике не нашлось места лишь одному из крупнейших представителей чешской гуманитаристики старшего поколения – З. Калисте, который из-за репрессий оказался почти за бортом официальной науки, а в начале 1970-х гг. ослеп. Однако именно он еще в 1963 г. написал работу «Кирилло-мефодиевский мотив у Карла IV», основанную на более раннем тексте, но опубликованную по-чешски только в 2004 г., хотя ее немецкий перевод вышел в Зальцбурге в 1967 г. Переводчик – известный славист Ф. Загиба высоко оценил текст. Характерно, что общий ракурс анализа

материала у З. Калисты совпадает с официально-научным: он также исходит из реактуализированной «славянской идеи» и стремится доказать преимущественное положение «славянкости» и «чешскости» в патриотической, исторической и политической концепции Карла IV, как это он сделал в книге «Карл IV. Его духовный лик», запрещенной цензурой. З. Калиста привлек множество памятников письменности, в том числе малоизвестных, и дал их анализ в контексте идеологических трендов не только Чехии, но и Европы XIV в., опираясь на свою уникальную эрудицию и глубокое знание католической теологии. Однако работа вышла за рамки обозначенной темы и стала как бы концептом книги о Карле IV, поэтому кирилло-мефодиевский мотив растворился в общем содержании.

Все крупные работы конца XX – начала XXI в., посвященные Карлу IV (З. Фиала, И. Спевачек, Ф. Кавка, Л. Бобкова), не обходятся без упоминания феномена монастыря На Слованех. Однако создается впечатление, что авторы избегают глубокого анализа и оценочных выводов идеологического характера, отдавая предпочтение фактологии. Они явно не хотят акцентировать «славянскость», иногда представляют монастырь как некий курьез, связанный с собиранием Карлом IV в Праге всевозможных церковных раритетов, или напрямую соотносят с конкретными политическими целями монарха.

Переключение акцентов с актуализации «славянской идеи» на искусствоведческий анализ фресок монастыря, вскрывающий их глубокий религиозный смысл, эсхатологический по содержанию (статья К. Кубиновой), обозначил второй сборник, посвященный монастырю – «Emauzy. Benediktinský klášter v srdci Prahy» (Praha: Academia, 2007), представляющий материалы конференции, состоявшейся по случаю возобновления богослужения в нем после возвращения его католической церкви и реставрации монастыря в 2003 г. Одна из наиболее интересных и научно значимых статей – работа живущей в Лондоне З. Опачич «Эммаусский монастырь и Новый Город Пражский: славянская традиция, императорская идеология и общественный ритуал в Праге XIV в.». В ней раскрыт комплекс представлений, выраженных через артефакты и выявляющих органическое единство славянского, имперского и религиозно-церковного содержания в универсалистской концепции Карла IV через общественную репрезентацию.

Подвергаются ревизии (в работах М. Бартловой) взгляды искусствоведов старшего поколения (Р. Хадраба, К. Стейскал) за их излишнюю склонность видеть сложную идейную программу, зашифрованную символику в памятниках искусства XIV в. Все это считается недосказанным, преувеличенным, произвольным. Наоборот, З. Опачич продолжает эту традицию, обращая внимание на иеротопию и патронимию, что позволяет выявить глубинные религиозно-идеологические коннотации пространственных решений культурного ландшафта. Это непосредственно относится к

местоположению монастыря На Слованех, анализ которого занял достойное место в грандиозной коллективной монографии чешских и зарубежных ученых, совмещенной с каталогом выставки, – «Karel IV. Císař z boží milosti. Kultura a umění za vlády Lucemburků. 1310–1437» (Praha, 2006).

Г.С. Баранкова

*(Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН)*

Кирилло-мефодиевская проблематика в трудах Г.А. Ильинского

Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) – выдающийся отечественный ученый, филолог-славист, член-корреспондент РАН (1921) и АН СССР, издатель старославянских и древнеславянских текстов, этимолог, лексиколог, лексикограф и библиограф, уделявший в своих работах большое внимание кирилло-мефодиевскому наследию, судьбе древнейших переводов и самой азбуке, созданной первоучителями. Кирилло-мефодиевский вопрос Ильинский считал «связующим звеном многих дисциплин славяноведения». Он внес значительный вклад в развитие этой проблематики, посвятив ряд статей и рецензий анализу жизни и деятельности равноапостольных братьев, исследованию славянской книжности после Кирилла и Мефодия, а также трудам его учеников. Таковы, например, статьи ученого «Кто был черноризец Храбр» (1917), «Один эпизод из Корсунской легенды Жития Константина Философа» (1924), «Написание о правой вере» Константина Философа (1925), «Где, когда, как и с какой целью глаголица была заменена кириллицей» (1931).

Одной из наиболее известных статей, непосредственно связанной с кирилло-мефодиевской проблематикой, является работа ученого, посвященная происхождению глаголицы и кириллицы. Как известно, этот вопрос долгое время привлекал внимание ученых, высказывавших по нему разные мнения. В настоящее время большинство из них склоняются к тому, что Кирилл является создателем глаголицы, а кириллица появилась позже, при этом, однако, остается трудно объяснимым, почему используемая нами азбука называется кириллической. Ильинский предположил, что глаголица была заменена кириллицей на Преславском соборе в Болгарии в 893 г. при царе Симеоне, в период расцвета болгарской литературы и культуры, во время ее так называемого «золотого века». Ее составителем был Константин Пресвитер, впоследствии же имя изобретателя глаголицы Кирилла (до принятия монашества – Константина) и имя Константина – создателя кириллицы – слились воедино, а сама азбука стала называться «кирилловицей».

Многие работы Ильинского остались неизданными в силу трагических обстоятельств, связанных «Делом славистов и засильем марристов в языкознании. Это второе издание Праславянской грамматики, от которого в наше время сохранилось лишь Введение, а основная часть работы в настоящее время утрачена. Так же практически утрачен Этимологический словарь славянских языков. В Отделе рукописей ИРЯ РАН находится большая неопубликованная работа с предположительным названием Введение в историю русского языка. Неизвестна судьба еще одной большой работы Ильинского, над которой, судя по его письмам Б.М. Ляпунову, он работал на протяжении 20–30 гг. – Библиографического обзора среднеболгарских рукописей XII–XVII вв. На протяжении всей своей жизни Г.А. Ильинский собирал библиографию работ, посвященных деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, однако этот капитальный труд, первый в мире «Опыт систематической Кирилло-мефодиевской библиографии» увидел свет не на родине ученого, а в Болгарии в 1934 г., когда у себя дома Ильинский уже не мог ничего опубликовать, а время работы над корректурой этой книги совпало с арестом ученого и последовавшей за этим ссылкой. Работу над книгой завершили М.Г. Попруженко и Ст.М. Романский, под редакцией и с дополнениями которых издание вышло в свет.

Требования, который предъявлял ученый к библиографии, заключались в том, чтобы «строгая систематичность» сочеталась с «максимальной полнотой и точностью данных». Ильинский разделил свою книгу на две части. В первую вошли научные работы, а также многочисленные научно-педагогические исследования; во вторую – научно-популярные, включающие в свой состав публицистические и проповеднические статьи. При этом статьи расположены в своеобразном порядке – по степени убывающей научной значимости. Всего же библиография включала 3385 названий работ и рецензий. В настоящее время эта работа с большой вступительной статьей С. Николовой и библиографическими дополнениями, составившими в целом с библиографией Ильинского уже 4473 наименования, переиздана в 2003 г. в Болгарии.

Своим опытом Ильинский внес большой вклад в развитие славистики и медиевистики. Собрав вместе все работы по исторической деятельности Кирилла и Мефодия и его учеников, Ильинский не только представил результаты исследований ученых, начиная с 18 века, но по сути выделил кирилло-мефодиевскую проблематику как самостоятельный раздел славистики. Труд Ильинского получил высокую оценку зарубежных ученых (отечественные слависты, по понятным причинам, обошли книгу молчанием). Несомненно, рецензенты указывали и на некоторые пропуски в

работе, но это не умаляло ее высокого значения для дальнейшего развития славянской филологии.

В Отделе рукописей ИРЯ РАН хранится 5-я глава неизвестного труда Ильинского «Происхождение и родина древнецерковнославянского языка». При этом она частично написана на обороте листов его статьи «Что такое славянская филология?», созданной и опубликованной в саратовский период жизни ученого, в 1923 г. Рукопись состоит из 69 листов средней сохранности (формат А-3). Отдельные листы написаны карандашом, местами текст угасает. Работа представляет собой черновик, с многочисленными поправками, вставками и дополнениями. Глава «Происхождение и родина древнецерковнославянского языка» состоит из 23 параграфов, посвященных истории изучения вопроса. Историография и изложение результатов исследований ученых по тому или иному вопросу всегда была сильной стороной трудов Ильинского.

В первом параграфе ученый дает определение термина древнецерковнославянский язык, понимая его как «Язык, на который в 9 веке было переведено Кириллом и Мефодием Священное Писание и на котором впоследствии возникла могучая литература». Он отмечает первоначальную сферу его употребления как чисто церковную и ставит вопрос о его диалектной принадлежности, связывая с ней понятие его родины и отношение к другим славянским языкам. В связи с этим он рассматривает различные гипотезы о том, какой славянский язык лег в основу древнецерковнославянского языка.

В работе изложены праславянская, сербская, русская, моравская, болгарская, паннонская теории, связанные с именами крупнейших ученых-славистов: А.Л. Шлецера, И. Добровского, М.П. Погодина, К. Калай-довича, А.Х. Востокова, О.М. Бодянского, П. Шафарика, В. Копитара. Заканчивается обзор подробным рассмотрением взглядов И.В. Ягича. История вопроса изучения происхождения церковнославянского языка подается Ильинским как борьба идей, столкновение взглядов, пересмотр учеными собственных воззрений, что придает повествованию известный динамизм (ср. названия некоторых параграфов: «Новые выступления Шафарика в пользу болгарской теории», «Последняя попытка Копитара отстоять паннонскую теорию», «Выступление в защиту болгарской теории О.М. Бодянского», «Измена Шафарика болгарской теории и переход его на сторону паннонизма», «Первый бой Ягича с паннонизмом», «Переход паннонизма к обороне» и т. п.

Рассматривая различные теории знаменитых славистов, Ильинский высказывает и собственные суждения об их идеях, демонстрируя навыки владения этимологическим, историческим и отчасти текстологическим анализом. Одним из главных аргументов ученого является сопоставительный анализ славянских языков, включающий фонетические (в меньшей степени грамматические) и лексические различия.

Можно предположить, что глава об истории изучения происхождения церковнославянского языка была написана для работы, целиком посвященной исследованию первого литературного языка славян. Известно, что первым университетским курсом Ильинского, когда он в 1904 г. стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, был «Очерк по истории изучения церковнославянского языка». Возможно, он задумал на базе этого курса написать книгу, однако насколько был исполнен этот замысел, мы можем судить лишь по сохранившейся пятой главе этой работы.

Ф.Б. Людоговский

(Институт славяноведения РАН)

**О вышедшем переиздании (110 лет спустя)
монографии А.В. Попова «Православные русские акафисты»:
особенности нового издания и перспективы
дальнейших исследований**

В 1903 году вышла в свет монография (докторская диссертация) профессора Казанской духовной академии Алексея Васильевича Попова «Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения. Церковно-литературное исследование...» В течение многих десятилетий эта работа оставалась и остается основным справочником по церковнославянским акафистам, написанным и изданным в России в синодальный период (по 1901 год). Пользуясь архивными материалами, исследователь дает сведения об авторстве и времени создания порядка 130 акафистов, раскрывает историю их написания и цензурской правки. Книга также содержит раздел «Построение акафиста» – здесь раскрываются особенности структуры текстов этого жанра, предпринимается попытка выявить зависимость содержания акафиста от его адресации (Богородице, преподобным, мученикам и т. п.).

Второе издание монографии было подготовлено в Издательстве Московской Патриархии. Работа над переизданием велась несколько лет, книга вышла в 2013 году – через 110 лет после первого издания. В сравнении с изданием 1903 года работа Казанского профессора получила несколько приложений, имеющих целью дать представление о тех изменениях, которые произошли за минувшее столетие. Наиболее важные дополнения – это статья священников Феодора Людоговского и Максима Плякина «Жанр акафиста в XXI веке», а также подготовленный этими же авторами список акафистов, получивших официальное утверждение со стороны церковных властей после 1901 года, в их числе – 8 акафистов, подготовленных в 2011–2012 гг. рабочей группой по кодификации акафистов и выработке норм акафистного творчества, функционирующей при Издательском совете РПЦ, и

одобренных Священным Синодом РПЦ в декабре 2012 г., накануне выхода книги из печати.

Когда тираж уже был отпечатан, о. М. Плякину удалось выявить авторство акафиста патр. Ермогену, уточнить статус акафиста Кресту, изданного до революции, дополнить списки одобренных акафистов теми текстами, которые по разным причинам не нашли отражение у Попова и более поздних исследователей. Кроме того, списки одобренных акафистов в ближайшие годы будут постоянно пополняться. В настоящее время в Синоде находится на рассмотрении 12 акафистов, подготовленных рабочей группой.

Е.П. Аксенова

(Институт славяноведения РАН)

Международная конференция историков славянских стран и Восточной Европы и русские эмигранты

В 1927 г. по инициативе Польского исторического общества и других научных исторических организаций была созвана в Варшаве 1-я международная конференция историков государств Восточной Европы и славянских стран. Интерес к славянству не случаен – он связан с возникновением после Первой мировой войны и развитием независимых славянских государств, которые занимали всё более заметное место в политической жизни Европы. Целью конференции было объединение усилий ученых разных стран в изучении истории славянских народов. Славянской исторической проблематике были посвящены все доклады, прозвучавшие на конференции, хотя они и не были объединены какой-либо определенной тематикой или хронологическим периодом.

Делегация советских историков, приглашенная на конференцию, не принимала участия в ее работе (по политическим соображениям). Русскую историческую науку представляли ученые-эмигранты А.В. Флоровский, Н.Л. Окунев, В.В. Саханев, Б.А. Евреинов, И.О. Панас, проживавшие в Чехословакии, а также Ф.В. Тарановский, работавший в Сербии. Они выступали на конференции с приветствиями, докладами, активно участвовали в дискуссиях. Многие историки-эмигранты, желавшие приехать на конференцию, не решились на этот шаг из-за принятого в Польше «Закона об иностранцах», на основании которого можно было отказать в разрешении на въезд без объяснения причин.

Кроме научных на конференции поднимались и научно-организационные вопросы. Работа конференции завершилась созданием международной организации – Федерации исторических обществ Восточной Европы, которая в 1930-х гг. насчитывала до 40 членов. Работу Федерации

возглавлял Президиум. Были образованы две постоянно действующие комиссии: издательская, выпускавшая периодический печатный орган «Бюллетень исторических наук в Восточной Европе», и по составлению словаря славянских древностей. Во все рабочие органы Федерации вошли представители русской эмигрантской науки. Их положение в этой организации, закрепленное официально, являлось исключительным, так как они в отличие от остальных членов являлись представителями не своей страны, а русских исторических институций, созданных за пределами родины, в странах пребывания эмигрантов из России.

1-я международная конференция исторических обществ Восточной Европы и славянских стран явилась самым ярким эпизодом, связанным с Федерацией, и сыграла определенную роль в координации деятельности историков, изучавших славянский мир. Она на два года опередила международный форум филологов-славистов (1929), который принято считать Первым съездом славистов. Конференция положила начало полезным инициативам, не получившим, однако, широкого развития в дальнейшем.

М.А. Робинсон

(Институт славяноведения РАН)

**Первый Международный съезд славистов в Праге:
надежды, разочарования и неосуществленные проекты
(по материалам переписки русских славистов)**

Намеченный на конец 1929 г. Первый международный съезд славистов и перспективы участия в нем явились предметом оживленной переписки. Слависты, особенно чешские и русские, осевшие в Праге, не оставляли надежды принять русских коллег у себя. Мурко заранее радовался, что Лавров придет в Прагу¹, Францев писал Сперанскому: «Těším se, že navštívíte, že bude našim hostem na siezdu»². Получил приглашение на съезд и Г.А. Ильинский, о чем он писал в Болгарию Попруженко. С самого начала надежды на поездку сопровождались у многих ученых сомнениями в возможности ее осуществления, о чем писали и Ильинский, и Б.М. Ляпунов, и Туницкий, и Н.Н. Дурново.

Несмотря на сомнения, академики Лавров и Ляпунов подали официальные прошения о командировках, которые были поддержаны Отделением гуманитарных наук АН СССР. И вот, наконец, настал канун Съезда и с ним полное разочарование практически всех представителей русского академического славяноведения. Ильинский эмоционально писал Ляпунову 5 октября 1929 г.: «Чуть не в последнюю минуту Главнаука назначила представителями московских славистов на Съезде славистов в

Праге Сакулина (это еще куда ни шло) и ... Волгина, специалиста по истории социализма!»³.

Почти обо всех участниках Съезда от Советского Союза мы можем обнаружить сведения и оценки в переписке славистов (и прежде всего Ильинского), не получивших разрешения посетить Прагу. Уже 27 октября 1929 г. Ильинский возмущенно писал Ляпунову: «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!! Странен также состав укр[аинской] делегации: она состояла из Немчинова и никому не известного Пилипенка!»⁴.

Первый международный съезд славистов проходил с 6 по 13 октября 1929 г. Как писал в своем отчете Саккулин: «...председателем делегации (по назначению Отдела научных учреждений Совнаркома) был я; далее от РСФСР – С.Н. Быковский (из Вятки), Н.С. Державин и Н.М. Каринский; от Украины – К.Т. Немчинов и С.В. Пилипенко; от Белоруссии П.Аф. Бузук»⁵.

Как мы видим, решение о советском представительстве было чисто политическим. П.Н. Сакулин, отличавшийся и до революции левыми взглядами, развивал теорию «социологизма», попадал в категорию «попутчиков» и располагал доверием властей. Державин, имевший стойкую репутацию «подлаживающегося» к властям, активный приверженец учения Марра, авторитетом среди славистов не пользовался. Труды С.Н. Быковского, воинствующего марриста, к славистике и в целом к академической филологической науке отношения не имели. Писатель С.В. Пилипенко был заметной фигурой в общественной жизни Украины, в конце 1920-х он был директором научно-исследовательского института Тараса Шевченко в Харькове, но единственным его достижением в славистике были несколько лет учебы в Киевском университете (1909–1912), откуда он был исключен за революционную деятельность. К.Т. Немчинов, национально ориентированный лингвист, занимался изучением истории украинского языка, возводя его непосредственно к праславянскому.

С полным основанием к славистам можно отнести Бузука и Каринского. Репутация Каринского в академических кругах уже давно была неважной, и все более ухудшалась ввиду его сотрудничества с группой «лингвистов-марксистов» во главе с марристом В.Б. Аптекарем и «языкофронтвцем» Г.К. Даниловым. В поведении Бузука также отмечали его особую «советскость».

Таким образом, перечисленный состав делегации вряд ли мог вызвать особый интерес у зарубежных ученых славистов. Это обстоятельство сразу же отразилось и в переписке. Буквально по горячим следам, через неделю с небольшим после завершения съезда, Ильинский получил информацию о нем от одного из зарубежных участников. В письме содержались

положительные отзывы о Кульбакине и Трубецком, но, как отмечал Ильинский: «О нашей делегации он хранит гробовое молчание»⁶. Совершенно ясно, что на фоне представителей русской научной эмиграции, советская делегация выглядела очень слабо.

Но от советской делегации зависело принятие важных решений, в частности о предлагавшемся проекте создания Славянского лингвистического атласа. Как писал С.Б. Бернштейн: «...на закрытом заседании советской делегации Н.С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвистами, отрицающими новое учение о языке Н.Я. Марра. Н.С. Державина поддержали Н.М. Каринский и руководитель делегации литературовед П.Н. Сакулин. В данной научной проблеме хорошо разбирался только один член делегации – белорусский ученый П.А. Бузук, но он промолчал»⁷. Казалось, что этим решением вопрос был закрыт. Но через два года дело получило продолжение.

Получив весной 1931 г. назначение на должность директора Института языкознания Белорусской АН, Бузук решил вспомнить об идее создания славянского лингвистического атласа и инициировал обращение президента Белорусской АН на имя неперменного секретаря АН СССР В.П. Волгина. В обращении упоминалось создание во время работы съезда в Праге Комиссии по подготовке «общего лингвистического атласа славянских языков», о том, что от СССР в нее вошел П.А. Бузук. Отмечалось, что ученые из «буржуазных государств» интересуются ходом работы в СССР. В обращении предлагалось «сконцентрировать общее руководство этой работой в Белорусской Академии Наук, возложив на нее наблюдение за развертыванием в СССР работы по составлению лингвистического атласа славянских языков»⁸, а ответственным за работу назначить Бузука. Предложение БАН обсуждалось на заседании Группы языка и литературы Отделения гуманитарных наук. Ее решение выглядело следующим образом: «Довести до сведения Н[епременного] С[екретаря], что Группа считает целесообразным возглавление и руководство данной работой со стороны КРЯЗ; работа должна вестись в тесном контакте с БАН, в частности, при сотрудничестве проф. Бузука»⁹. Руководитель ГЯЛ Державин доложил ее решение на заседании ОГН, которое это решение поддержало. Державин, отвергавший идею международного сотрудничества по составлению славянского лингвистического атласа, не возражал открыто против передачи руководства проектом Комиссии русского языка. Он знал, что КРЯЗ переходит в подчинение Института языка и мышления, а там проблемами диалектологии заведовал с 1931 г. Каринский, другой противник идеи атласа. Таким образом, решение о работе по проекту атласа оказалось во власти ИЯМа, то есть Н.Я. Марра, и уже ничто не мешало спокойно отказаться от каких-либо попыток реанимировать проект.

Казалось бы, логичное решение о руководстве проектом атласа в филологическом центре союзной Академии наук, за которое единодушно выступили наиболее видные отечественные ученые, объективно вело к ликвидации проекта. Возможно при другом решении передать дело атласа в руки БАН, где всю работу возглавил бы Бузук, дело могло бы и продвинуться, хотя времени для работы у Бузука оставалось бы уже немного, в начале 1934 г. он был арестован и в 1938 г. погиб.

Можно смело утверждать, что достойного представительства на Первом международном съезде славистов русская наука не получила. Ведущие отечественные слависты, обладавшие европейской известностью и уважением зарубежных коллег, остались по политико-идеологическим причинам за бортом делегации. Во многом по вине советской делегации были созданы препятствия для начала серьезной работы над важнейшим международным проектом по созданию Славянского лингвистического атласа. Идея создания Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) возродилась почти через три десятилетия, в 1958 г., на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве.

¹ ПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 166. Л. 84.

² Там же. 312. Л. 19.

³ ПФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 227.

⁴ К истории создания второго издания «Праславянской грамматики» Г.А. Ильинского / Вступ. ст. и подг. текста Г.С. Баранковой // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 28.

⁵ Саккулин П.Н. Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов // Известия АН СССР. VII Секция. Отделение Гуманитарных наук. 1930. № 6. С. 415.

⁶ Цит. по: К истории создания второго издания «Праславянской грамматики» Г.А. Ильинского... С. 228.

⁷ Бернштейн С.Б. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 6.

⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1931. Д. 259. Л. 83об.–84.

⁹ Там же. Л. 80 об.

Секция

**«Славянские литературы:
история и современность»**

Н.Н. Пономарева

(Институт славяноведения РАН)

**Вклад Д.Ф. Маркова в возрождение
советской литературоведческой болгаристики**

Образованное в середине 40-х гг. XX в. на филологическом факультете МГУ им. Ломоносова отделение славистики столкнулось с нехваткой (и даже иногда полным отсутствием) квалифицированных кадров (преподавателей, доцентов, профессоров). Правда, болгарская лингвистика, несмотря на тяжелейший довоенный период для славистики в целом, сумела сохранить свой научный потенциал и передать ее традиции студентам. Что касается советской литературоведческой болгаристики, то ее не существовало вовсе, и надо было решать сложнейшую задачу ее создания по сути с нуля. Стимулом к возрождению научного интереса к болгарской литературе и появлению молодого поколения болгаристов-литературоведов послужил курс лекций («Болгарская поэзия первой четверти XX века»), прочитанный студентам-болгаристам в 1949 г. Д.Ф. Марковым, в то время доцентом Педагогического института города Сумы. В них он не ограничивался поэзией – студенты получили представление и о прозе, литературной ситуации в Болгарии первой половины столетия, некоторые из них стали переводчиками, популяризаторами болгарской литературы, ее исследователями. Таким образом, была пробита первая брешь в глухой до этого времени стене советской болгаристики в области литературы и литературоведения. Д.Ф. Марков оказался у истоков ее создания.

Следующим этапом в развитии советской литературоведческой болгаристики стало появление фундаментального труда «Очерки истории болгарской литературы XX века» (1959). Она была создана коллективом ученых Института славяноведения РАН (Д.Ф. Марков, В.И. Злыд-нев, И.М. Шептунов, Н.И. Кравцов и др.) по инициативе и под общим руководством Д.Ф. Маркова. Этот труд был фундаментом для новых исследований болгарской литературы ученых не только в Институте славяноведения, МГУ, но и в других славистических центрах страны и за рубежом. Он не утратил своей ценности и сейчас, несмотря на коррективы, которые вносит время.

В дальнейшем, будучи старшим научным сотрудником, заведующим отдела славянских литератур, а затем и директором Института, Д.Ф. Марков

расширил рамки своих интересов в сторону славистики в целом, но болгаристика продолжала занимать важное место в его научной и организаторской деятельности. Он не оставлял своим вниманием и заботой болгаристов следующих за ним поколений. Его существенная и разноплановая поддержка помогала им плодотворно работать и выстоять в трудных ситуациях того времени. Он был неравнодушным, честным и добрым человеком, достойным в жизни и науке. Его вклад в советскую литературоведческую болгаристику приоритетен и очень важен.

М.Г. Смольянинова
(Институт славяноведения РАН)

О жизни и сфере интересов Д.Ф. Маркова

Дмитрий Фёдорович Марков родился 5 ноября 1913 года в селе Преслав, на берегу Азовского моря. Село было построено болгарскими переселенцами, бежавшими в своё время от турецких зверств в Россию. Это важный фактор в его судьбе. Дмитрий Фёдорович прекрасно знал родной язык, любил свою прародину и болгарскую литературу. Он рос в бедной крестьянской семье. Отец его, дабы заработать на хлеб, играл на годулке в соседних сёлах. Он брал с собой сынишку. Митко сопровождал отца, собирая подаяние. Когда Марков вспоминал об этом детском унижении, то на глазах его появлялись слёзы. Но со временем талантливый мальчик стал видным учёным, академиком, директором Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Самая значительная часть творчества Дмитрия Фёдоровича Маркова посвящена болгарской литературе. В 1959 г. он опубликовал книгу «Болгарская поэзия первой четверти XX века», где впервые исследуется развитие болгарской поэзии конца XIX – начала XX века. Автор исследует два периода: с конца 90-х годов XIX в. до Первой мировой войны и послевоенный период, время массового революционного подъёма в Болгарии, сентябрьского восстания и спада революционной волны. Об этих периодах написаны обзорные главы, в которых Марков показывает основные линии и направления литературного процесса. Исследуя творчество Пенчо Славейкова, Пейо Яворова, Димитра Полянова, Христо Смирненского и других болгарских поэтов той поры, автор акцентирует внимание на разнообразии форм, стилей, индивидуальностей. «Эта книга – результат моей горячей любви к болгарской литературе, к свободолюбивому болгарскому народу. Когда я писал её, я поставил перед собой задачу рассказать советским людям о тех замечательных эстетических ценностях, которые созданы писателями Болгарии, раскрыть смысл ряда интересных явлений в болгарской поэзии первой четверти XX века, показать

индивидуальный облик отдельных художников, творческое их общение с русской литературой, в которой нашла выражение великая идея дружбы между болгарским и русским народом. Если это мне удалось отчасти, значит труд мой не напрасен» (Д.Ф. Марков). Вскоре труд был переведён на болгарский язык. Книга Д.Ф. Маркова «Болгарская литература наших дней» (1969) продолжает осмысление национального литературного процесса в Болгарии в послевоенный период. В ней содержатся очерки о Людмиле Стоянове, Младене Исаеве, Димитре Димове, Емилиане Станеве. В 1973 г. вышла книга Д.Ф. Маркова «Из истории болгарской литературы», где затронуты теоретические проблемы литературного процесса, вопросы периодизации болгарской литературы, романтизма и реализма. Исследовано этапы в развитии эстетической мысли в Болгарии. Включены главы о Христо Ботева, Иване Вазове, Елине Пелине, Пенчо Славейкове, Христо Ясенове, Николе Вапцарове, Николе Фурнаджиеве. Исследуя болгаро – русские литературные связи, автор отмечает влияние Максима Горького и Владимира Маяковского на развитие болгарской литературы, знакомит читателей с переводами произведений Христо Ботева, Пейо Яворова и Пенчо Славейкова на русский язык. Статьи, помещённые в данной книге, были опубликованы ранее (в 1950–60 гг.) в различных журналах и сборниках, но это не помешало целостности труда.

Д.Ф. Марков принял участие в создании двух антологий болгарской поэзии, которые вышли в СССР в 1952 и 1958 гг., а также в написании ряда глав в «Очерках истории болгарской литературы XIX–XX вв.» (Москва, 1959). В СССР подобные труды появились раньше, чем в самой Болгарии.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР, директором которого он был многие годы, всегда царила доброжелательная атмосфера. Если в других академических институтах «подписантов» увольняли, то в нашем Институте они продолжали плодотворно работать. Для этого директору надо было иметь личное мужество.

И.И. Калиганов

(Институт славяноведения РАН)

**Дмитрий Федорович Марков и его время
(к столетию со дня рождения ученого: 1913-1990)**

1. Стремительное вхождение Д.Ф. Маркова в славистику и его быстрый научный и административный рост во многом объяснялись не только его исследовательским талантом и работоспособностью, но и прекрасным политическим чутьём и умением ориентироваться в особенностях послевоенного времени;

2. Не будет преувеличением сказать, что само тогдашнее время породило именно такой тип крупного ученого и многолетнего руководителя академического института с таким названием. Институт славяноведения был создан в 1946 г., то есть сразу после Второй мировой войны, по политическим соображениям наших верхов, и был призван служить марксистско-ленинским идеологическим тараном в славянских странах, которые по ялтинскому соглашению 1943 г. между США, Великобританией и СССР попали в сферу влияния последнего;

3. Одновременно создание подобного Института вызывалось объективными потребностями развития советской науки и заполняло ту неестественную лакуну, которая образовалась у нас после большевистского переворота 1917 г. За ним, как известно, последовало уничтожение славистики коммунистическими идеологами, которые расценивали её как нечто малополезное или даже ненужное для будущего интернационального Всемирного Коммунистического Братства. Только в период Второй мировой войны, когда Красная армия начала приближаться к границам зарубежных славянских стран, обнажилось полное отсутствие у нас специалистов по языкам, истории и культуре славян;

4. «Царицей» наук в созданном Институте славяноведения была история, в особенности истории славянских стран эпохи капитализма. При её изучении больше всего внимания уделялось классовым противоречиям, борьбе рабочих и крестьян против своих угнетателей, развитию социалистического и коммунистического движения, а впоследствии – истории строительства зарубежными славянами социализма. Переписать надлежало также древнюю и средневековую историю славян, сделав упор на классовом и национально-освободительном аспектах исторического развития;

5. Вторым по важности в иерархии разрабатывавшихся тогда в Институте славяноведения научных разделов было литературоведение. Точнее – изучение славянских литератур XIX–XX вв., и, прежде всего, того что было проникнуто осуждением капиталистических отношений или пафосной борьбой за приближение и воплощение социалистических идеалов в жизнь: то есть произведений, написанных с использованием методов критического или социалистического реализмов. Остальные разделы славистики – славянские языки, фольклор, этнография, древние и средневековые литературы – партийное и научное руководство страны рассматривало как второстепенный, хотя и необходимый балласт. Он служил для прикрытия идеологической сущности Института и одновременно помогал осуществлять контакты с создававшимися в славянских государствах академическими институтами по истории, литературе, этнографии и фольклору;

6. Благоприятной предпосылкой для вхождения Д.Ф. Маркова в славистику и его быстрого научного и административного роста послужило

то, что в отличие от своих коллег литературоведов-болгаристов (В.И. Злыднева и М.М. Шептунова) он не начинал с нуля. Д.Ф. Марков был болгарин по происхождению, болгарский язык был для него родным, и это облегчило ему знакомство с болгарской литературой ещё в юности. К моменту возрождения славистики в СССР он уже имел научную степень, защитив кандидатскую диссертацию по поэзии А.В. Кольцова, а затем, поняв открывающиеся перед ним научные перспективы, докторскую диссертацию по славистике: «Пути развития болгарской поэзии первой четверти XX века» (1954);

7. Поворотным пунктом в научном и административном восхождении Д.Ф. Маркова наверх стало переориентирование учёного вначале на современную болгарскую социалистическую литературу, а затем и на «царицу цариц» советского литературоведения – теоретическое изучение метода социалистического реализма. Это помогло ему стать не только директором Института (1969-1987), но и членкором, а затем и академиком АН СССР;

8. Руководство Д.Ф. Марковым Институтом славяноведения (с 1970 г. славяноведения и балканистики) АН СССР было самым продолжительным: он избирался на пост директора четыре срока подряд. Его предшественники Б.Д. Греков, П.Н. Третьяков, И.И. Удальцов и сменивший его И.А. Хренов руководили Институтом не более одного срока. Бессменность Д.Ф. Маркова на посту директора объяснялась не просто его высоким научным званием академика (И.Б. Греков тоже был академиком, а П.Н. Третьяков – членом-корреспондентом), а отличным идеологическим чутьем и политической гибкостью. К тому же, он был литературоведом, а не историком, подобно его предшественникам: в исторической науке, как известно, существует больше острых политических углов и ухабов, чем в литературоведении.

9. Директорство Д.Ф. Маркова люди поминают добрыми словами: он был отзывчивым, теплым и обаятельным человеком. Ученый был чужд идеологическому рвению – несмотря на разработку сверх идеологизированных проблем, он проявлял идеологическую и политическую толерантность. Он не допустил расправы над работавшим в Институте известным правозащитником В.В. Ивановым, выступавшим в защиту диссидентов А.Д. Синявского и Ю.А. Даниэля и отказавшегося осудить произведение Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

10. Многие из написанного Д.Ф. Марковым о социалистическом реализме утратило свою общественную ценность после краха тоталитарной коммунистической системы и смены идеологических «полюсов». То, что считалось ранее второстепенным и периферийным, вдруг обнажило свою непреходящую научную ценность, и, наоборот, – «царицы» наук разом превратились в никому не нужных падчериц.

Л.Н. Будагова

(Институт славяноведения РАН)

**Ипостаси и варианты
«самого прогрессивного метода эпохи»**

В докладе, прозвучавшем на заседании 20 мая 2013 г., посвященном 100-летию со дня рождения Д.Ф. Маркова (Литературоведческая секция), прослеживаются истоки и корни революционно-социалистического направления/метода в русской и других литературах, за которым после Первого всесоюзного съезда советских писателей (август сентябрь 1934 г.) закрепилось название «социалистический реализм (1); исследуется специфика его зарубежного и советского вариантов (2); акцентируется вклад Д.Ф. Маркова в его толкование как «исторически открытой эстетической системы», что способствовало, расширению творческой свободы писателей, закрепляла и поощряла проблемно-эстетическое многообразие советской литературы и литературы зарубежных стран (3).

Концепция Д.Ф. Маркова (1970-е гг.) отражала более естественные и свободные, чем практиковалось в советском искусстве, взаимоотношения между теорией и практикой. Она отреагировала на ситуацию стихийного освобождения себя советской литературой от соцреализма (военная, лагерная, деревенская проза, произведения Г. Бакланова, А. Кондратьева, В. Быкова, А. Солженицына, Ю. Трифонова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева и др.), показав необходимость не подгонять творчество под его принципы («правдивое отражение действительности в ее революционном развитии» и др.), а перестраивать под влиянием художественной практики его концепцию. Концепция Д.Ф. Маркова – результат и воплощение этого влияния. С ученым солидаризировались наиболее либеральные советские литературоведы (Б.Л. Сучков, Л.И. Тимофеев и др.), его охотно поддержали за рубежом. Невозможность отменить «соцреализм», священный символ прогрессивного искусства XX в. (это станет возможным лишь в постсоциалистический период), приводила к потребности его модифицировать, безбрежно расширять его границы, превращая их в условность.

«Широкая» концепция соцреализма перерастала в трактовке Д.Ф. Маркова в концепцию всей советской литературы. Автору приходилось тратить много энергии, прибегать к разного рода ухищрениям, к схоластике, доказывая фактически недоказуемое и обнаруживая «самый прогрессивный метод эпохи» там, где он давно иссяк. Однако эта концепция, лишенная научного, имела большое практическое значение. Она служила прикрытием и зоной безопасности для свободомыслящих художников из СССР и других

соцстран, позволяла им более искренне и открыто, чем это официально дозволялось, выражать пережитое и наболевшее. Ее создание и защиту можно назвать гражданским подвигом ученого.

В настоящее время марковская концепция соцреализма утратил и практическое значение. Однако она осталась фактом литературы XX века, сыграв позитивную роль в ее развитии.

Ю.П. Гусев

(Институт славяноведения РАН)

Соцреализм: потребность в открытости

Думаю, мы еще не дожили до времен, когда о соц. реализме можно будет говорить с необходимой степенью объективности. Лишь лет через сто может проясниться, зачем велась эта грандиозная по масштабам битва, напоминающая борьбу нанайских мальчиков. Зачем нужно было запихивать в один мешок такую богатую, разнообразную, стремительно обновляющуюся, расцветающую литературу, как литература 20-х гг.? Зачем надо было называть одним из основополагающих произведений соцреализма просто-таки антисоветский роман «Тихий Дон»? Такие или подобные «Зачем?» напрашиваются и в связи с Маяковским, и в связи с Пастернаком, и со многими другими.

Главный ответ на эти «зачем?», правда, касается не только литературы и искусства: он относится к овладевшей умами к концу XIX века абсурдной идее, будто общество можно взять и волевым усилием изменить, причем изменить в корне. Иными словами, построить **утопию**. Естественно и логично, что от искусства и литературы требовалась поддержка этой дикой идеи.

И после революции, пока еще не произошло ее вырождения в тоталитарный режим, ожидание от литературы поддержки настроений созидания, перемен, энтузиазма было вполне правомерным. Правильной, по отношению к этому времени, кажется формулировка, что соц. реализм являлся исторически оправданной «эстетизацией общественной потребности». Ничего не появляется зря. Плохо лишь, что, появившись, идеи, концепции не уходят сами собой, а держатся за жизнь, не давая дороги более соответствующим времени взглядам и подходам. Так было и с соц. реализмом. Утопия на протяжении всего XX века продолжала владеть умами.

Показателен для судьбы соц. реализма эпизод с таким всемирно признанным философом, как Дёрдь Лукач, который в 1965 г. написал статью «Социалистический реализм сегодня». В этой статье Лукач показывал себя приверженцем соцреализма, но объявлял повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» новым ориентиром для дальнейшего развития этого метода.

Лукач мог себе такое позволить: у него был крепкий тыл и в Венгрии, и, особенно, на Западе. Советские литературоведы идти на конфронтацию с официальной линией партии не могли. Пример Синявского показывал, чем это кончается.

Но и просто повторять давно сказанное, толочь воду в ступе становилось все невозможнее. Я бы сказал, что возникло своего рода партизанское движение: многие теоретики ухитрялись что-то менять, пересматривать, создавая, сознательно или подсознательно, отвлекающие дымовые завесы. Поскольку в плане мировоззрения всякие новации были совершенно исключены – слишком строг был надзор со стороны компетентных инстанций, – то основные поиски шли в области средств выражения, форм, способов видения.

Кажется закономерным, что больше всего сделали в деле борьбы с замшелой конструкцией соц. реализма Б.Л. Сучков и Д.Ф. Марков. Во-первых, оба познакомились с марксистским мировоззрением не только теоретически, пережив репрессии. Во-вторых – и в-главных – оба занимались зарубежными литературами, а неприложимость этой теории к зарубежному материалу была особенно очевидной.

Б.Л. Сучков в середине 70-х гг. написал: «Творческий метод нашего искусства есть категория открытия...». Почти одновременно с ним выступил Д.Ф. Марков в статье «Исторически открытая система правдивого изображения жизни» («Вопросы литературы», 1977). «Открытость», понятное дело, не могла касаться идеологии; она понималась лишь относительно средств и способов изображения. Ключевым словом тут стала «правдивость».

Понятие «правдивость» у Маркова ставится во главу угла; это видно хотя бы по следующей формулировке: «Соц. реализм как принципиально новое эстетическое образование, совпадающее с общими свойствами правдивого искусства».

Если «соц. реализм» **совпадает** с «общими свойствами правдивого искусства», то почему он – «принципиально новое эстетическое образование»? Тогда это просто – реализм (если понимать под реализмом правдивое отражение жизни).

Правда, если вдуматься, то – чем такое понимание социалистического реализма отличается от известной теории «реализма без берегов» Р. Гароди?

С.А. Шерлаимова

(Институт славяноведения РАН)

**Современный взгляд на «открытую концепцию»
социалистического реализма**

В развитии литературы, особенно в XX веке, большую роль играло выдвижение новых эстетических программ, борьба вокруг которых зачастую занимала центральное место в культурной жизни отдельных стран, охватывала международное пространство. Так было с многочисленными, сменяющими друг друга концепциями литературного авангарда, так было и с концепцией «социалистического реализма», сформулированной на I съезде советских писателей в 1934 г. и получившей статус официальной эстетической доктрины всего советского искусства. Эта доктрина требовала «изображения жизни в свете идеалов социализма» и на её воплощение в литературе партийное руководство страны возлагало надежды в плане воспитания «нового человека», «социалистически мыслящего», а по сути дела – готового самоотверженно выполнить любое последнее постановление ЦК коммунистической партии. Из личных воспоминаний могу рассказать о проводившейся в 1951 г. на всех факультетах МГУ отмененной нудной читательской конференции на тему «Зримые черты коммунизма в произведениях советской литературы» (предполагалось, что, если в произведениях какого-нибудь писателя будут описаны правильные поступки людей, то жизнь сразу же станет «социалистической»); или – позднее – о выступлении в нашем институте одного ленинградского профессора, который доказывал, что сейчас все писатели должны писать об успехах «бригадного подряда», к внедрению которого призвал ЦК КПСС. Однако реальная советская литература и в 20–30-е, и в послевоенные гг., а тем более с наступлением «оттепели», постоянно выходила за рамки доктрины и только в этом случае возникали действительно художественные ценные произведения. «Оттепель» затронула и советское литературоведение, усиленно занимавшееся проблемами «социалистического реализма». Расширение содержательной и формальной стороны лучших произведений новой советской литературы, более широкое знакомство с литературой зарубежной, в том числе с литературами стран Центральной и Юго-Восточной Европы, подвигло Д.Ф. Маркова, Б.Л. Сучкова и некоторых других к стремлению «модернизировать» официальную концепцию, придать ей большую «открытость», хотя со стороны других авторов (С.М. Петров, А.И. Метченко, А.И. Овчаренко) они были объявлены сторонниками Роже Гароди с его концепцией «Реализма без берегов». К концу века теория «социалистического реализма» практически была предана забвению.

В докладе речь идет о важных для своего времени, но теоретически далеко не проработанных и противоречивых постулатах «открытой концепции» «социалистического реализма», об интересных поисках чешской марксистской

критики 30-х гг., о гипертрофии принципа «открытости» в постмодернизме. На сегодняшний день в мировой литературоведческой науке выдвигается множество разных эстетических концепций, по большей части быстро утрачивающих убедительность. Современной литературе еще только предстоит снова выбирать действительно плодотворные пути, чтобы попытаться вернуть былое влияние на общество, а литературоведение в большом долгу перед наукой в плане изучения сложных связей между теорией и практикой искусства и современным миром.

Л.Ф. Широкова

(Институт славяноведения РАН)

**Концепция «открытой системы» Д.Ф. Маркова
как ориентир для словацкого литературоведения
1970–1980-х гг.**

Вначале нужно понять, в каком общественно-политическом и литературном контексте происходило восприятие в Словакии: это было начало так называемой политики «нормализации», начатой после крушения «чехо-словацкой весны» в 1968 г.

В партийном документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после 13 съезда КПЧ» (декабрь 1970 г.) нет отдельного упоминания литературы, тем более непосредственно – соцреализма, однако в 5. пункте говорится о руководящей роли партии в этой сфере: «Коммунистическая партия и социалистическое государство должны держать под контролем все инструменты для достижения своих политических, классовых и идейных целей. Средства коммуникации, пресса, радио, телевидение, кино являются чрезвычайно важным инструментом власти...».

На «Уроках...» основывался и отчетный доклад на II съезде Союза словацких писателей (1972). В конце доклада поставлен, обозначенный как очень важный, «вопрос о социалистическом реализме», освещенный со старых «добрых» догматических позиций: положительно оценивается фронтальное наступление соцреализма в конце 40-х., берется под защиту период «схематизма» начала 50-х гг. и критикуется отступничество 60-х. В определении задач сохраняется военная терминология: необходимо «завоевать» или «отвоевать назад» соцреализм как в идейно-теоретической, так и в практической сфере.

Вместе с тем в докладе можно отметить и определенное созвучие концепции Маркова, уступки новому: «Соц. реализм, - это творческий метод правдивого изображения действительности в ее динамическом развитии; основываясь на лучших традициях реализма, обогащает творчество писателя

всем прогрессивным, что приносит человеческая культура. Многообразие стилей и использование современных приемов не противоречат принципу партийности, идейности, народности и понятности художественного произведения».

Монография Д.Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма» (1970) вышла в переводе на словацкий язык в 1972. Для словацких литературоведов она имела большое значение как подспорье в защите стилового многообразия современной литературы.

С. Шматлак в книге «Современность и литература» (1975) пишет о современной проблематике соцреализма в словацкой литературе, связанной с созданием «внутренне богатого, эстетически дифференцированного художественного стиля эпохи». На вопрос, что такое соцреализм сегодня, Шматлак отвечает словами Д.Ф. Маркова, цитируя его статью, переведенную на словацкий язык («О формах художественного обобщения в соц. реализме») и называя его взгляды «концептуально перспективными».

В предисловии к сборнику «О социалистическом реализме» (1976) К. Розенбаум пишет о необходимости обновления и расширения этого понятия, не забывая, разумеется, о его рамках: «Это метод, открытый всему новому в современном искусстве, поскольку имеет прочную познавательную базу в учении марксизма». «Новое, динамичное понимание соцреализма» представлено в статьях словацких и зарубежных авторов, среди которых и Д.Ф. Марков («Эстетическое богатство соцреализма»). В большинстве статей авторы дают ссылки на «открытую концепцию» Маркова, и каждый старается использовать ее применительно к своим исследовательским интересам:

Я. Штевчек (ст. «К поэтике социалистического реализма») рассматривает проблему изображения в произведениях соцреализма художественного пространства (П.Илемницкий), сопоставляя их с произведениями критического реализма. Подчеркивает, что ранее (до Маркова) соцреализм трактовался механически, как некий синтез реализма и идеологии.

В. Петрик («Идейные перемены в лиризованной прозе») вспоминает «вульгаризаторские постулаты» начала 50-х, чтобы подчеркнуть новаторство работ Маркова, основанное не только на более широкой теоретической базе, но и на изучении путей становления литературы соцреализма, на обобщении богатой практики современной литературы. Положительные результаты применения этой концепции - возвращение в словацкую литературу ранее исключаемого из нее массива «лево-авангардистского искусства» (термин Маркова), в первую очередь, Л. Ново-меского и давилов, подвергавшихся критике за формализм и упадничество. Словацкая лиризованная проза также рассматривалась прежде как антипод прозы соцреализма межвоенного периода. Теперь же «в социалистическую

литературу постепенно было интегрировано течение давистов, произошла переоценка всего литературного процесса 20–30-х гг.».

В статье Н. Краусовой («Мимесис и соцреализм») Марков упоминается как оппонент Овчаренко, поставивший целью «проведение четкой и последовательной дифференциации форм внутри социалистического реализма». При этом автор считает эту цель трудновыполнимой вследствие смешения жанров и форм в современной литературе.

Теоретик сравнительного изучения литератур Д. Дюришин представил в своей статье тезисы о специфических признаках социалистической литературы как межлитературной общности, обосновывая необходимость создания «Истории социалистической литературы. Опыт такого рода исследований он видит в книге Д.Ф. Маркова.

В 1980-е гг. в словацком литературоведении продолжали появляться работы, посвященные проблематике соцреализма (В. Марчок «Социалистический реализм сегодня», 1985; Д. Гайко и колл. «Программа и творчество», 1989 и др.).

В наши дни соцреализм как теория и практика литературы периода 1948–1989 гг. рассматривается под критическим углом зрения, хотя заслуги Д.Ф. Маркова признаются. Так, Р. Билик в книге «Дух на цепи» (2008) упоминает Маркова в связи с попытками преодолеть терминологический дуализм (социалистическая литература – социалистический реализм) определяя соцреализм как «открытую систему».

Н.В. Шведова

(Институт славяноведения РАН)

Словацкая поэзия 1960-х гг.

в свете концепции соцреализма Д.Ф. Маркова

Для изучающих послевоенную литературу социалистических стран концепция социалистического реализма, предложенная Дмитрием Федоровичем Марковым, была своеобразным щитом, позволяющим «прикрывать» некоторых писателей от догматической критики. Оказывалось, что литератор, симпатизирующий социалистическим идеям или даже состоящий в коммунистической партии, может в своем творчестве не придерживаться той формулировки социалистического реализма, которую заучивали в школе и которая исходила от I съезда советских писателей. Ясно, что словацкая литература в сенценции 1934 г. не вписывается. Не вписывались в нее и такие мэтры чешской и словацкой литературы 1920–1930-х гг., как Витезслав Незвал и Лацо Новомеский. При этом чешский поэтизм и интернациональный сюрреализм (у словаков –

надреализм) связывались их идеологами с левыми идеями, а порой и непосредственно с идеями революции.

Расхожим термином в Словакии стал «схематизм». Это не просто «эпитет», а практически синоним социалистического реализма, взятый из объективной марксистской критики конца 1950-х гг. и тоже превращенный в догму, особенно с 1990-х гг. В произведениях конца 1940-х – первой половины 1950-х гг. действительно было много схематичных произведений, написанных по идеологическому шаблону. Их авторы необязательно были конъюнктурщиками или бездарностями. В ряды «безупречных соцреалистов» добровольно влились, по сути, все представители словацкого надреализма (Рудольф Фабри, Владимир Райсел и др.), а также немало других талантливых поэтов. Даже применительно к ним «схематизм» – термин условный, в нем тоже ощущается конъюнктурность.

Благодаря концепции социалистического реализма как «открытой системы» и словацкие, и советские литературоведы смогли «прикрыть» официальным «методом» крупнейших послевоенных поэтов Словакии – коммуниста по политической ориентации и авангардиста по поэтике, поэта сложного мировоззрения Мирослава Валека (1927–1991) и «почвенника», сторонника традиционных нравственных ценностей крестьянства, в том числе религии, Милана Руфуса (1928–2009), номинанта на Нобелевскую премию.

Современный взгляд на концепцию «открытой системы» заставляет нас задуматься над возможностью манипуляций терминами под давлением той или иной идеологии. Поэзия при этом остается поэзией, главный критерий для нее – художественная ценность. Валека и Руфуса, несмотря на перекосы в оценках последних двадцати с лишним лет, всё равно являются главными фигурами словацкой поэзии второй половины XX в.

Т. Йованович

(Белградский университет)

Кирилло-мефодиевское понимание «учителя» в сербской средневековой литературе

Своим приходом в Моравию Кирилл и Мефодий принесли славянам письменность и переводы с греческого языка самых необходимых книг. Это касалось, в первую очередь, совершения богослужения на славянском, а не на латинском языке. Чтобы миссия достигла успеха, солунские братья собрали определенное количество избранных и одаренных учеников, которых они обучали высшему филологическому знанию. Такое образование подразумевало хорошую ориентацию, прежде всего, в только что созданном славянском книжном языке. Кроме того, эти ученики, судя по всему, изучали и греческий язык, чтобы в свою очередь быть

подготовленными к переводу на славянский язык других необходимых книг. Переводческий опыт передавался в непосредственном процессе совместной работы, которая протекала в Моравии. Первые плоды усилий по переписыванию книг тоже рождались в этой местности под неусыпным взором опытных учителей. Так Кирилл и Мефодий становились учителями не только для своих учеников, но и приобрели для славян более широкое значение, получив статус первоучителей, распространявших христианскую веру.

Ученики Кирилла и Мефодия в своих произведениях упоминали о своих учителях с нарочитой возвышенностью. Так, Константин Преславский в «Азбучной молитве» называет Константина Философа «блаженным учителем», а Климент Охридский в названии «Похвалы святому Кириллу» использует расширенное определение «блаженный отец и учитель славянский», чтобы вслед за этим употребить определения «преблаженный отец и учитель наш» или «преблаженный отец и учитель языка нашего», и даже более распространенные, вроде «новый апостол и учитель всех земель, воссиявший набожностью и красотой на земле, подобно солнцу, лукавство дьявола прогоняющий и языческий мрак освещающий божественными лучами»; или «милостью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа объявленный пастырем и учителем». Такое очевидное понимание Кирилла и Мефодия как славянских учителей, несомненно, дает возможность видеть в нем дословную параболу с ролью Христа в проповедовании веры. У сербского народа самыми выдающимися учителями были, прежде всего, Святой Савва и вместе с ним Святой Симеон, как неразделимый последователь и хранитель стада Христова. Огромное богатство и разнообразие кирилломефодиевского понимания «учителя» раскрывается в творчестве средневековых сербских писателей. Их произведения свидетельствуют о постоянном уважении к предшественникам, как близким, так и далеким. Особенным почитанием пользовались те, кто принадлежал к широкому кругу святых отцов, но все же в большей степени, к библейским личностям. Из сербских средневековых писателей выделяются значительные фигуры, которые стали великими учителями, в первую очередь благодаря своему творчеству, и образцом для других писателей. В непосредственной работе со своими учениками они передавали им высшие знания и будили в некоторых из них новых творцов, достойных своих учителей. Среди таких учителей выделяются Святой Савва, Доментиан, Теодосий и архиепископ Данило. Как в «Житии святого Кирилла» перечисляется, кто были его учителя (один из них крупнейший византийский ученый своего времени Фотий, ставший и Константинопольским патриархом, а другой архиепископ Солунский и великий математик по имени Лев), так и все четверо сербских духовных деятелей представляли самые знаменитые образцы для своих учеников.

Г.Я. Ильина

(Институт славяноведения РАН)

Хорватская литература в Габсбургской империи

1. Актуальность темы связана с продолжающимися дискуссиями о принадлежности Хорватии и Словении к определенному историко-географическому региону и тем самым отличному, скажем от балканского, типу культуры.

2. В центре внимания ученых неслучайно оказываются межнациональные и межкультурные отношения в австрийской (австро-венгерской) империи, то есть с конца XVIII в. до 1918 г., и положения в ней славянских народов. Отходя от крайних точек зрения в оценке этой проблемы: монархия – «тюрьма народов» или «наилучшая конструкция этнополитического пространства», акцент делается на изучении империи как исторически сложившегося организма, в котором действовала сложная система противоресов. Преследуя свои интересы, господствующая нация, вольно или невольно, осуществляла, кроме функции подавления и унификации, и комплементарную функцию, которая противоречиво переплеталась с главной для угнетенных народов задачей – национального самоутверждения.

3. Хорватская нация и хорватская литература формировались, находясь под властью Габсбургов, в непрекращающейся борьбе против германизации и мадьяризации, но в то же время и в постоянной связи с центрами европейской цивилизации, что во многом определило своеобразие ее культуры. В рассматриваемый период выделены три эпохи, являющиеся кульминационными в развитии хорватской литературы: Национальное возрождение с его основной задачей кодификации национального литературного языка; Хорватская модерна, утвердившая новое понимание эстетической функции художественной литературы и осознание себя активными участниками литературного европейского процесса; годы Первой мировой войны, ставшие важной вехой в политической и художественной истории хорватов.

Т.Е. Аникина

*(Санкт-Петербургский
государственный университет)*

Особенности чешского бидермейера

На протяжении многих лет стиль бидермейер рассматривали как упрощенный, сниженный, даже опошленный вариант ампира, его переработка в угоду филистеру. В истории литературы ему отводится место между классицизмом и реализмом. В последнее время ситуация изменилась

– явление стало вызывать все возрастающий интерес. Думается причины тому – социальные. В связи с распадом семьи, семейные ценности стали вызывать особый интерес, и при том интерес ностальгический, даже умильный, чему в свою очередь соответствует романтически-идиллическая окрашенность бидермейера. Реалистический же интерес к описанию простой небогатой жизни, свойственный бидермейеру и героя, простого, обычного человека, а не яркую романтическую личность, опять-таки соответствует историческому моменту: произведения бидермейера как бы говорят о том, что идиллическая семейная жизнь с благородными отношениями между людьми доступна каждому.

Итак, бидермейер – литературное направление, находящееся в сложных отношениях с романтизмом, носящее явные черты реализма и характеризующееся уходом от действительности в идиллическую семейную жизнь с ее скромной красотой и не приходящими нравственными ценностями, протекающую в уютных интерьерах на фоне лирических пейзажей, героями которой становятся чудачковатые персонажи, простые души.

Чешский бидермейер – явление сложное и неоднозначное. Казалось бы, Чехия во всех отношениях подходит для процветания этого явления. Практически, лишенная дворянства, страна, с мелкобуржуазным, бюргерским населением, с любовью к старине, истории, фольклору, со сказочной природой: замками, перелесками, невысокими горами, небольшими реками, тихими озерами, уютными небольшими городами, – имела все необходимое для того, чтобы в ней утвердился бидермейер. И действительно, ряд исследователей считает, что эта тихая часть Австрийской империи была и остается – насквозь пропитана бидермейером. Принципиально простой герой чешской литературы, ведущий простую и тихую жизнь обывателя – типичный герой бидермейера. Население страны, казалось бы, как раз и составляли те самые филистеры, которые опустили амфир до бидермейера. Но на самом деле дело обстояло гораздо сложнее, поскольку чешское население, хотя и было мелкобуржуазным, но далеко не филистерским. Амфирные государственные идеи были близки чехам, поскольку начало XIX века совпало с эпохой Национального Возрождения. За кажущейся тишиной и скромным бытом скрывались пылкие идеи патриотов возрождения былого величия страны. Интеллектуальная жизнь в ту пору была исключительно насыщенной. Государственная идея была присуща чешскому бидермейеру.

Основные понятия бидермейера: тишина, уют и семья. Славянская тишина, если следовать этимологии слова, – это правдивая, справедливая, радостная, деятельная тишина, воспитывающая, способствующая возмужанию. Уютом была родной пейзаж и сельский и городской, т. е. родная незатейливая, но идиллическая природа: или родная небольшая идиллическая деревня или родной маленький идиллический городок. Семья

для чеха – не просто семья, а национальная семья, призванная сохранить и возродить национальные традиции и язык, семья чешская, из которой впоследствии вырастит национальная элита.

Но стиль бидермейера нес в себе и особое отношение к слову. «Одной из основных черт стиля бидермайера является – описание вещи с целью показать великое в малом, величие простоты» (М. Хайдеггер).

Стремление тем или иным способом говорить о великом, будь то философское или государственное начало, оставляя чешскую литературу в контексте проблем бидермейера одновременно выводит ее из этого контекста, сближая с высокими идеями романтизма. Хочется вспомнить в связи с этим доклад на IV Съезде славистов (1958) «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах», где особенности славянского романтизма, его коллективное начало связывались с борьбой славян за независимость. Думается, схожий характер имеет и славянский, во всяком случае, чешский бидермейер. В нем проявляется государственное начало, что также связано с борьбой чехов за независимость.

¹ *Хайдеггер М.* Рассказ о лесе во льду Адальберта Штифтера URL:
www.heidegger.ru/download_file.php?type=2&id=99

² Исследования по славянскому литературоведению и фольклору: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960.

Е.В. Байдалова

(Институт славяноведения РАН)

Роль сюжетных мотивов

в структуре романов В.К. Винниченко 1910-х гг.

Владимир Кириллович Винниченко был одной из наиболее ярких фигур в литературной жизни Украины начала 20-го века и, пожалуй, самым популярным украинским писателем того времени, однако к началу 90-х годов 20-го века, времени обретения Украиной независимости, имя этого писателя оставалось известным лишь узкому кругу специалистов, поскольку Винниченко являлся еще и политиком, не пожелавшим в 20-ые годы 20-го столетия сотрудничать с советской властью и проведшим последние тридцать лет своей жизни в эмиграции.

Новаторские, во многом провокационные романы Винниченко 1910-х годов отличаются экспериментальностью, глубокий психологизм, основанный, как правило, на парадоксах и противоречиях, поиски нового героя и новых относительно предыдущей традиции украинской литературы художественных средств.

Пolemическая направленность дилогии «На свою сторону» (1913) и «Божки» (1914), а также романа «Хочу!» (1915), последовательное их написание позволяет выделить эти произведения в отдельную группу. Общность этих романов прослеживается не только на проблемно-тематическом уровне, но и на уровне их поэтики, одним из аспектов которой является наличие одинаковых сюжетных мотивов, которые, однако, по-разному реализуются.

Таковыми мотивами являются мотивы возвращения на родину, возвращения блудного сына, отъезда из дома, соблазнения роковой женщиной или мужчиной, заключения брака, интимной связи с женщиной отталкивающей внешности, самоубийства, зачатия ребенка, получения крупной суммы денег.

Эти мотивы в структуре дилогии выстроены по принципу зеркальности: каждый из них как минимум двоятся, а чаще повторяется несколько раз, тем самым усложняя структуру произведения и углубляя его метафизический смысл. Так, например, мотив заключения брака повторяется десять раз, причем пять раз реализуется, а пять раз остается нереализованным.

В романе «Хочу!» те же мотивы, когда они связаны с главным героем, оказываются анти-мотивами: Халепа возвращается на родину, которую не знает и не помнит, к не своей семье, не своему отцу, не в свой дом, он не совершает самоубийства, не может устоять перед соблазнением роковой женщины, деньги остаются не полученными. Таким образом, главные герои дилогии и романа «Хочу!» оказываются противопоставлены. Ницшеанский индивидуализм главного героя дилогии – Вадима Стельмашенко, успешно противостоящего коллективу своих политических соратников в ссылке, терпит крах, когда ему приходится взаимодействовать с иной общностью – своим родом, своей семьей, к судьбе каждого члена которой он не может остаться равнодушным и непричастным. Главный же герой романа «Хочу!» – Андрей Халепа – вполне иронично изображен как типичный неофит без родовых корней, чьи идеи преобразования себя в настоящего украинца, а окружающей социальной действительности в справедливое устройство общества посредством организации предприятий «свободного труда» обречены на неудачу.

Принцип отражения, зеркальности в романе «Хочу!» автором практически не используется, структура романа линейна, максимально упрощена. Именно такая структура произведения и наличие анти-мотивов являются одними из принципиальных художественных приемов создания иронического дискурса романа относительно утопических идей быстрого искусственного возрождения национального самосознания личности и социального преобразования мира, не укорененных, в отличие от того, как это происходит в дилогии, в родовом начале.

А.В. Амелина
(Институт славяноведения РАН)

**Элементы антиутопии
в «Диких рассказах» И. Гауссмана**

Двадцатые годы в чешской литературе отмечены «волной утопичности»¹. В это время издается большое количество произведений, которые называют антиутопиями: «Кракатит» (1922) и «Фабрика абсолюта» (1922) Карела Чапека, «Хозяин мира» Эмила Вахека (1925), «Дом в тысячу этажей» (1929) Яна Вайсса, «Торговец симпатиями» (1929) Владимира Раффела и др.

На этой же волне выходит и роман Иржи Гауссмана (1898–1923) «Фабричное производство добродетели» (1922), в том же году что и «Фабрика абсолюта» Чапека. В основу обоих романов-антиутопий положено некое изобретение, позволяющее превращать людей в добродетельных альтруистов, а далее описывается катастрофические последствия этого изобретения для человечества. Удивительно, насколько совпали авторы в своих идеях и сколько сходства в деталях этих произведений. И неудивительно, что Гауссман, молодой сатирик, известный на тот момент прежде всего своей поэзией, был современными ему критиками обвинен в плагиате. Позднее, тем не менее, он все-таки был оправдан, по двум причинам.

С одной стороны, Гауссман был прежде всего сатириком, и главным его инструментом была пародия, в своем романе он фактически где-то пародировал Чапека, где-то полемизировал с ним. В качестве примера характерной пародии Гауссмана можно привести рассказ «Автомобиль» (сб. «Дикие рассказы», 1922), где автор просто издевается над излюбленным сюжетом антиутопий, в которых некое техническое изобретение приводит к катастрофе человечества.

Однако главным аргументом в защиту Гауссмана можно назвать то, что утопическая идея «искусственной добродетели» возникла у Гауссмана еще в рассказах, до написания романа. Его «Дикие рассказы» вышли отдельной книгой в 1922 г., но в журналах они появляются еще в 1921 г. Рассказы, в которых наметилась идея романа, вышли «Человечество под угрозой» – 21 сентября, «Минусовая валюта» – 10 ноября, «Метафизическое производство» – уже 7 января 1922, т.е. практически одновременно с публикацией по частям «Фабрики абсолюта» Чапека в журналах (с 1 сентября 1921 по 10 апреля 1922)².

В романе жанровая интенция автора очевидна, описываемое им государство называется Утопия. В рассказах – менее очевидна. Например, в рассказе «Метафизическое производство» в условиях пресыщения материальными ценностями некий предприниматель открывает огромный в

три небоскреба комплекс по предоставлению населению услуг Добродетели (клиентам предлагалось ухаживать за сифилитиками на последней стадии, жертвовать нищим – конечно, все пожертвования потом клиенту возвращались – и т. д.). Действие разворачивается в юго-западном районе Нью-Йорка «когда-то в эру после мировой войны». Этим районом Нью-Йорка может быть только деловой район – остров Манхеттен, что вызывает ассоциацию с островом Утопией. Да и определение «когда-то в эру после мировой войны» непосредственно, конечно, отсылает к современности автора, но одновременно с этим обобщает и выводит за пределы конкретного времени. Далее события развиваются следующим образом: насытившись Добродетелью, люди перестали пользоваться услугами компании. Тогда фирму выкупил другой предприниматель и в добавок к Добродетели начал предоставлять услуги Зла (например, клиент мог выругаться на беззащитных сироток, которые все стерпят), вернув тем самым фирму к жизни. Очевидно, для Гауссмана сам Нью-Йорк является воплощением зла. На вопрос о законности так называемых услуг зла герой Гауссмана задает риторический вопрос: «Кто в действительности устанавливает законы, парламент или капитал?»³, а ранее предприниматель говорит: «В развитии моральных взглядов каждого человека мы наблюдаем вечную непрерывную борьбу эгоизма с альтруизмом, борьбу так называемого добра и так называемого зла, согласно современной терминологии. Я же между ними принципиальной разницы не вижу»⁴.

Ни в одном антиутопическом произведении Гауссмана нет героя-проводника по антиидеальному миру, нет развернутого конфликта личности и антиидеального общества, традиционного для романа-антиутопии XX века. Даже в романе «Фабричное производство добродетели». Его произведения – это хроники, рассказанные сатириком. В рассказах социальная система характеризуется разрозненными примерами из жизни общества, оформленными преимущественно саркастически, и на 4–5 страницах рассказа автору удается описать целый период истории человечества.

¹ *Piša A.M.* Vlnautopičnosti // *Piša A.M.* Směryacíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha, 1927. S. 142–153.

² См. библиографию по И. Гауссману в работе: *Pešta P.* Satirik převratu Jiří Haussmann. Brno, 1999.

³ *Haussmann J.* Velkovýroba ctnosti. Divoké povídky. Praha, 1948. S. 204.

⁴ *Ibid.* S. 203.

И.Е. Иванова

*(Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова)*

**Концепт «тишина»
в романе И. Андрича «Мост на Дрине»**

Для романа И. Андрича «Мост на Дрине» большое значение имеет понятие тишины, чрезвычайно важное для постижения ментальности жителей Боснии. Прежде всего слово «тишина» выступает в словосочетании «сладкая тишина турецких времен», выражающем представление о блаженной жизни турецкой Боснии.

Одна из основных составляющих данного концепта – идея вечности, которая находится в оппозиции с европейской идеей бренности. Это, например, вечность построенных по приказу великого визирия моста на Дрине и каравансарая. Некоторые личности достигают вечности благодаря своим свершениям: визирь, построивший вечный мост, Фата Османогича, оставшись в памяти народа как «немеркнущий свет мудрости и красоты».

Понятие вечность, принадлежащее религии, мифологии, космосу, оказывается живущим в сознании каждого представителя этого общества. Оно вносит эпическое начало в коллективное сознание народа. Концепт «сладкая тишина турецких времен» включает идею безграничной божьей мудрости. Божья мудрость позволяет каждой личности с достоинством принять свою судьбу, не суетиться и не впадать в отчаянье. Все то, что люди хотят иметь: деньги, здоровье, счастье, – уже отмерено Богом. Богатство, пути его приобретения, продолжительность жизни не подвластны человеку. Поэтому жизненные невзгоды здесь принимают со смирением. Важным элементом концепта «сладкая тишина...» является покой. В романе часто встречаются в качестве положительных характеристики со словами «покой», «спокойный», «затишье». Понятие «покой» тесно связано с особым состоянием внутренней сосредоточенности, называемым «чеиф». Еще одна из составляющая концепта «сладкая тишина турецких времен» – закрытость, реализующаяся во множестве вариантов. Эта особенность отражается в архитектуре, когда в домах со стороны улицы нет окон, когда жизнь семьи скрыта от внешнего мира несколькими преградами: высоким сплошным забором, стенами дома, решетками частого плетения на окнах, существованием женской половины, запретной для посетителей-мужчин, где и проходила жизнь семьи. Это закрытость общества от пришельцев, прежде всего иностранцев, чему посвящен другой роман И. Андрича, «Травницкая хроника».

Такой образ жизни, который и есть «сладкая тишина турецких времен», становится особенно притягательным в новое время, в период австрийской оккупации Боснии. И прежде всего в глазах той части мусульманского общества, которая не желает жить в условиях «плохой действительности» и

убегает из нее в невыразимо прекрасное прошлое. Происходит актуализация понятия в условиях его постепенного исчезновения из существующей реальности. Явление ухода от плохой действительности описано А. Тойнби как «архаизм» и «отшельничество»¹. «Уходя от неприятного настоящего, люди с большей охотой обращаются к знакомому Прошлому, чем к незнакомому Будущему»². Степень переживания потери тем выше, чем выше представление о непоколебимости Османской империи, о вечности и нерушимости этого государства в глазах его жителей.

А. Тойнби описывает существующую убежденность людей в вечности универсальных государств, которая способна пережить и сами эти государства на столетия и тысячелетия. Одну из причин этого феномена он видел в личном обаянии основателей универсальных государств и их последователей, представление о котором передавалась из поколения в поколение и со временем становилось легендой. Босния имела своих героев, свои легендарные личности, и это было свидетельством непоколебимости того, что являлось составной частью Османской империи. Так, в романе мы встречаем образы богатырей Али Джерзелеза и защитника моста на Дрине шейха Турхании.

Другими причинами возникновения представления о вечности и бессмертности универсальных государств автор «Постижения истории» считал впечатляющую грандиозность самого этого института, его тоталитарный, всеобъемлющий характер. В политическом отношении универсальное государство – это наивысшее выражение чувства единства общества. Вышеградцы, жители удаленной провинции Османской империи, ощущают себя полноправными членами исламского государства.

«Архаизм» в оккупированной Боснии заключается прежде всего в том, что местные жители, как мусульмане, так и православные, продолжают жить в соответствии со своими обычаями, лишь постепенно приобретая некоторые новые привычки. Особенно для стариков прежние представления и прежние ценности сохраняли свое значение. Они не пользовались метрической системой исчисления, вели счет на оки и аршины, деньги пересчитывали на гроши, пары и акчи.

Отдельные личности, не желающие принимать ничего из новой действительности, совершенно погружаются в прошлое и входят в противоречие не только с чуждой для них средой, но и со своими земляками и родственниками. В романе И. Андрича пример такого ухода от действительности представлен в образах Шемсибег Бранковича из Црнчи и Али-ходжи Мутевелича. Они оба прячутся от людей, первый не покидает своей усадьбы, второй каждый день закрывается в своей лавочке в крохотной коморке, которую называет могилой, и здесь чувствует себя лучше, чем где бы то ни было. Здесь, за несколько минут до того, как был взорван мост, символ города, мира, вечности, в момент наступившего перед

взрывом абсолютного затишья, Али-ходжа находит утраченную им «сладкую тишину турецких времен».

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 349.

² Там же. С. 354.

П.Е. Зеновская

*(Санкт-Петербургский
государственный университет)*

Мифопоэтическая и религиозная модели мира в цикле рассказов И. Андрича о монахах-францисканцах

Доклад посвящен анализу структуры времени-пространства в рассказах крупнейшего представителя сербской литературы XX века Иво Андрича. В качестве материала исследования были выбраны четыре рассказа, образующие подцикл, объединенный фигурой католического монаха фра Марко: «Исповедь», «У котла», «В мусафирхане» и «В темнице».

В рамках творческого наследия Андрича тексты о монахах-францисканцах образуют сложную тематическую целостность, охватывающую более десяти произведений, внутри которой можно выделить несколько подциклов, объединенных образом главного героя.

Помимо естественной ограниченности пространственных и временных границ, вызванной выбором образа главного героя, в произведении имеет место и нарочитая замкнутость хронотопа, используемая как авторский прием.

Подбором лексических средств автор подчеркивает отделенность пространства, функционирующего в произведении, от пространства реального. Подобные замкнутые пространственные композиционные решения объединяют героев единством места, создавая идеальные условия для беседы [Кириллова]. Несмотря на большое количество временных маркеров, среди них нельзя найти конкретных указаний на связь с общим ходом исторического времени, они служат лишь для соотнесения событий в границах отдельного текста.

Замкнутый хронотоп, если рассматривать его с этой точки зрения, представляет собой микро-вселенную, модель мира, и сближает авторскую модель реальности внутри произведения с системой пространства-времени, характерной для мифопоэтического сознания.

Ретроспективное построение хронотопа помогает автору создать круговую композицию рассказа. Круговая композиция позволяет усилить эффект замкнутости, ограниченности и, в то же время, цикличности реальности художественного произведения.

В пользу соотнесения с мифопоэтической традицией говорит и тот факт, что малая проза Андрича традиционно сопоставляется с устным творчеством, жанрами легенды и мифа.

Восприятие реальности в категориях времени и пространства, модель мира, носителем которой является фра Марко, имеет черты скорее архаичные, дорегиозные. Мы не видим ни восприятия времени как вектора, характерного для религиозного сознания, ни пространственной вертикали, естественной для верующего человека.

Герой Марко увязывает в сознании архаичную модель мира с религиозным знанием. Итогом становится специфический «балканский круг»[Цивьян].

Литература

Кириллова: *Кириллова О.Л.* Специфика преобразования действительности в художественном мире Иво Андрича. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1989.

Цивьян 1990: *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Я. Билек

(Институт Масарика АН ЧР, Прага)

Политические процессы в Чехословакии после 1948 г. и их отражение на судьбах писателей (Я. Глазаровой и др.)

В 1948 г. в Чехословакии коммунисты добились властной монополии. Ранний коммунистический тоталитарный режим всесторонне изменил общество. В первой половине 50-х гг. XX в. он прошел через классическую революционную фазу установления и укрепления власти посредством поиска внутреннего врага и поиска вредителя в собственных партийных рядах.

Выстроенные репрессивные политические процессы не были спецификой коммунистической Чехословакии, они использовались по советской модели и в ряде стран его блока. Первый процесс, с побежденными классами и группами, в рамках обостряющейся классовой борьбы был организован и инсценирован в 1950 г. по делу бывшего социального деятеля и политика Милады Гораковой (1901–1950). Второй, 1952 г., в котором были осуждены многие, кто участвовал в первом процессе, был по делу бывшего генерального секретаря коммунистической партии Рудольфа Сланского (1901–1952)

Область культуры, в том числе литературы, также претерпела всеобщие перемены, ликвидацию старых порядков и установление новой системы при утверждении доктрины социалистической культуры и искусства, социалистического реализма. Некоторые авторы чешской словесности эмигрировали, другие были вытеснены за пределы официальной общественной сферы. Некоторые подвергались давлению, другие были затравлены, иные кончили в тюрьме после инсценированных судебных процессов.

В показательный процесс с Гораковой был вовлечен и впоследствии убит левый публицист, историк, несогласный с советскими сталинскими процессами, Завиш Каландара (1902–1950). Грандиозный процесс с политиками бывших влиятельных партий и рядом «идейных лидеров», а кроме того писателей католической и руралистической ориентации был подготовлен в 1952 г., также были заключены в тюрьму левый поэт, позднее католически ориентированный историк, вузовский преподаватель Зденек Калиста (1900–1982), беллетрист и историк Йозеф Кнап (1900–1973), поэт и прозаик, учитель Франтишек Кршелина (1903–1976), прозаик и редактор Вацлав Прокупек (1902–1974), поэт и драматург Вацлав Ренч (1911–1973), поэт и редактор Ян Заградничек (1905–1960).

Процессы сопровождала аккуратно организованная медийная пропагандистская, демагогическая и манипуляционная кампания, в ней были задействованы и поддерживающие систему или признающие ее писатели, которые своим участием демонстрировали режиму лояльность. Среди них журналист, прозаик и драматург, шеф-редактор и председатель организации писателей Ян Дрда (1915–1970), писательница и дипломат с опытом работы с СССР Ярилла Глазарова (1901–1977), журналист и прозаик Карел Конрад (1899–1971), писатель и дипломат Франтишек Кубка (1894–1969), прозаик и журналист Иржи Марек (1914–1994), поэт, в 30-х гг полемизировавший со сталинскими процессами, Ян Нога (1908–1966), прозаик Иван Ольбрахт (1882–1952), поэт, публицист и издатель изначально аграрных позиций Ян Пиларж (1917–1996), поэт Йозеф Рыбак (1904–1992), поэт и издатель Иван Скала (1922–1997), литературовед, вузовский преподаватель, ректор Карлового университета Ян Мукаржовский (1891–1975) и лингвист, вузовский преподаватель, декан философского факультета Богуслав Гавранек (1893–1978).

Для выживших жертв, соучастников и их семей последствия были разными. В 1956 г. этого вопроса коснулся на втором съезде писателей поэт Ярослав Сейферт (1901–1986), который кроме того возглавлял реабилитационную комиссию союза. Общественная дискуссия оживилась во время либерализации 1968 г., тогда и впоследствии только после 1989 г. была возможность для общественной оценки, равно как и для общественного оправдания.

Суды над организаторами процессов вынесли один символический легитимный многократный приговор прокурору Людмилы Брожовой (1921) в 2008 г., от исполнения наказания она была досрочно освобождена. Некоторые из репрессированных получили государственные награды.

И.А. Герчикова

(Институт славяноведения РАН)

**К истории Союза чехословацких писателей.
Литературная ситуация в Чехословакии
после «бархатной революции» 1989 г.**

До 1949 г. существовал Синдикат чешских писателей и композиторов, действовавший с 1918 г. Образование СЧСП по образцу и подобию Союза советских писателей, генеральной целью было «создание произведений высокого художественного значения, насыщенных героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающих великую мудрость и героизм коммунистической партии». 1 Съезд 4–6 марта 1949 г. Принятие писательского Устава, определяющего социалистический реализм как основной метод литературы и литературной критики, следование которому – обязательное условие членства СП.

Деятельность первого Председателя Союза Яна Дрды.

Травля писателей некоммунистов.

2 съезд (22.–29.4.1956), где осторожно зазвучали требования смягчения цензуры, штоловской концепции идеологической литературы. Смелое выступление Я. Сайферта, будущего нобелевского лауреата в защиту осужденных писателей.

Во время 3 съезда в 1963 г. – еще более резкие требования освобождения от идеологического давления на литературу и культуру.

Знаменитый 4 съезд (27–29 июня 1967 г.) с докладом М. Кундеры, зачитыванием письма А. Солженицына, призывами к свободе Л. Вацулика. «Пражская весна» в писательской среде. Последовавшие за съездом репрессии.

5 съезд 1969 г. периода начальной «нормализации», где осуждается оккупация, новая политика и происходит организационное оформление двух писательских Союзов. Ситуация в Словакии.

Новый Союз 1972 г. как инструмент для подавления свободного творчества и замалчивания произведений выдающихся чешских писателей.

Драматические дни ноября-декабря 1989 г. Чрезвычайный съезд чешских писателей 5.12.1989. Подведение итогов пагубной деятельности СЧСП. Постановление чрезвычайного съезда. Дискуссии о прошлом и будущем.

Образование новых писательских союзов.

Современная оценка деятельности СЧСП. Роль Я. Козака, И. Скалы. Я. Пиларжа и других функционеров СЧСП. Различия чешского и словацкого Союзов.

Литературная ситуация начала 90-х. Издание запрещенных ранее авторов: М. Кундеры, Й. Шкорецкого, А. Лустига, К. Пецки. Литературные премии и конкурсы начала 1990-х гг.

И.Е. Адельгейм

(Институт славяноведения РАН)

Пространства-палимпсесты

в молодой польской прозе после 1989 г.

1. Доклад посвящен двум пространствам-палимпсестам, острый интерес к многослойности которых возник в 1990–2000 гг. у младших поколений писателей. Оба эти пространства так или иначе связаны с военным опытом, поэтому перспектива молодых авторов, родившихся после войны, – это перспектива постпамяти: специфической формы памяти, отделенной от травматического события поколенческой дистанцией, когда человек связан с объектом не реальными воспоминаниями, а работой воображения. Наиболее характерной формой текста в этом случае оказывается эмпатическое повествование.

2. 1990-е годы в польской прозе – период активного художественного осмысления исторической драмы переселения народов с Восточных Кресов на «Обретенные земли» – северо-запад послевоенной Польши. Это сделали дети и внуки переселенцев, ощутившие себя здесь одновременно хозяевами и чужаками. Для укоренения в бывшем немецком пространстве авторам, хотя они и родились уже на этой земле, бытовой адаптации оказалось недостаточно: возникла потребность в художественной рефлексии над судьбами довоенных жителей этих территорий, что и было сделано в 1990-е годы.

Как раз для сложной национально-исторической мозаики западных Кресов польская проза 1990-х гг. и находит этот образ – «палимпсест на листе времени»¹. Это и буквальные, физические наслоения – герои С. Хвина, П. Хюлле, А.Д. Лисковацкого и др. обнаруживают немецкие следы повсюду – под обоями, в подвале, на оборотной стороне кафельной плитки, в укромных уголках мебели, они проступают под свежей краской и т. д. Это и причудливый «палимпсест домовладельцев» – довоенных, военных, послевоенных. Это и палимпсест названий – переименовываемых улиц (роман Е. Лимона посвящен истории одной улицы; Хвин помещает в конце романа «Ханеман» словарь; во множестве других текстов повествователи словно бы перебирают эти топонимические слои, снимая их один за другим). Гданьск и его окрестности – это и «живой» палимпсест

(прячущиеся в убежищах под гданьской медицинской академией немцы), и «палимпсест тел» (тела убитых солдат), и т. д.

Герои Хюлле, Хвина, Лисковацкого и др. погружены в «археологические» изыскания. В немых свидетелях прошлого, слоях палимпсеста они прочитывают напряжение между прошлым и настоящим, своим и чужим, данным и отсутствующим. Этот опыт своеобразного психоанализа пространства, повествование о предшествующих слоях, реконструкция судеб прежних жителей служат преодолению разграниченностиполиэтничного, пограничного пространства, мерой же человечности оказывается вовсе не степень укорененности, но осознание собственной преходящести, искоренение в себе ревности к тем, кто был здесь раньше и – тем самым – тем, кто придет «после нас». Как показывает эта проза, путь к пониманию настоящего пролегает через осознание сегодняшнего дня как пространства многослойного, *интертекстуального*(наши предшественники – это «мы сами до нас»²).

3. В 2000-е годы в центре внимания художественной и документальной прозы оказывается еще одно пространство-палимпсест – Варшава.

В молодой прозе 2000-х гг. настойчиво повторяются образы города-кладбища, города, выстроенного из трупов, стоящего на трупах и пр. (С. Хутник, Д. Масловская, И. Остахович и др.), с характерным топосом подвала-подсознания, обладающего памятью (Хутник) или грозящего возмездием (Остахович).

Это также тема, которой предстояло рано или поздно быть поднятой, подобно теме «Обретенных земель» в 1990-е годы. Но тема значительно более болезненная, поскольку затрагивает «манию собственной невиновности» поляков – одну из основ современного национального дискурса. Процесс этот был начат в 2001 г. книгой Т. Гросса «Соседи», продолжен и в прозе, и в драматургии («Наш класс» Т. Слободзянека, «Реинкарнация» П. Ровицкого и пр.), публицистике, документалистике – в частности, текстах на грани документальной прозы, эссеистики, репортажа, научного исследования.

Книга Э. Яницкой «Festung Warschau» анализирует процесс стирания с пространства города памяти о восстании в варшавском гетто при помощи фанатичного запечатлевания памяти о Варшавском вос-стании. «Станция Муранов» Б. Хомонтовской посвящена уникальному варшавскому району-кладбищу, выстроенному на руинах и из руин гетто, где при этом практически ничто не напоминает о прошлых жителях, улицы переименованы или перенесены в другие места.

Если проза 1990-х гг. о гданьском палимпсесте касалась скорее присутствия следов, то проза 2000-х гг. о палимпсесте варшавском – повествование об отсутствии. Это также своего рода психоанализ пространства, тщательное прочтение его слоев – числе утрачиваемых,

наносимых заново, вытесняемых друг другом, сосуществовании слоев официальных и неофициальных, маркированных и стертых, декларируемых и замалчиваемых.

4. Контекстом для описанных явлений оказывается звучащее в текстах молодых авторов желание освободиться от многослойной мартирологической традиции, сбросить многослойное «бремя трупов»³. «Я зол на самого себя, – говорит герой И. Остаховича, – почему я не родился в другом месте /.../ которое от глубоких подземных вод до песка, глины, бетона и кирпича, корней, деревьев, котлов, окон, крыш, воздуха, птиц, облаков и людей с их имуществом не мучат угрызения совести и болезненный опыт. /.../ Здесь каждый атом обгажен кровью. /.../ Если мир полон руды зла, то здесь, у нас она была выплавлена в печи. Производство чистейшего зла в печах, которые люди топят людьми. Зло – это радиоактивный элемент, здесь все заражено /.../»⁴. «Мне не нужно это наследство, – признается героиня М. Тулли, – но в чьи добрые руки отдать темный дым над печью крематория?»⁵.

¹ *Turezyński A.* Spalone ogrody rozkoszy. W., 1998. S. 129.

² *Liskowacki A.D.* Cukiernica pani Kirsh. Szczecin, 1998. S. 152.

³ *Chutnik S.* Dzidzia. W., 2010. S. 146.

⁴ *Ostachowicz I.* Noc żywych żydów. W., 2012. S. 205.

⁵ *Tulli M.* Włoskie szpilki. W., 2011. S. 75.

В. Мойсова-Чепишевская

(Университет

им. Свв. Кирилла и Мефодия, Скопье)

«Утроба букв» в романе «Азбука для непослушных»

Венко Андоновского

Согласно теории интертекстуальности, память является формой проекции культуры в литературе. Культура не что иное, как второе лицо истории. История представляет собой прошлое, а память есть вечная современность или современное прошлое. Память питается живыми и активными воспоминаниями, которые нас вдохновляют на поступки. Любое воспоминание помогает определить место современности между прошлым и будущим. С другой стороны, только смерть является двигателем памяти. Память и воспоминание представляют собой вид борьбы против неизбежного – смерти. Алеида Ассманн (*Aleida Assmann*) утверждает, что антропологическое ядро культурной памяти заключается в памяти о мертвых. Так и данный текст написан во имя памяти о Моравской миссии и

во имя сохранения от забвения всего того, что эта миссия принесла нам/мне как части большого славянского племени. В своих работах немецкая исследовательница Ренате Лахманн (Renate Lachmann) обнаруживает тесную связь памяти с фантастикой. Особенно впечатляет факт, что память и воспоминание она тесно связывает с **письменным словом**, обращая внимание на пророческие и загадочные высказывания Леонардо да Винчи, содержащиеся в его тексте «Предсказания» («Profezie»). При этом имеются в виду высказывания, записанные на/или о папирусах, коже животных, бумаге, пером или в книгах, с помощью которых живет память. В сущности, пути памяти и литература пересекаются только на **письме**. Наряду с переплетением памяти и литературы, особое значение для науки о литературе имеет способ пересечения памяти и **фантазии писателя**. Если иметь в виду тот факт, что поэт/романист создает свое художественное произведение, неизбежно опираясь на некий предшествующий опыт, тогда мы с уверенностью можем констатировать, что элементарное имажинативное воспоминание, реализованное с помощью мнемотехники, изначально заложено в основу всех актов творчества.

Убедительным подтверждением этого переплетения игры воспоминания и фантазии писателя является роман «Азбука для непослушных» (1994) Венко Андоновского. Путем переплетения истории и фикции идут поиски «непослушных», которые якобы отказались от букв Святых братьев Кирилла и Мефодия, от азбуки, созданной в далеком 863 году. Это те, кто, участвуя в упрощении глаголицы, отдаляются и от духовности, красоты, и, прежде всего, от самих себя. Основную часть истории о послушных и непослушных рассказывает, т. е. записывает, немой служка из монастыря Полихронос на Олимпе в Малой Азии. Там под руководством отца Ефтимия, каллиграфа, и старого и мудрого отца Варлаама, двадцать избранных учеников или двадцать послушников, тщательно выписывают, подготавливают нужные книги для предстоящей Моравской миссии.

Андоновский пытается предпринять некое «**воскрешение умерших букв**», которые своими названиями и оригинальной орфографией свидетельствуют об образном восприятии действительности. Андоновский разгадывает старые слова, пытается искать новые-старые истории. Писатель дешифрует или реконструирует, при этом одновременно вспоминает (интуитивно) об одной почти забытой версии первой славянской азбуки – глаголицы. В своем романе он ведет скрытую философскую полемику, в которой вопросы адресует непосредственно читателю, при этом его проверяя, спрашивая, что тот знает о себе, собственной истории, о Библии, мифологии, фольклоре, фактах...

Роман «Азбука для непослушных» читается как естественное продолжение известного полемического текста Черноризца Храбра «О

письменах” (или “О буквах” в переводе на современный македонский язык). Основная идея заключается в том, что обученные письменам читают, а необученные гадают, точнее, грамотные знают, а неграмотные предполагают. Чтение, т. е. обучение грамоте, – что изначально означает обогащение словом, логосом, умом – наполняет истинным богатством всякого человека. Как сказано в Евангелии, ни моль, ни ржавчина его не съедят, ни вор его не унесет, это единственное богатство, которое мы возьмем с собой на тот свет. Поэтому **обучение грамоте есть подвиг**. А повествование об обучении письму является подтверждением о перекрещивании путей памяти и литературы на письме как инструмент литературы, который служит сохранению и сбережению памяти.

А.Г. Шешкен

*(Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН)*

Эпоха становления национальной литературы в романе В. Малеского «Узелки памяти» (1990)

Владо Малеский (1919–1984) – выдающийся деятель македонской национальной культуры, он принадлежит к числу тех писателей, творчество которых сыграло исключительно важную роль в процессе формирования литературы на современном македонском языке. В. Малеский является одним из основоположников национальной прозы, создателем жанра македонского философско-психологического романа. Роман «Узелки памяти» («Јазли»), задуманный как трилогия, первая часть которой была издана посмертно, писавшийся в течение предшествующего десятилетия, оказался чрезвычайно актуальным в начале 1990-х гг. Рождение самостоятельного государства – Республики Македония (1991) – проходило в атмосфере острых споров о переоценке традиции и самих основ национальной культуры. Политическую окраску приобрел вопрос о македонском алфавите и роли классика македонской литературы, автора первой грамматики македонского литературного языка, одного из тех, кто участвовал в разработке македонской азбуки, Блаже Конеского (1921–1993). Ставился вопрос об азбучной реформе (поэт Милош Линдро). Большинство писателей и ученых (Венко Андоновский) выступили в защиту сформировавшейся языковой традиции. Роман В. Малеского, таким образом, оказался в неожиданном контексте и в новом свете. Он прозвучал как призыв к бережному отношению к культурному наследию.

Роман «Узелки памяти» по тематике и с точки зрения жанра отражает тяготение македонской прозы к конкретно-исторической основе, к осмыслению пройденного македонским народом исторического пути. Исторические мотивы, переплетаясь с мотивами памяти, занимают важное место в творчестве писателей старшего поколения, бывших очевидцами и участниками крупных социальных потрясений и судьбоносных для всего народа событий. В романе Малеского идет речь о становлении молодого македонского государства в последние месяцы 1944 года – начале 1945 г., о первых послевоенных годах, о начавшемся в 1948 году конфликте между компартиями СССР и Югославии. Его герой – литератор и активный участник событий тех лет. Важное место в этом романе-биографии, написанном в форме воспоминаний с отступлением от хронологии, занимает попытка отражения атмосферы эпохи, когда стал интенсивно раскрываться творческий потенциал народа. Повествуется о торжественном открытии университета, издании первого букваря на македонском языке, начале деятельности первого издательства и т. д. Повествование ведется от лица вымышленного персонажа, весьма напоминающего самого автора. Совпадения между писателем и его героем наблюдаются в истории семьи, участии в партизанском движении, в интересе к литературному труду и активной организационной и руководящей работе в области культуры. В произведении выведены крупные деятели литературы и искусства послевоенных лет – и тоже под вымышленными, но легко узнаваемыми именами.

Ю.А. Созина

(Институт славяноведения РАН)

Художественные переводы и развитие межславянских литературных связей

В докладе основное внимание будет уделено сотрудничеству переводчиков России и Словении, в последние годы вышедшему на новый уровень. Конкретным результатом этого процесса стали двусторонние семинары переводчиков, состоявшиеся в 2012 и 2013 гг., оба в апреле, о которых уже начинают говорить как о традиционных. Мероприятия предназначены для действующих, а также начинающих переводчиков, в том числе студентов. Целью их является обмен опытом и передача его молодежи.

Так, например, в Любляне в Российском центре науки и культуры собрался цвет словенской русистики – ведущие переводчики, ученые, университетская профессура. Достоинно были представлены соотечественники, как уже долгие годы живущие в Словении, так и специально приехавшие из России. В работе семинара постоянно принимали

участие около 20 человек, но двери его были открыты и для многочисленных гостей. Семинар действительно стал событием.

Программа семинара была чрезвычайно насыщенной, но выполнена практически полностью. Хотя времени катастрофически не хватало, поскольку каждое выступление вызвало множество вопросов и комментариев. Шла настоящая работа в большой переводческой мастерской. Стремясь максимально помочь друг другу и прояснить естественные в работе переводчиков сложные ситуации, коллеги живо реагировали на вынесенные на их суд трудности и порой блистательные решения. Яркое впечатление у собравшихся оставили мастер-классы Борута Крашевеца и Е.В. Сагалович, уверенность в будущем словенской русистики вселило представление сложнейшей работы студентов Люблянского университета по переводу «Повести временных лет», занимательными и поучительными были мастерские по переводу стихов и анекдотов. Особую благодарность заслужили своим стремлением передать накопленный в течение долгих лет, колоссальный опыт мэтры перевода Драго Байт и Милан Есих.

Проводя параллель с Российско-словенским семинаром переводчиков в Москве, можно отметить, что люблянский семинар был в чем-то более успешным, чем предыдущий, что и понятно в свете первого опыта. В текущем году семинар вызвал гораздо больший резонанс, и по представительности, наверно, был сильнее. Участники, присутствовавшие на встрече в Москве, отложили все свои текущие дела, поскольку уже представляли важность и полезность таких встреч. Но и в Москве были свои плюсы: во-первых, это практически поголовное присутствие студентов-словенистов из МГУ им. М.В. Ломоносова на всех мероприятиях; во-вторых – силами российских исследователей запланированный круглый стол был преобразован в научно-практическую конференцию, чего в Любляне не случилось. Кроме того, 2013 год принес удачные находки. Ими стало проведение книжной выставки новинок «К 1150-летию славянской письменности», где главным образом были представлены переводы русской литературы на словенский язык и наоборот, а также новейшие российские исследования в области словенистики, главным образом выполненные в Институте славяноведения РАН. Успешным оказалось и представление в рамках семинара актуальных научных, издательских и культурно-презентационных проектов, дающих панораму происходящего и возможность переводчику, ученому сориентироваться и найти оптимальные возможности для применения собственного таланта и умения.

Участники семинара надеются, что семинар действительно станет традиционным, к чему они со своей стороны готовы приложить максимум усилий и искренне благодарят всех организаторов семинара, среди которых (в алфавитном порядке):

– **Всероссийская государственная библиотека иностранной**

- литературы им. М.И. Рудомино
- Государственное агентство книги Республики Словения
 - Институт перевода (Москва)
 - Институт славяноведения Российской академии наук
 - Общество словенских литературных переводчиков
 - Посольство Республики Словения в Москве
 - Представительство Россотрудничества в Республике Словении Российский центр науки и культуры в Любляне
 - Славянское отделение филологического факультета Люблянского университета
 - Славянское отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
 - Факультет гуманитарных наук Приморского университета (Копер)
 - Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
 - Центр книги Рудомино

А.А. Корзинина

*(Санкт-Петербургский
государственный университет)*

Изучение русско-чешских и чешско-русских литературных взаимосвязей на современном этапе

Чешско–русские литературные взаимосвязи после 1945 года и вплоть до 1989 года складывались в условиях политики социализма. В послевоенный период страна разделяла радость от победы СССР во Второй мировой войне и отношение к Советскому Союзу было как к освободителям Чехословакии. Отметим, что изучение русского языка и литературы в школах Социалистической Чехословакии было обязательным. Поэтому интерес к русской литературе в этот период был и несколько навязан политическим строем. Однако в этот период многие ученые – слависты, переводчики с русского и просто образованные люди проводили грань между русским и советским.

70–80-е года чешско-русские литературные связи обусловлены событиями 1968 года и их отголосками в политической и, как следствие, культурной жизни страны.

Отдельной темой исследователи выделяют чешско-русские литературные отношения после Бархатной революции 1989 г., когда на книжный рынок хлынули потоки ранее запрещенной чешской литературы, западной немецкой и литературы англоговорящих стран. В этом потоке из

русских авторов интерес представляло лишь диссидентское направление русской литературы.

Восприятие русской литературы в 90-е годы складывается, как мы уже говорили, из переводов (а переводят Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Шаламова, А. Солженицына, Платонова, И. Бунина), то есть все внимание переводчиков обращено на ранее запрещенную режимом русскую прозу. Сферу интересов читателей формируют в 90-е годы уже издательства. При этом большое влияние приобретают интернет-издания. Отдельную роль в современных чешско-русских литературных отношениях играют учебники, хрестоматии и словари по русской литературе, издававшиеся весьма скромно и скудными тиражами, однако, все же сыгравшие свою, теперь уже ознакомительную, роль. При этом, мода среди, опять же, будем говорить, издателей, на переводную славянскую литературу в России в начале 2000-х годов, вызвала небывалую волну переводов собственно из современной чешской литературы. Коммерческая выгода изданий переводов чешской современной литературы, побудила и к изданию книг, стилизованных под чешских авторов. Отсутствие качественных переводов или же отсутствие переводов как таковых того или иного чешского или русского автора, играют разъединяющую роль в современных условиях, когда все внимание переводчиков и издателей обращено, прежде всего, на перевод и издание западной литературы, как в России, так и в современной Чехии. Таким образом, для рядового читателя, вопрос современных чешско-русских литературных взаимосвязей, может показаться мало перспективным. Вопрос этот остается очень волнующим, так как им продолжали заниматься исследователи и переводчики на протяжении 20-го века очень активно. И сейчас в начале 21-го века ученые работают не менее активно как в России, так и в Чехии.

В России большую работу ведет по-прежнему Институт славяноведения РАН (Москва). Институтом славяноведения в рамках серии «*Slavica et Rossica*» в 2007–2011 годах были выпущены книги «Славянский мир в глазах России», а также книга «Россия в глазах славянского мира», в которой рассматривается отношение славянских народов к России от средневековья до середины XX века.

Другими крупными российскими центрами по изучению чешско-русских литературных взаимосвязей являются кафедры славянской филологии МГУ и СПбГУ, где активно продолжают вести работу такие ученые как И.М. Порочкина, Т.Е. Аникина, Н.К. Жакова, под чьим руководством ведется научная работа в секции «Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи», ежегодно собирающая в рамках Международной конференции в СПбГУ как отечественных, так и зарубежных ученых, занимающихся этим вопросом. Очень много делает в направлении развития чешско-русских взаимосвязей в

целом, и литературных взаимосвязей в частности, Общество братьев Чапек в Санкт-Петербурге, образованное в 1995 году. Отдельно следует отметить творческую и научную работу члена Общества, к.ф.н., почетного доктора Пражского университета, члена Союза писателей Санкт-Петербурга О.М. Малевича.

В Чешской Республике работу по изучению чешско-русских взаимосвязей осуществляют несколько центров: кафедра русистики (Институт славистики) на филологическом факультете в университете им. Т.Г. Масарика в г. Брно, кафедра славистики (секция русистики) в университете им. Палацкого в г. Оломоуц, кафедра русистики на педагогическом факультете университета г. Градец Кралове и Карлов университет в Праге.

Самым крупным центром является институт славистики (кафедра русистики) на филологическом факультете университета им. Т.Г. Масарика в г. Брно, который возглавляет профессор Иво Поспишил. Он является также председателем Чешской Ассоциации славистов и славистического общества Франка Вольмана. Под руководством И. Поспишила работают очень активно такие ученые как профессор Д. Кшицова, Й. Догнал. Институт славистики под руководством И. Поспишила выпускает рецензированный научный журнал *Slavica Litteraria*, который публикует литературоведческие статьи в области славистики. Также под редакцией Й. Догнала, Д. Кшицовой и И. Поспишила в институте выходит сборник *Litteraria Humanitas*, большое внимание в котором отдано публикациям исследований в области русской литературы. Кафедры русистики университетов г. Оломоуц и г. Градец Кралове преимущественно занимаются лингвистикой, однако, следует отметить активную работу отдельных славистов, занимающихся чешско-русскими литературными взаимосвязями. О. Рихтерек (университет г. Градец Кралове, педагогический факультет) – ученый, занимающийся вопросами русской литературы, в 2000-х годах выпускал сборник трудов по материалам международной конференции *Dialog kultur*. Он же является членом редакционного совета журнала *Slavica Litteraria* в институте славистики (г. Брно). На кафедре русистики филологического факультета г. Оломоуца под руководством профессора М. Заградки, ведут работу ученые К. Лепилова, Д. Жвачек, З. Виходилова и другие. В столичном Пражском университете после 1989 года работа на кафедре славистики сконцентрирована преимущественно в области лингвистики и переводоведения, в последнее время встречаются труды, опубликованные в научных сборниках, по компаративистике, где в качестве компонента можно встретить русский литературный след. Картина того, что переводят и, что изучают, – весьма различна. Молодых больше занимает компаративистика в современном понимании, когда все сравнивается со всем. Очень активную

работу ведет в Праге Славянская библиотека (в составе Национальной библиотеки Чешской республики). При этом, следует отметить тот факт, что исследователи межлитературных чешско–русских взаимосвязей в Чешской республике ведут активное сотрудничество между собой. Пропагандой русской культуры в целом занимается клуб русских эмигрантов в Моравии, который организовывался как сообщество тех, кто уехал из России, но продолжает отождествлять себя с русской культурой. Их работу можно назвать встречной деятельности Общества братьев Чапек в Санкт-Петербурге. В целом, по словам И. Поспишила, Россия остается для чехов во многом экзотической страной, страной парадоксов и абсурдов, но вместе с тем Россия является центром особой цивилизации, культуры и искусства, который связан с Европой, но и отличается от нее историческими судьбами, а также близостью к Азии. Недаром именно Прага стала в межвоенный период центром русского евразийства. Чехи любят говорить, что они люди западной культуры, но с уважением относятся к кирилло-мефодиевской традиции и понимают, что находятся на перекрестке Запада и Востока, Севера и Юга. Россия – часть Европы, хотя иногда они противопоставляются друг другу. Чехи смотрят на Россию как на великую державу и, зачастую подсознательно, как на оплот европейской цивилизации.

Секция

**«Славянские путешествия
во времени и пространстве»**

М.В. Лескинен

(Институт славяноведения РАН)

**Путешествия поляков в сарматскую эпоху:
эго-тексты и стереотипы их интерпретации**

КРАТКО: В докладе рассматриваются основные направления исследований и классификация дневниковых описаний путешествий и травелогов как самостоятельного жанра: в этнологии, имагологии, в исторической науке и др. На примере польских эго-текстов эпохи сарматизма (записок и дневников М.К. Радзивилла-Сиротки, Я. Цедровского, Я.Ф. Тушиньского, С. Мас-кевича) проанализированы возможности интерпретации путешествий не с позиции «объективности» автора и информационного потенциала источника, а с точки зрения эволюции представлений и способов самоидентификации европейского Наблюдателя.

ПОДРОБНО: Описания путешествий можно классифицировать по-разному. Принято выделять литературные, виртуальные и научные (географические, этнографические и др.) их виды, различающиеся по авторской стратегии и жанровым средствам. В XVIII–XXI вв. путевые заметки или «Путешествия» становятся излюбленной формой изложения взглядов и убеждений индивидов, художественных, политических и научных идей. Они активно используются в дидактических и морализаторских целях, выступают инструментом пропаганды, манипуляции, рекламы. Травелог как жанр обладает размытыми границами, он легко встраивается и мимикрирует в любые виды текстов – от романа до справочника-путево-дителя, от этнографического литературного очерка до дневника и т. д., так как позволяет эффективно решать несколько задач одновременно, при этом он мало зависит от изменчивости моды и вкусов читательской аудитории. Это полифункциональный жанр с отчетливыми признаками гибридности и диалогизма.

Популярность жанра травелогов в литературе начиная с эпохи Просвещения обусловлена многими факторами, среди которых следует упомянуть только три: а) интерес к Другому, актуализированный идеей противопоставления европейской цивилизации – варварству как таковому; б) мода на публикацию дневников и путевых заметок наряду с созданием жанра дневника-путешествия; в) удачная форма для морализаторских интенций автора и его политических (философских) взглядов. Неслучайно Просвещение создало термин «философическая география». Путешествие –

а иногда лишь подготовка к нему – становится поводом для рассуждений об образце и антиобразце, удобным стандартом паренетических произведений, до того воплощавшихся как правило в различных «Зерцалах», «Истинных дворянах», «Придворных» и т. д. Теперь на смену прямому назиданию индивидуализированной направленности приходит путешествие, которое позволяет порассуждать о социальном и национальном этосе, истинных «врожденных и коллективных» нравах в сравнении с Другими – причем в европо- и этноцентристской парадигмах.

Вопрос о травелогах особого рода – литературных путешествиях виртуального характера (повествования о религиозных видениях и визионерском опыте, утопические романы) нуждается в отдельном рассмотрении, так как их нельзя однозначно причислять к путешествиям-нарративам или путешествиям в метафорическом смысле. Другой «особый» случай – христианские путешествия и паломничества, особенно в Святую землю. Паломничество понимается как вполне возможное в реальной действительности перемещение в райское место, в край святости при жизни человека. Хорошо известны слова Лотмана о специфике изображения географического пространства в русских средневековых текстах: «географическое путешествие рассматривается как перемещение по карте религиозно-моральных систем, а ... всякое путешествие приобретало характер паломничества» (*Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Символические пространства // Лотман Ю.М. Семиосфера. М., СПб., 2000. С. 298*). В той же статье Лотман замечает, что в этого рода текстах «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный. География выступает как разновидность этического знания» (Там же. С. 240). Это последнее замечание в полной мере можно отнести к описаниям путешествий XVIII–XX вв. – они остаются «областью семиотического моделирования», которое проявляется в аксиологическом подходе наблюдателя, только номинально свободного в своих впечатлениях и оценках. В сущности, позиция любого описателя-путешественника (как профессионала-этнографа, так и «обывателя»), – и это обосновали впервые теоретики американской антропологии (так наз. «этнографии опыта») в 1930-е гг., – это не столько субъективный взгляд на Других – пространство, культуру, человека, сколько этноцентрически (точнее цивилизационно-центрически) ориентированный комплекс коллективных представлений и предубеждений. Главный принцип восприятия в нем – каузальная атрибуция, ракурс взгляда определяет прежде не впечатление и опыт, а знание. Начиная с 1960-х гг. эта важная методологическая установка преобразуется в интерпретационно-культурную теорию (К. Гирц) и концепцию культурного «колониализма» (Э. Саид). В этом антропологическом контексте очевидно, что схема описания Другого, и главное, интенция автора неизменны со времен

Геродота: в их основе лежит так наз. псевдо-etic подход к иной культуре, когда она оказывается объектом сравнения с собственной, и не интересует наблюдателя сама по себе, изнутри.

Центральным элементом любых реальных описаний-путешествий остается фиксация нравов и обычаев. Поэтому для выяснения степени репрезентативности следует учитывать высокую степень стереотипности и клишированности данной области объективных наблюдений. Для их выявления весьма продуктивен сравнительный анализ, позволяющий определить типичность и оригинальность авторских суждений в синхронии и диахронии.

Польские эго-тексты сарматской эпохи демонстрируют переходный характер в изображении путешествий: паломничество по-прежнему остается главным и особым жанром путешествия (М.К. Радзивилл Сиротка), в иных случаях авторы игнорируют детальное описание других стран и народов, ограничиваясь лишь эпизодами, оставившими наиболее сильные эмоциональные впечатления (буря на море, экзотический ландшафт), способ выражения которых также подчиняется барочной поэтике (Тушинский, Цедровский). Однако появляются и более индивидуализированные «народоописательные» тексты (С. Маскевич), авторы которых стремятся не только информировать, но и проанализировать причины складывания иных обычаев и нравов, причем не только в этноцентрическом ключе.

И.И. Свирида

(Институт славяноведения РАН)

Путешествия принца Жозефа де Линя в контексте эпохи Просвещения

Принц Шарль Жозеф де Линь (1735–1814) – одна из наиболее привлекательных персонификаций ancien regime, он воплощал рафинированность уходящего века и, вместе с тем, заключал в себе достоинства деятеля эпохи Просвещения, выступал носителем ее идей и вкусов. Человек рыцарской храбрости, теоретик военного дела, он был также талантливым дипломатом, посредником между монархами крупнейших европейских держав (особенно заметной оказалась его роль в отношениях России и Австрийской монархии). А.В. Суворов, в турецкой кампании которого принц активно участвовал как командующий артиллерией, так писал к нему: «Никогда не прервется мое к тебе уважение, почтение и дружество ... клевет [сотоварищ в одном из значений этого устаревшего слова] знаменитый, имеющий чистое сердце, чистый ум!».

Обладавший внутренней свободой, непосредственный, открытый и чувствительный, принц был интереснейшим собеседником, его афоризмы и

шутки, часто ироничные, иногда фривольные, знал весь просвещенный мир. Де Линь привлекал не только высокой образованностью, но и своим шармом. Принц получил признание и как многосторонний литератор, который рассматривается в настоящее время в качестве крупнейшей фигуры бельгийской литературы рубежа XVIII–XIX вв. Без де Линя эпоха лишилась бы одной из ее ярких и неповторимых фигур, а сведения о событиях, происходивших в разных сферах жизни – военной, политической, культурной, светской, оказались бы без его мемуаров менее полными или утраченными. Завсегдатай парижских интеллектуальных салонов, он общался с Вольтером и Руссо, оставив их литературные портреты, точные и живые, подобно описаниям других исторических лиц, сделанным им. С личностью и сочинениями де Линя были знакомы Байрон, Пушкин, Толстой, Цветаева, используя их как достоверный источник.

Глубоко индивидуальный во всех своих проявлениях, де Линь был причастен творению культурных, политических и бытовых реалий, определявших облик Европы во второй половине XVIII в. Благодаря его обширным европейским контактам, а также корреспонденции, он, в частности, влиял на представления о России, которые складывались в то время.

Здесь он побывал не однажды. Это было связано с личными делами (1780), дипломатическими поручениями Иосифа II (1782), военными событиями (1788–1793). Наиболее примечательным оказалось участие в крымском путешествии по приглашению Екатерины II и просьбе австрийского императора (1787). Дружественные отношения де Линя с императрицей установились уже с первого приезда, и поддерживались путем переписки.

В российских поездках принца слились две страсти той эпохи – любовь к садам и склонность к путешествиям. Однако *путешествие* (путь, дорога) и *сад* не просто как мотив, но и как особые понятия, представления, связанные с жизненным опытом, проходят через всю историю культуры. Они восходят к библейскому Эдему, египетским садовым рельефам, процессиям, запечатленным в древней ассирийской пластике. Путешествия в пространстве и передвижения во времени по дорогам жизни постоянно происходили в сочинениях Гомера. Благодаря этому дорога и сад приобрели, по сути, характер культурных универсалий, которые занимают свое прочное место в картине мира каждого времени, выйдя в эпоху Просвещения на первый план. Те и другие рассматривались как способствующие воспитанию добродетельной и просвещенной личности.

Путешествия и сады, в том числе как объект описаний, стали индивидуальным признаком сочинений и жизни де Линя. В докладе анализируются его тексты, посвященные и путешествиям, и садам. У него они часто сливаются в *садовые путешествия*, которые стали

отличительным знаком XVIII в. В их описаниях выступают признаки эпохи Просвещения, выработанные различными сферами культуры, связанные с трактовкой взаимоотношений природы и культуры, сенсуализмом, утопизмом, идеями социального равенства, дидактическими проблемами, категорией вкуса. В эти описания попадает и люд, населявший окрестности его садов, которые принц культивировал в своих родовых владениях в Белёй.

Необычность маршрутов принца (во время турецкой кампании он, по его словам, три года жил «в Татарии, Молдавии, Новой и старой Сербии, Штирии, Моравии и почти в Силезии») позволила ему значительно расширить географию садовых описаний, в том числе славянских территорий, по сравнению с тем, что обычно попадало в поле зрения авторов садовых трактатов и путешественников в целом. При этом де Линь характеризовал сады, постройки, а в ряде случаев и природные ландшафты Австрии, Англии, Венгрии, Германии, Голландии, Италии, Литвы, Молдавии, Польши, России, Украины, Франции, Чехии, Швейцарии. Сады для него были неотделимы от окружающей природы. Если англичанин Уильям Чемберс ввел Китай в европейскую садовую литературу, то Шарль де Линь – Крым с его восточными садами, которым подражал и в собственных садах. Принц рассматривал Крым также как связующее звено между античностью и своей современностью.

Т.И. Чепелевская

(Институт славяноведения РАН)

**Чешские земли Австро-Венгрии
глазами русской путешественницы
(по материалам путевых записок начала XX в.
Елизаветы Ивановны Витте)**

В докладе представлен анализ книг путевых очерков Елизаветы Ивановны де Витте (1833/1834 – после 1915), русского педагога, писательницы и публициста, которая в начале XX в., несколько раз путешествовала по славянским землям Балканского полуострова, посещала соседние земли австрийских славян, о чем оставила объемные путевые очерки. Ее произведения отличает внимание к самым разным сторонам жизни народов, населяющих регион, уважение к их истории и культуре. В каждой из своих книг она не только обращается к историческому пути славянских народов, но и стремится показать черты того нового, что появилось в общественно-политической и повседневной жизни их стран в наступившем XX веке. Особое внимание уделено чешским землям, основным вехам исторического пути чешского народа от эпохи Средневековья до начала XX в., развитию школьного образования (создание

чешских школ) и патриотического воспитания (развитие сокольского движения) у чехов в разные исторические периоды.

М.А. Аникин

*(Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург)*

Духовный реализм в живописи Болгарии XIX–XX вв.

Живопись 19–20 веков в Болгарии заслуживает самого пристального внимания и изучения потому, что именно в этот период в болгарском искусстве появляются многие выдающиеся явления и имена, влияние которых на всю последующую историю искусства этой страны чрезвычайно велико. Тут прежде всего следует назвать Захария Зографа, а также ряд других известных не только в Болгарии мастеров [1].

Среди них во второй половине 19 в. особенно выделяются такие художники, как Николай Павлович (1835–1894) (учился в Вене и Мюнхене), Станислав Доспевский (1823–1878) (Московское училище живописи, ваяния и зодчества и петербургской Академии художеств), Христо Цокев (1847–1883), воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, художник-самоучка Георгий Данчов (1846–1908), а также Димитр Добрович (Димитър Георгиев Добрев Пехлиханов) (1816–1905), учившийся в Греции и Италии, боец отрядов Гарибальди [2].

При всём том, что каждый из названных мастеров испытал влияние различных живописных школ и национальных традиций, есть нечто такое, что объединяет этих достаточно разных в силу художественного образования и судеб живописцев. Это нечто автор этих строк пытается определить научным термином «духовный реализм», в своё время удачно применённым покойным Михаилом Дунаевым и ныне здравствующим Алексеем Любомудровым в отношении художников русского зарубежья первой половины XX века [3]. С нашей точки зрения «духовный реализм» имеет значительно более широкие границы и собственно проявляется уже с того момента, когда художники начинают подписывать свои произведения или когда зрители сравнительно легко узнают их манеру среди работ других мастеров.

То есть с того момента, когда мастера испытывают особое индивидуальное переживание, которое приходит к ним в минуту просветленного духовного состояния. Так в России первым духовным реалистом может быть назван Рублёв, а на западе, скорее всего, Джотто.

Наиболее ярким примером духовного реализма в болгарской живописи является, с нашей точки зрения, творчество Захария Зографа. Ранее мы уже подробно останавливались на основных особенностях его

творческой манеры, поэтому здесь напомним лишь о том, что Захарий Зограф был хорошо знаком как с традиционной православной иконописью, так и с теми приёмами чисто живописного мастерства, которые позволяют говорить о нём не только как о иконописце, но и как о художнике-портретисте. Портреты, автопортреты и религиозно-философские произведения Зографа до сих пор поражают зрителя особой одухотворенностью и психологизмом, в них мастер гармонично объединяет вечное и временное, символичное и конкретное. Можно уверенно говорить о том, что именно по такому пути идут и все названные нами мастера. В своём творчестве они также стремятся к передаче как чисто болгарского колорита, так и вечных ценностей.

Продуктивно в этом ракурсе рассмотреть несколько конкретных работ известных болгарских художников. Особенно выразительными в предложенном плане выглядят работы Станислава Доспевского – племянника Захарии Зографа, получившего образование в России. Так «Портрет на Кирилл Нектариев» (1868) Доспевского во многом напоминает известный портрет «Неофита Рильского» (1838) работы Захарии Зографа., в котором художник весьма характерно сумел передать образ негибавшего духовного борца за интересы болгарского народа. Так же, как Захарий Зограф, Станислав Доспевский обращается к образу духовного лица, по существу не внося каких-то особых новаций живописного плана. Несомненно, что и тот и другой портреты разных художников с временным разрывом в тридцать лет выполнены практически в одном стиле – стиле именно духовного реализма. Представляется, что тут кроется некая имманентно присущая особенность творчества «духовных реалистов» – их почти не интересуют чисто живописные, модные новации, основное внимание сторонники этого направления и метода сосредотачивают на реальном образе человека. Но реализм этот – особого рода, как бы вневременной. Кирилл Нектариев у Доспевского изображен с богослужебной книгой в руках, в священническом облачении. Острый взгляд старца, испытующе направленный на зрителя, словно пробуждает его от сна, побуждает к действию и к молитве за родной край. Смысловым центром портрета является изображение креста на богослужебной книге. Изображение креста не только напоминает о крестной смерти Христа, но и указывает путь всякому болгарину, встающему на путь борьбы за независимость от многовековых поработителей. Художник, как известно, окончил свой жизненный путь в турецких застенках. Всей своей жизнью он избрал тот путь, к которому так выразительно призывал в портрете Нектариева. Существенной особенностью творчества художников, которых мы называем «духовными реалистами» в болгарской живописи 19–20 вв., является стремление избегать какой бы то ни было чрезмерной экзальтации или излишнего пафоса. В рамках этого же направления следует

рассматривать «Монахиню» (1850-е) Хр. Цокева или «Портрет Домники Ламбревой» (1861) того же Ст. Доспевского. Женские образы проникнуты чистотой, целомудренностью и скромностью. При этом в каждой из картин такого рода чувствуется особое достоинство болгарской женщины, готовой идти на крест за свою веру и за своих родных. Тут можно привести целый ряд ярких произведений такого плана: это и «Портрет Мариолы Бошковой, жены художника» (1869) Ст. Доспевского, его же «Портрет Е. Зографской» (1876), «Портрет Иваны Неновой (сер. 70-х гг.)» Хр. Цокева и много других. При том, что болгарские художники с интересом воспринимали все те новации, которые стали появляться в европейской живописи на рубеже 19–20 веков, «духовный реализм», по нашему мнению, продолжал оставаться стержневым, определяющим фактором развития этой школы. Достаточно взглянуть на произведение Ц. Тодорова «Моя мать» (1910), чтобы в этом убедиться. В том же ключе выполнен «Портрет Ив. Вазова» (1907) Н. Михайлова и несколько более поздний «Автопортрет» (1921) А. Михова.

Трагические события XX века не обошли стороной Болгарию. Революции и войны во многом изменили развитие искусства и живописи том числе. Казалось, «духовный реализм» навсегда должен был остаться в прошлом, вытесненный с одной стороны революционным пафосом «освобожденного народа», а с другой стороны всеми теми формотворческими экспериментами и поисками, которые принёс с собой бурный XX век.

Однако, как показала история, и в сложных условиях ангажированного искусства и под прессом позднее надвинувшейся коммерциализации именно духовный реализм оказался самым жизнестойким явлением болгарской культуры. Для нас несомненно, что наиболее крупный болгарский художник XX века Владимир Димитров-Майстора все свои произведения создал в рамках названного метода и стиля [4]. К духовному реализму во многих своих произведениях обращались П. Георгиев («Смерть крестьянки», 1926) и Ив. Милев («Сельская мадонна», 1925), З. Бояджиев, Б. Иванов, А. Поплилов, М. Минчев и многие другие художники XX века.

Автор этого сообщения полагает, что в наступившем уже XXI веке именно духовный реализм может явиться тем плодотворным методом и стилем, который будет востребован как самими творцами, так и зрителем, заметно уставшим от слишком смелых экспериментов с формой, которыми был так богат XX век.

¹ М. Аникин. Захари Зограф и «духовный реализм»: <http://www-knigi-news>

² Атанас Божков. Болгарское изобразительное искусство. София, 1964.

³ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003.

⁴ Борис Колев. Йонка Коцева. Владимир Димитров-Майстора. София, 1974.

Н.В. Злыднева

(Институт славяноведения РАН)

Путешествия русского футуризма в plusquamperfectum

В докладе поднимается вопрос о необходимости классификации архаизмов в русском авангарде, преимущественно в изобразительном искусстве. Ориентация на архаическую семантику – славянскую мифологию прежде всего – характерен для русского искусства, а также искусства славянских (южно-славянских *par excellence*) народов. Однако отдельные типы и классы архаизмов в научной литературе не выделяются: примитив, народная икона, искусство аборигенов Африки, восточная миниатюра, ранее итальянское Возрождение, как правило, перечисляются в едином списке «источников» архаизирующей поэтики.

В докладе предпринята попытка рассмотреть самый древний пласт изобразительности, нашедший отражение в русском авангарде – круг памятников раннего энеолита. Предпринята попытка создания корпуса абстрактных геометрических фигур и их сочетаний: проанализированы произведения беспредметной живописи и графики Л. Поповой, М. Ларионова, М. Экстер, П. Митурича, К. Малевича, Д. Бурлюка. В. Кандинского и др. На этой основе проведено сопоставление элементов беспредметности в русском авангарде со знаками предписьменности 6–4 тыс. до н. э. (региона Восточного Средиземноморья: археологические культуры Винча, Старчево, Караново-2 и др.). Данный сопоставительный анализ позволил сделать следующие выводы:

1. В основе авангардной беспредметности в русском искусстве лежат архетипические графемы, универсальные для всей европейской цивилизации.

2. Широкое использование в русском авангарде письменности (футуристические рукописные книги, введение букв и надписей в живописное изображение) опираются на древний принцип первоначального синкретизма орнамента и символа.

3. Сравнение произведений авангарда с древней предписьменностью помогает уточнить понятие *фактуры*: и предписьменность, и изобразительность авангарда ориентированы на код осязания (коллажи, фактурная живопись и т. п.), который в истории человеческой цивилизации предшествует зрительному коду и отсылает к глубинным пластам филогенеза.

4. Принцип осязательности, лежащий в основе поэтики авангарда и уходящий корнями в предысторию, проливает свет на специфическую коммуникативную модель авангарда: вместо декларируемой в манифестах

горизонтальной связи МЫ–ОНИ, фактурность открывает вертикальную связь Я–ТЫ. Ритуально-сакральные смыслы, лежащие в основе этой коммуникативной модели, перекидывают мост к нерасчлененному принципу единства дела и ритуала, лежащего в основе архаической картины мира.

Д.К. Поляков

(Институт славяноведения РАН)

Чешские путешественники в СССР в 1920–30-х гг.

В докладе предпринята попытка создания типологии текстов, созданных чешскими путешественниками после пребывания в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. В данный исторический период наблюдается повышенный интерес западного мира к советской России, интенсивно восстанавливающейся после революций, гражданской войны и периода военного коммунизма. В СССР в эти годы находится достаточно большое количество иностранцев – как связанных с ним долгосрочными профессиональными контактами (функционеры Коминтерна, инженеры и технические специалисты), так и просто путешествующих). В 1930-е, с началом «сталинского поворота», количество и состав иностранных граждан в СССР меняется: это, как правило, либо всемирно известные писатели (Б. Шоу, А. Жид, Л. Фейхтвангер), настроенные – во всяком случае до поездки в Союз – прокоммунистически, либо иностранные партфункционеры или технические специалисты.

Многие тексты чехословацких литераторов, созданные в 1920–30-е гг., в отличие от произведений привечаемых в СССР всемирно известных писателей³, ныне незаслуженно забыты, хотя представляют несомненную историческую ценность как отражение рецепции новой реальности представителями близкого, родственного, славянского народа.

Заметки о Советах в межвоенное двадцатилетие принадлежат авторам разных убеждений, взглядов, социального статуса и профессиональных интересов. Их произведения (рассматривая лишь написанное «по горячим следам», мы исключаем из анализа мемуары) также представляют собой тексты различные и в идеологическом, и в структурном, жанровом отношении. Прежде всего, это путевые очерки и репортажи (этот жанр именно в 1920–30-е годы находился на взлете): назовем книги репортажей Ю. Фучика «В стране, где завтра уже стало вчерашним днем» (1932) и «В стране любимой» (1934–36, книж. изд. 1949), сборники путевых очерков К. Велеминского («Россия вчера и сегодня», 1929), Н. Мельниковой-Папоушковой («Россия вблизи и издалека», 1929), А. Гофмейстера («Поверхность пятилетки», 1931) и М. Пуймановой («Взгляд на новую землю», 1932). К жанру «лирических эссе» можно отнести книгу В. Незвала «Невидимая Москва» (1935). Наконец, беллетристика того времени

представлена романом И. Вайля (Вейла) «Москва – граница», опубликованном в 1937 г.

Идеологический плюрализм межвоенной Чехословакии отразился и на литературных произведениях, посвященных России и СССР: старшее поколение, до революции испытывавшее влияние славянофильских стереотипов, помнило, как еще колларовская «Россия величава» ассоциировалась прежде всего с оплотом славянства (К. Велеминский). В послереволюционные годы эта линия логичным образом «маргинализуется»: идеи славянской взаимности и единства славянских народов теряют актуальность, сменяясь полярными политическими конструктами. С одной стороны, это была «антисоветская» идеология – Прага являлась третьим после Парижа и Берлина центром русской эмиграции, а контакты чешской интеллигенции с ней были весьма обширны. Поэтому многие чехи смотрели на СССР сквозь призму общения с русскими эмигрантами, поселившимися в Чехословакии (одной из них была, например, Н. Мельникова-Папоушкова). До начала 1930-х гг. они могли осуществлять поездки в метрополию, информируя диаспору о положении дел в ней.

На противоположном полюсе находилась модель пролетарского интернационализма, исповедуемая левыми: Незвал, Фучик, Пуйманова, Гофмейстер ехали не в центр славянства, но в первое государство рабочих и крестьян.

В докладе рассмотрены также различные стереотипы России и СССР, характерные для всех путешественников и проявляющие вне зависимости от их идеологических установок.

Е.А. Яблоков

(Институт славяноведения РАН)

Мотив путешествия в художественном мире М. Булгакова

Категория путешествия у Булгакова относится скорее к времени, чем к пространству. Это не значит, что булгаковские герои не перемещаются по земной поверхности; однако характерно, что их движение в подобных случаях зачастую носит «экстремальный» характер, воспринимается как отступление от условной «нормы».

С пространственной точки зрения мир у Булгакова как бы ограничен, замкнут; вертикальная координата для него важнее, нежели горизонтальная. При этом булгаковский хронотоп всегда «многослоен»: ситуация, репрезентируемая как современная, содержит множество «знаков» иных эпох – например, в «Белой гвардии» в образе Города соединены признаки Киева, Рима и пр.; в «Мастере и Маргарите» очевиден параллелизм Москвы

и Ершалаима. Таким образом, действие происходит как бы не в одном конкретном времени, а в нескольких временах сразу. «Фоном» (и универсальным континуумом) служит *вечность* – которая, как и время, является здесь одной из важнейших категорий. Само собой разумеется, что вечность ассоциируется с потусторонним миром («нижним» или «верхним») в различных мифологических «изводах» (античность, славянская культура, христианство).

Большинство сюжетных ситуаций у Булгакова можно интерпретировать как переход из одного времени в другое – *путешествие во времени* с выходом в вечность. Недаром для булгаковского стиля характерен катастрофизм – пребывание мира в точке культурного «слома», когда актуализируется образ культурного героя, будь то политик, литератор, ученый, инженер и пр. Катастрофа есть точка диффузии времен; иначе говоря – перенесение персонажей из «наличной» конкретно-исторической реальности в иную эпоху (хотя в финале, как правило, ситуация возвращается к первоначальному состоянию).

Так, в начале рассказа «Китайская история» герой буквально «перелетает» из мифологического «шанхайского» хронотопа в современную Москву, где продолжает существовать по «сказочным» законам – а в финале, будучи убит, «возвращается» на родину.

В основе рассказа «Вьюга» – перемещение «новорожденного» (извлеченного из ванны, точно из купели) Юного врача в Николаевскую / древнеримскую эпоху и вместе с тем – как бы в подсознание, «биографическое» прошлое (у постели умершей пациентки Юный врач встречается с двумя своими «разновозрастными» двойниками). При этом движение по темным снежным полям сквозь вьюгу эквивалентно пребыванию в хтоническом мире (ср. образ преследующих героя волков).

В повести «Роковые яйца» случайно доставленные в совхоз яйца пресмыкающихся привезены из Америки как «потустороннего» мира. Соответственно, из них выводятся «драконы», так что СССР оказывается «отброшен» в некие легендарные времена: на защиту Москвы собрана армия «Георгиев Победоносцев». При этом избавление от «гадов» наступает лишь благодаря «русскому богу» – Николе, Деду Морозу.

В пьесе «Блаженство» Булгаков использует мотив машины времени как технического изобретения. Звучит важная идея «отрицания» категории времени как качественного изменения мира – Рейн говорит Бунше: «...как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего...» Таким образом, «двойное» путешествие во времени (Рейна, Милославского и Бунши – из XX века в XXII-й, Ивана IV – из XVI века в XX-й) служит отрицанию идеи «прогресса» и утверждению неизменности человеческих нравов и отношений.

О героях XX века в Блаженстве говорят: «Трое свалились к нам из четвертого измерения». Примерно такая же схема моделируется в романе «Мастер и Маргарита», где в Москву является компания персонажей «из вечности» (основным воплощением вневременного и внепространственного универсума является, разумеется, Воланд). Благодаря им вновь актуализируется мысль о том, что люди в сущности не меняются и коллизии, возникающие в различные исторические эпохи, типологически сходны, универсальны. Вспомним слова Воланда о москвичах: «обыкновенные люди... В общем, напоминают прежних». Соответственно, человек в «своей» исторической эпохе всегда имеет дело с «вечными» проблемами, лишь внешне выглядящими как актуальные и сиюминутные.

Своего рода «машиной времени» является роман Мастера, переносящий людей XX века на 1900 лет назад – точнее, «восстанавливающий» события 1900-летней давности в их «физической» осязаемости. Важно подчеркнуть, что художник-визионер, причастный вечности и «пронизывающий» время духовным зрением, подобен у Булгакова инженеру, создающему техническое приспособление для путешествия во времени, или ученому-«колдуну», манипулирующему с временем и стремящемуся его «отменить» – к последнему типу принадлежат профессор Персиков и Преображенский в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце», а также академик Ефросимов в пьесе «Адам и Ева».

П.В. Королькова

(Институт славяноведения РАН)

**«Восхождение к Боснии» легата Казамариса:
метафора пути в романе Нусрета Идризовича
«Коло боснийской школы смерти»**

Нусрет Идризович (1930–2007), чье творчество принадлежит одновременно боснийской и хорватской литературам, – писатель, ставший знаменитым благодаря своему «богомильскому циклу»: «Коло боснийской школы смерти» (1984), «Коло тайных знаков» (1987) и «Коло священного числа» (1989).

В жанровом отношении роман «Коло боснийской школы смерти» представляет собой медитацию в форме отдельных эссе на тему мировоззрения и судеб богомилов в Боснии и Хуме, это интерпретация религиозного, исторического и культурного феномена богомильства, символом которого являются стечки – каменные надгробия с разнообразными изображениями, распространенные в средневековой Боснии. В целом стиль произведений Идризовича 1980-х гг. можно охарактеризовать как крайне эмоциональный, образный, с большим

количеством риторических вопросов и восклицаний, отвечающий, казалось бы, публицистике, а не художественной литературе. В нем сочетаются черты путевого очерка и эссе, текст тяготеет то к ритмизованной прозе, то к этнографической зарисовке, здесь можно встретить элементы поэзии и драмы.

Каждая глава романа представляет собой законченное и на первый взгляд вполне самостоятельное эссе, при этом некоторые из них полностью лишены сюжета, в некоторых сюжет редуцирован до пары абзацев (история человека, чье надгробие описывает Идризович), а некоторые занимают несколько глав. Тем не менее сюжеты эти тесно связаны. Одной из самых разработанных сюжетных линий романа, которая одновременно является ключевой сюжетной линией и своеобразным лейтмотивом всего произведения, становится путешествие папского легата Ивана (Йоханнеса де) Казамариса (реального исторического персонажа) в Боснию, его встреча с боснийским правителем баном Кулином и религиозный диспут. Недаром этот сюжет возникает в первых же трех главах центральной части романа. В последующих сюжетных линиях не раз будет возникать обобщенный образ «святого гостя» – других папских легатов, инквизиторов и т. д. Анализ текста позволяет утверждать, что большинство сюжетов являются вариациями сюжета о путешествии Казамариса.

Таким образом, можно сказать, что роман Идризовича «Коло боснийской школы смерти» является романом о путешествиях чужестранцев в Боснию, в котором путь выступает как метафора постижения чужого пространства, «восхождения» к нему (путешествие от моря через ущелья в горы). Пространство это определяется как замкнутое, волшебное, непостижимое, его доминантой являются горы и камень, которые обладают душой и волей.

Путешествие в данном сюжете – это дорога, которую проходит человек, принадлежащий пространству воды (Казамарис – Венеция), к человеку, принадлежащему пространству камня (Кулин – Босния); описанию этой дороги и диалогу, который мысленно ведут друг с другом папский легат и боснийский правитель, посвящена большая часть текста. Путешествие заканчивается кульминацией – диспутом и отречением бана Кулина и семи представителей боснийской знати от ереси, признанием ими католической веры. Цель Казамариса, с одной стороны, оказывается достигнутой, однако с другой стороны, в действительности после его отъезда ничего не меняется. Парадоксальным образом финал (да и цель путешествия) оказывается не столь уж важен, а развязка занимает всего 1 небольшой абзац.

Познание Боснии в форме путешествия с определенной целью (искоренение ереси) или покорения территории (в конце романа речь идет о временах завоевания Боснии османами) внешне каждый раз увенчивается успехом, однако на философском уровне неизменно терпит крах. Босния остается чужим и враждебным пространством, землей, которая развивается

по своим законам и идет своим путем. Символом исторического пути Боснии, который вынесен в название не только всех трех романов трилогии, но и каждой отдельной главы рассматриваемого романа, является коло – национальный танец ряда народов Балканского полуострова, в том числе южных славян (кроме словенцев), изображение которого часто встречается на стечках. Коло замкнуто, оно не имеет начала и конца и, в соответствии с концепцией автора, выражает саму сущность этого загадочного пространства.

Секция
**«Славянские диалекты:
история и современность»**

В.М. Мокненко
(Санкт-Петербург)

Славянские социолекты в прошлом и настоящем

1. Общий круг проблем исследования славянских социолектов.

1. Взаимоотношение социолекта (resp. Substandard'a) и общенационального литературного языка (resp. Standardtsprache).

2. Определение границ социалекта и его связи с различными формами национального языка (книжно-письменного, разговорного, просторечия и т.п.).

3. Концептуальное и терминологическое разграничение типов социолекта (арго, жаргон, сленг и др.) и попытки хотя бы относительно чёткой их систематизации внутри выделяемых подгрупп.

4. Выявление и характеристика функций социолекта и их зависимость от состава его носителей.

5. Анализ социолекта как лингвистического явления, определение его собственно языковой специфики и доминантных уровней в конкретном славянском языке.

6. Характерология отдельных видов социолектов, активное накопление и осмысление конкретного материала.

7. Разработка методики анализа социолектов в русле актуальных лингвистических теорий (напр., социолингвистика, этнолингвистика, ареалогия и др.).

8. Попытки синтетического осмысления разнородных аспектов исследования социолектов.

9. Лексикографическое описание социолектов как наиболее динамичной части словарного состава славянских языков.

2. Социолект и его разновидности.

Социолект, социальный диалект (англ. *social dialekt*, сокращенно — нем. *Soziolekt*, рус. *социолект* и др.); *стандарт* — *субстандарт* — *нонстандарт* - *национальный язык*. Русское *просторечие*, чеш. *obecná čeština, hovorová čeština* и т. п. Белор. *тросянка*, укр. *суржик* и т. п.

Широкое и узкое понимание термина **социолекты**. Ряд соответствующих славянских терминов: бел. *сацыяльны дыялект*, рус. *социальный диалект*, укр. *соціальний діалект*; чеш. *sociální dialekt, sociálne nárečie*, пол. *gwara środowiskowa*, в.-луж., н.-луж. *socialny dialekt*; болг.

социален диалект, макед. социјален дијалект., х/с *socijalni dijalekt*, социјално наречје, словен. *socialni dialekt*, *socialno narečje*.

3. Группы субстандарта, относимые к социалектам:

1) собственно профессиональные языки (точнее – лексико-фразеологические подсистемы) охотников, рыболовов, гончаров, деревообделочников, сапожников, шерстобитов и др.;

2) групповые или корпоративные **жаргон** или **сленг** школьников, студентов, спортсменов, военных и других (особенно молодежных) социальных группировок;

3) **тайные** (resp. **условные**) языки или **арго** криминального мира (особенно воровская речь), нищих, торговцев (напр. рус. офеней-коробейников), ремесленников-отходников, бродячих музыкантов (напр., украинских лирников) и т. п. Особая четвертая группа, недавно характеризовавшаяся как "жаргон деклассированных элементов", т. е. речь воров, заключённых и т. п. Ее функциональная близость к тайным языкам, однако, оправдывает рассмотрение воровского арго в составе третьей группы.

4. Сосуществование социолектов с другими формами существования языка – литературным языком, территориальными диалектами, городским койне, просторечием. Русский молодежный жаргон и интержаргон.

5. История разработки и изученность славянских социалектов.

а) Восточнославянские социолекты.

Русские социолекты – многоаспектная изученность.

Белорусские социалекты до сих пор рассматриваются под "тенью" русского.

Украинские социалекты – тайные языки нищих *жебрацька* или *didivська мова*), слобожанских слепцов (*невлів*), бродячих музыкантов-лирников и арго бурсаков – учащихся семинарий (Викторин-Студиньский 1886; 1894; Гнатюк 1896 и др.). О. Горбач.

б) Западнославянские социолекты.

Польские социолекты: (*mowa złodziejska*, *szwargot więzienny*, *złodziejski żargon*, *blatna muzyka*) (К. Dejna, S. Urbanczyk, S. Grabias, A. Furdal; Kania 1995; Czeszewski 2001; NSGU 2004 и др.).

в) Южнославянские социолекты.

Сербские социолекты: от Вука Караджича, В. Ягича до Д. Андрича и др. (Imamij 2000, Gerzić 2000).

Хорватские социолекты: *šatrovački govor (šatra)*. (Sabljak 2001; Vidoviæ 1990; Antoniaæ 1998; Nazor 1997 и др.).

Словенские социолекты; *rokovnjak (plintovska špraha)* (К. Strekelj, J. Benkovic; M. Pleteršnik, F. Miklošic; J. Toporišič).

Болгарские социолекты: "Тарикатско-български речник" и "Речник на българския жаргон" - Армянов 1993; Карастойчева 1978; Karastojčeva 1978; Karastojčeva 1979).

Македонские социолекты: статьи Л. Миновой-Гурковой в общем контексте описания языковой системы и проблем культуры речи.

6. Термины и дефиниции.

Терминологические дискуссии: жаргон, арго и сленг; пол. *żargon argot, slang i język tajny, język specjalny* (Polański 1993, 654); словацк. *argot - slang - hantírka, sociálne nárečie, profesionálne nárečia, profesionálny žargón, mestský jazyk, vrstvový (skupinový) jazyk, mládežnícky [sociálny] jazyk [vel'ko]mesta* и т. п. (Hochel 1993, 13). Хорватское обозначение социолекта – *šatrovački govor* сопоставляется с англ. *slang* и *cant*, фр. *argot* и *langue verte*, нем. *Rotwelsch, Sondersprache, schwarze Sprache, Grüner, Spritzer*, итал. *gergo*, испанск. *germania*, португальск. *calvo*, пол. *gwara złodziejska* (Sabljak 1981, 5-6; 2001, V).

Терминологическая триада: - *Арго – Сленг – Жаргон*

7. Лексикографическое описание социолектов.

Параметризация славянских социолектных словарей.

1) По количественному параметру можно распределить большинство словарей славянских социолектов на **а) малые** (со словником менее 500 вокабул), **б) средние** (со словником от 500 до 3000 вокабул) и **в) большие** (свыше 3000 вокабул). Следует при этом подчеркнуть условность и относительность такого разграничения.

При всей условности предлагаемой количественной параметризации, она дает, как кажется, возможность компактно и информативно представить лексикографическое пространство славянской жаргонографии.

а) Словари малого типа. С них, собственно, и начиналось собирание и накопление соответствующего материала во всей Славии (см. раздел **3**). Количество их не поддается точному исчислению, поскольку множество словариков арго и жаргона публиковалось с XIX в. в труднодоступных изданиях.

в) Словари большого типа.

Этот тип словарей – результат активного сбора материала по славянским социалектам, компиляции и систематизации материалов предшественников и теоретического их осмысления. Такие словари, как правило, создаются, с одной стороны, как лексикографические тезаурусы, с другой, как попытки уложить в прокрустово ложе словаря большой самостоятельно собранный материал отдельных регионов или социальных групп.

с) **Словари смешанного типа**, в которых традиционное арго представлено в одном ряду с современным жаргоном. Основным корпусом таких словарей стал молодежный жаргон, а также лексика таких специализированных социумов, как наркоманы, проститутки и сутенёры, валютчики, картёжные шулеры, спортсмены и др.

д) **Синонимические и идеографические словари славянских социолектов**: 8Leeuwen-Turnovcová – 2003; Никитина 2003; (Ставицька 2003; Андрић 1976; Армянов 1993 и др.

8. Выводы и перспективы.

Обзор исследований и лексикографического описания славянских социолектов показывает, что за последние полтора века они развивались весьма динамично, отражая генеральную линию их развития: от тайных языков и арго замкнутых социальных групп – к молодёжному жаргону, являющемуся основным ресурсом обновления современной речи и литературных языков. Перспективой изучения социолектов остаётся их историко-этимологический анализ на широком европейском фоне (ср. исследования Б.А. Ларина, В.Д. Бондалетова, М.А. Грачева и В.М. О. Горбача, J. van Leeuwen-Turnovcové, Е.С. Отина и др.). Межъязыковое сопоставление позволит также объективно установить соотношение "своего" и "чужого" в системах славянских социолектов, описать их пространственную и хронологическую иерархию, прогнозировать будущее развитие. Выявление доминантных идеографических блоков (resp. структурно-семантических моделей номинации) поможет создать основу для их объективного межъязыкового сопоставления, обнаружит концептуальные универсалии этой сферы лексики и фразеологии и воссоздаст как специфическую для отдельных систем "социолектную картину мира", так и общий европейский и славянский фонд, обеспечивающий их континуитет.

С. Милорадович
(Белград/Ниш)

Субстантивные конструкции, выражающие посессивность в сербских народных говорах, – реинтерпретация исторического развития формальных экспликаций

Тема настоящего доклада инициирована и вдохновлена следующей цитатой Н.И. Толстого: „Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто **вроде развернутой в пространстве диахронии**, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции“ (Н.И. Толстой, *Славянская лексикология и семасиология*,

Избранные труды, Том I, Москва 1997, 15; болд С. М.). Имея в виду тот факт, что географическая распространенность различных формальных экспликаций для выражения значения собственно принадлежности (*kuћа moга оца//моме оцу кућа//на мојега оца кућа*) и т. наз. неотторжимой принадлежности (*сестра мога оца//моме оцу сестра//на мојега оца сестра*) отражает аналогичные процессы в истории балканославянских языков, в данном изложении мы хотели, с помощью материала из четырех сербских диалектных групп, еще раз напомнить о важности исследования диалектологического синтаксиса для выведения достоверных заключений в области исторической диалектологии. Даже материал из отдельных лишь сербских народных говоров с приведенными примерами субстантивных конструкций для выражения посессивности подтвердит цитируемый вывод Н.И. Толстого, видоизменение которого состоит лишь в том, что в данном случае он сужен к сербскому диалектному пространству.

Синтетический способ выражения грамматических значений, как нам известно, считается исходным для славянской языковой структуры. Тем не менее, в определенном периоде произошла смена общеславянской синтетической тенденции и тенденции аналитического характера. Именно рассмотрение материала из четырех сербских диалектов (шумадийско-воеводинского, смедеревско-вршацкого, косовско-ресавского и призренско-тимокского), опубликованного в монографических исследованиях и трудах, посвященных народным говорам, принадлежащим этим диалектным группам, т. е. разбор современного состояния этих отдельных диалектных единиц, позволил более точно установить ход процесса и распорядок явлений в историческом развитии средств выражения семантической категории посессивности в рамках адноминальных конструкций.

Представленные диалектные примеры позволяют определить „динамику формального перераспределения средств“ высказывания притяжательности на территории четырех сербских диалектов, следуя за направлением северо-запад – юго-восток (говоря несколько относительно). Учитывая процитированные полевые материалы из сербских народных говоров, мы устанавливаем синхроническую цепочку, очевидно отражающую (или подражающую) установленный диахронический ряд, ясно свидетельствуя о способе вторжения дательного падежа в существительные посессивные словосочетания – на основании семантической аналогии родительных и дательных падежных словосочетаний: притяжательный родительный → притяжательный родительный//притяжательный дательный → притяжательный дательный → притяжательный дательный//на-конструкция → на-конструкция.

В связи с сказанным, а имея в виду материал из определенных сербских народных говоров, мы четко распознаем процессы прошлого: функции, разделяющие родительный и дательный как два разных падежа, не

могли больше играть роли в тонком распределении их притяжательных употреблений. Два употребления совпали и таким образом создана возможность для того, чтобы один падеж перестал употребляться с определенным значением. Адноминальный притяжательный родительный уступил место адноминальному притяжательному дательному падежу. Специфичная, до недавнего времени почти неизвестная ситуация в т. наз. переходном говоре парачинского Поморавья подтверждает определенным образом „переломный“ момент в развитии *существительный притяжательный дательный* → *аналитическая предложно-падежная конструкция*. Установление существительного притяжательного дательного в качестве полного синтаксического и семантического эквивалента притяжательного родительного обозначает одно переходное звено в „цепочке последовательности“, в которой следующим звеном имело бы быть – создание конструкции с предлогом и нейтрализованной дательной флексией.

Итак, когда речь идет о средствах выражения притяжательности в субстантивных конструкциях, материал из определенных сербских народных говоров, представленный по географическому распорядку (условно говоря) в направлении северо-запад – юго-восток, является подтверждением транспозиции *темпоральности* в *линейность*. Географическая распространенность наблюдаемой языковой особенности представляет собой определенный вид реинтерпретации ее исторического развития.

Н.А. Красовская
(Тула)

Лексико-семантическое поле глаголов мышления (на материале тульских говоров)

Разрабатывая модель лексико-семантического сферического образования диалектных антропоцентрических глаголов, мы определили иерархическую структуру данного образования, которая включает в себя два суперполя, противопоставленных друг другу по ряду семантических и формальных признаков: лексико-семантическое суперполе глаголов физического действия и состояния и лексико-семантическое суперполе глаголов интеллектуально-психического действия и состояния. Они состоят из отдельных полей (ЛСП) и лексико-семантических групп (ЛСГ). Нами были определены области взаимодействия двух указанных суперполей, которые мы обозначили как точки скреп.

На момент проведения исследования в тульских говорах было выявлено 79 ментальных глаголов. Ментальные глаголы, входящие в ЛСП глаголов мышления, относящиеся к лексико-семантическому

суперполю глаголов интеллектуально-психического действия и состояния, не перестают волновать лингвистов.

К **зоне центра** данного ЛСП мы относим глаголы, которые непосредственно обозначают процесс мышления, то есть глаголы с семантикой 'думать'. Эти глаголы не имеют коннотативных сем, стилистических оттенков значения. Морфемная структура единиц центра проста. Инвариантным значением для глаголов зоны центра можно считать значение 'думать, мыслить'. К единицам зоны центра мы относим: **МЕ'НЧИТЬ**. *Стану менчить теперь день-деньской о внучке, как она там одна без сродственников в городе.* (д. Павловка, Одоев.). **МЕ'КАТЬ**. *Мы мекали, мекали, куда ехать ему учиться, так он дома с нами и остался.* (с. Апухтино, Одоев.). **МЯ'КШАТЬ**. *Я мякшаю, нюхательный табак от глаз хорошо, они затуманились, липовый цвет от всей простуды.* (д. Дальне-Русаново, Сувор.). Данные единицы образуют синонимический ряд, в котором невозможно выделить слово доминанту, поэтому весь ряд можно отнести к зоне центра, значения единиц тождественны, их можно считать абсолютными синонимами.

Ядерная зона включает в себя максимальное количество единиц. Инвариантным значением становится значение 'осуществлять различные мыслительные операции и задействовать свойства памяти'. Входят следующие ЛСГ: 1) ЛСГ глаголов, обозначающих разновидности мыслительной деятельности. Данная ЛСГ самая многочисленная среди рассматриваемых. Она включает 37 единиц. Разновидности мыслительной деятельности связаны с общей семантикой 'думать, мыслить', но эта семантика серьезно конкретизируется за счет отдельных дифференциальных сем. Инвариантным значением для глаголов данной группы является значение 'осуществлять интеллектуальную деятельность различными способами'. Например: *пригласи'ться, примсти'ться, выдумля'ть, выму'дривать, уду'мывать, выкабл'чивать*. 2) ЛСГ глаголов, обозначающих процессы, связанные с памятью (включается 6 единиц). Память – свойство психики и умственной деятельности человека, которое связано со способностью накапливать и удерживать информацию. Инвариантным значением можно считать значение 'пытаться использовать активные свойства памяти'. В данной ЛСГ все они указывают на процессы, связанные с потерей активности памяти, с процессами забывания. Например: *блуди'ть, забува'ть, запо'мнить*. 3) ЛСГ глаголов, обозначающих ослабление умственных способностей (включено 7 единиц). Инвариантным значением для единиц, входящих в анализируемую ЛСГ, является значение 'утрачивать способность совершать активные мыслительные операции'. Например: *образума'ть, оголте'ть, сбре'ндить, стю'шиться, коломе'ситься*.

К зоне **ближней периферии** относятся единицы, которые связаны с процессами интеллектуальной деятельности, но либо опосредованно, либо составляют некоторую разновидность данной деятельности. Глаголы данной зоны достаточно тесно переплетаются с глаголами ЛСП глаголов поведения. Однако подобные единицы, на наш взгляд, прежде всего, соотносимы с интеллектуальной сферой, так как среди них выделяются модальные глаголы, которые связаны с выражением возможностей, желаний, намерений, то есть волевыми действиями, а воля – это свойство человека сознательно управлять своими поступками и психикой. Перечислим ЛСГ: 4) ЛСГ глаголов, обозначающих результат мыслительной и интеллектуальной деятельности (входит 14 единиц). Данная группа включает в себя конstituенты, которые обозначают само наличие определенных знаний, умений, результаты принятия решений. Инвариантным значением для данной группы можно считать значение ‘осуществлять действия, являющиеся непосредственным результатом интеллектуальных процессов’. Например: *взуме'ть, зуме'ть, узуме'ть, обмиха'литься, обмишу'ниться*. 5) ЛСГ глаголов, обладающих модальной семантикой (входит 12 единиц). Указанная ЛСГ включает в свой состав элементы, которые выражают модальные отношения, то есть отношения возможности, долженствования, желательности. Инвариантным значением для данной группы глаголов можно считать значение ‘совершать действия, непосредственно связанные с волеизъявлением’. Например: *жала'ться, ма'ни'ться, нала'живаться, напир'ать*.

Таким образом, рассматриваемое нами ЛСП глаголов мышления имеет простую структуру: в нем не выделяются парцеллы, отсутствуют зоны дальней и крайней периферии. Содержательное и формальное взаимодействие представлено в парадигматическом плане наличием синонимических рядов и антонимической пары, в эпидигматическом отношении – незначительными примерами словопроизводства. Абсолютного единства синтагматики также не наблюдается. Применяя параметрическую методику определения семантической частотности, можно говорить о том, что семантика, непосредственно отражающая мыслительные процессы, самая частотная в данном поле, ею обладают 47 единиц из 79.

Л.Н. Новикова
(Тверь)

Транспозиционные словообразовательные типы в тверских говорах

Транспозиция как тип словообразования заключается в том, что вещественное содержание слова без изменения переходит из одной части

речи в другую, получая иную грамматическую характеристику и осложняясь иным категориально-грамматическим значением. В русском языке может происходить транспозиция действия, выраженного глаголом, в существительное; транспозиция признака, выраженного прилагательным, в существительное; транспозиция признака, выраженного качественным прилагательным, в наречие. В отличие от мутации, при транспозиции нет двух предметов мысли, между которыми устанавливается отношение. Здесь налицо лишь один предмет мысли, представленный в ином синтаксическом ракурсе.

Разграничение транспозиции и других видов словообразования Е. А. Земская проводит в терминах синтаксической и лексической деривации. При синтаксической деривации «лексическое значение производных тождественно значению производящих», при лексической деривации «тождество» лексических значений отсутствует [Земская, 180].

Для диалектной архаической речи характерно использование каждого слова в соответствии с его первичным категориально-грамматическим значением, то есть употребление глаголов для обозначения действия/состояния и прилагательных для обозначения признака. Тем не менее диалектные словари дают нам примеры транспозитов – имён действия и имён признака, причём наблюдается явное количественное преимущество производных со значением отвлеченного действия над производными со значением отвлечённого признака. Например, *присуха* – *колдовство, которое привораживает кого-нибудь к кому-нибудь*. «К ей присуху ходят делать, колдовство разное»¹; *провинка* – *провинность, действие, приведшее к наказанию*. «За провинку наказала внучку», «За провинку высылают на сто первый километр»; *проводины* – *отпевание покойника*. «Проводины – отправление в церкви, батюшка молитвы читает»; *продых* – *передышка в каком-нибудь деле, состоянии*. «Помню, скачок забрался за печку – никакой жизни, хоть из ружья стреляй. Он не дал покою, никакого продыху не дал: и стрекочет, и стрекочет»; *пригляд* – *присмотр, надзор*. «Если что-нибудь сделает, который без отца, пригляду за ними нет, его и безбатюшником дразнили», «В прошлом году козы без пригляду ходили», «А где пригляду нет, так и молока нет (о корове)», «Когда дед был, пригляд всё равно был: он чайник мне поставит, как я простыну».

В приведенных примерах словообразовательное значение чаще выражается нулевым суффиксом, что соответствует общей картине представленных в тверских говорах дериватов-транспозитов со значением отвлечённого действия.

Часто имена действия в тверских говорах выступают в одном высказывании с однокоренным глаголом или его лексическим синонимом. При этом транспозит, будучи равнозначен глаголу, выполняет роль повтора и служит средством логического выделения важной для диалектоносителя

информации: *природа* – *прирождение в семье новых родственников, пополнение рода*. «Их было два брата ронных, уже можно было из природы вон жениться», «У ей природа другая, в другом месте природилась, не с еного месту, значит и природова кость у ей другая».

Особенность тверских диалектных транспозитов имён действия заключается в том, что их значение часто балансирует между значением предметности и значением отвлеченного действия. Исследователи объясняют это тем, что «отглагольное имя, будучи полимотивированным, оказывается в той же самой мере многозначным, хранящим потенциальные грамматические способности исходного глагола в латентном состоянии, которое при соответствующем окружении переходит к какому-то иному состоянию, менее замаскированному и скрытому» [Кубрякова, 154]. Например, производное *прируб* употребляется в двух значениях в тверских говорах: 1. *Процесс возведения новых частей дома в дополнение к имеющимся*. «Прирубом буду заниматься, расширяться, пристраиваться, а то тесно стало»; 2. *Брёвна как основа будущего строения, которое возведут*. «Новые брёвна к дому приносят, говорят: я привёз прируб, буду прирубать»; производное *притайка* имеет первое значение – *таяние снега*. «Притайка в начале марта начинается»; и второе значение – *оттаявшее место*. «В марте притаивает, делаются притайки на крышах, когда солнце нагреет сосульки»; производное *проска* мотивируется контекстом, в котором представлены оба значения – и *значение отвлечённого действия*, и *значение текста просьбы, выраженной словами*. «От всех болезней лечить хорошо: по заду детишек бить – ото всего, от проски, когда просит: то ему дай, это дай. Все слова забудит, вся проска вылетит из ума». Из примеров следует, что производящее слово мотивирует производное во всей совокупности своих разнородных значений, и во вновь образованном слове может быть отражено любое из значений его смысловой структуры.

Разные словообразовательные значения по-разному соотносятся со словообразовательными и лексико-синтаксическими средствами выражения. Чем больше разных средств выражения заданного значения, тем меньше используются деривационные средства. Максимально регулярно выражаются транспозитивные словообразовательные значения, так как лексико-синтаксических средств, способных просто поменять часть речи, не добавляя никакого нового «лексического смысла» в языке нет. Тем не менее, транспозиты со значением отвлечённого признака в тверских говорах малочисленны по сравнению с именами действия. И часто значение имени качества осложняется безлично-предикативным значением. Например, производное *просырь* имеет значение *сырость, влажность*, а контекст отражает его функциональную синкретичность: «Рубашка из точи просырь будет всегда – мокрая». В производном *пустошь* реализованы два значения смысловой структуры производящего – *отвлечённого признака, пустота*,

полое нутро чего-нибудь, и предметности, плодородные земли. «Были мялки сделаны латком таким, а в серёдке пустошь, чтоб туда класть волокошко»; «Пустошь только в единоличестве, там сено косили, сарай ставили, в сарай натаскали сена».

В ряде случаев транспозиционное словообразовательное значение осложняется дополнительным модификационным значением интенсивности проявления процессуального признака: *ломь* – *болезнь ног, ломота.* «Ноженьки не ходят, пить дадено от ломи»; *лопотанье* – *пустая болтовня.* «Эта записывает моё лопотанье»; *лопотня* – *грохот, шум.* «Как моют эту посуду в буфете, лопотня идёт. То стаканы залопочут, то тарелки. Грохотня идёт». Или на значение отвлечённого признака накладывается модификационное значение интенсивности его проявления: *кислина* – *очень кислое на вкус.* «Я смороду набрала, она кислина, песку много надо, а и забродит – квасу заведу»; *лихость* – *боль, страдание.* «Все ногти себе сгрыз от лихости, болел очень», «Лихость, болит у него, боль сильна»; *лихота* – *боль, болезнь.* «Это самая лихота страшная, кашель замучил».

Таким образом, изучение типов словообразовательного значения и способов их выражения в разных диалектных зонах даст возможность выявить различия в их территориальном распределении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Современный русский язык: словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
3. Селигер: материалы по русской диалектологии. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004 – 2013. – Вып. 1–5.

¹ Все примеры взяты из словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии»

Н.В. Бурко
(Орел)

О семантических особенностях отдельных географических апеллятивов в народных говорах

Среди географических апеллятивов, зафиксированных на территории Орловщины, наше внимание привлекла лексема **бук**, которая в ряде орловских говоров активно употребляется со значением "овраг".

В русских народных говорах известны две омонимичные словоформы **бук**, одна из которых может быть отнесена к терминологии посуды, другая –

к географической лексике.

Имеется ли связь между значениями слов, принадлежащих к разным терминологическим областям, и если да, то какая? Что является этимологом рассматриваемого субстантива?

Пожалуй, однозначного ответа на поставленные вопросы нет. Начнём с последнего.

В этимологических словарях приведено существительное **бук** "бездонная бочка, в которой парится, щелочится белье", заимствованное из ср-нж-н. *buken* "мыть в горячем щелоке, стирать щелоком" [ЭСРЯП, т. 1, 52, ЭСРЯФ, т. 1, с. 234]. Можно было бы предположить семантический переход по линии "посуда" → "углубление в почве", основанный на сходстве процесса бучения, парения белья с падением сверху, с мельничного колеса, воды в реку (при этом на дне реки вымывается глубокая яма).

Однако с уверенностью утверждать, что **бук** "бочка", "кадка" появилось в русском языке раньше, чем **бук** "глубокое место под колесом мельницы, вырытое водой" у нас нет оснований.

В словарях древнего и старорусского языка [МСДрЯ, СРЯ] лексема **бук** как наименование посуды не зафиксирована, зато отмечены географические значения у однокоренных слов **букавище** "омут под мельничным колесом" [СРЯ, т. 1, с. 351], **бучило** "глубокая яма, заполненная водой" [СРЯ, т. 1, с. 360].

Можно предположить связь лексемы **бук** "глубокое место под колесом мельницы" с древнерусским существительным **бук** "шум" [МСДрЯ, т. 1, ст. 192], которое в свою очередь, на наш взгляд, связано по образованию с глаголом **бучати, бучити**, "реветь" [МСДрЯ, т. 1, ст. 195], "глухо шуметь" [СРЯ, т. 1, с. 360], т. к. падающая сверху вода действительно производит много шума.

Если в качестве гипотезы принять, что в основе семантического развития лежит географическое значение, то значение "посуда" вторично. Нельзя не учитывать и то, что это название посуды, в которой заваривают щелок, а он издает при этом шум, шипение, т. е. сохраняется первоначальная сема "шум". Следовательно, можно предположить как обратную связь лексем: перенос значения по линии "углубление в почве" → "посуда", так и параллельное развитие значений от общей древнерусской основы **бук** "шум".

С другой стороны, появление двух омонимичных словоформ, вероятно, можно объяснить и как результат случайного фонетического совпадения заимствованного слова со значением "посуда" и исконно-русской лексемы с географическим значением.

Интересна и некоторая ареальная противопоставленность значений. Как термин посуды апеллятив **бук** известен и в севернорусских говорах (вологодских, ярославских, костромских, ленинградских и др.), и в

среднерусских (московских) говорах, и в южных (тульских, орловских, курских, донских) говорах. В основном в северных и северо-западных говорах употребительны такие значения этого слова, как "кипячение, парение белья" — ярославские [ЯОС, т. 2, с. 29], вологодские, владимирские, костромские, смоленские говоры; "стирка" — северо-двинские говоры, "белье, которое кипятится в щелоке" — костромские [СРНГ, т. 3, с. 261], ярославские говоры [ЯОС, т. 2, с. 29]. Географические же значения субстантива **бук** и его дериватов (**бўкалище**, **бўковище** и др.) распространены в основном в южнорусских говорах: калужских, тульских, орловских, а также в западных смоленских.

Любопытно, что подобная ареальная противопоставленность наблюдается и в орловских говорах: на северо-западе Орловской области широко известна лексема **бук**, означающая бочку, кадку для отбеливания белья, а на юго-востоке — называющая географические объекты.

Следует подчеркнуть, что, по данным диалектных словарей, в орловских говорах отмечен наиболее широкий спектр географических значений, среди которых наряду с широко известными встречаются собственно-орловские: "яма, заполненная водой", "яма, выбитая поллой водой в овраге, на лугу и т.п.", "овраг" [СОГ, т. 1, с. 105–106].

Природные объекты с течением времени могут меняться. Яма, выбитая поллой водой в овраге или на лугу, под воздействием талых вод и дождей, в результате ветровой эрозии почвы и пр. постепенно увеличивается как в глубину, так и в ширину и превращается в овраг, или же это приводит к расширению дна уже существующего оврага, росту его глубины (яма как бы "сливается" с оврагом).

Можно предположить несколько путей появления значения "овраг" у слова **бук**. С одной стороны, возможен перенос названия с одной географической реалии на другую, большую по размерам, но сходную по форме и характеру образования. С другой стороны, в результате осложнения географического объекта (оврага) второстепенными неровностями (ямами) возможен метонимический перенос названия с элемента географической реалии на весь объект. А также возможно сохранение названия за реалией, которая с течением времени претерпела изменения.

Однако в основе развития значения может лежать не только непосредственная мотивация, но и опосредованная. Овраг — это чаще всего сухая яма в земле, но выбита, вымыта она водой. Следовательно, в основе названия может лежать образ падающей сверху воды, которая вымывает под мельничным колесом омут.

ЛИТЕРАТУРА

МСДрЯ — Срезневский Н.Н. Материалы для словаря древнерусского языка. — Т. 1-3. — М., 1958.

- СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. — Вып. 1-4. — Ярославль, 1989-1991. Вып. 5-15. — Орёл, 1992-2008.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Вып. 1-26. — Л.: Наука, 1965-1991. Вып. 27-41. — СПб.: Наука, 1992-2007.
- СРЯ — Словарь русского языка XI-XVII в.в. — Вып. 1-28. — М.: Наука, 1975-2008.
- ЭСРЯП — Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. — Т. 1-2. — М., 1959.
- ЭСРЯФ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 1-4. — М., 1986-1987.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Г.Г. Мельниченко. — Вып. 1-10. — Ярославль, 1981-1991.

Т.И. Вендина
(Москва)

Общеславянский лингвистический атлас и актуальные проблемы славянского сравнительно-исторического языкознания

Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА) является грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. Благодаря ОЛА славистика вышла за рамки национальных филологий, и, преодолевая атомарность и поверхностность отдельных славистических штудий, обратилась к изучению праславянских явлений в общеславянском масштабе.

Работа над созданием ОЛА продолжается уже более 50 лет. Несмотря на то что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать восемь томов фонетико-грамматической серии — «Рефлексы *ѣ» (Београд, 1988), «Рефлексы *е» (Москва, 1990), «Рефлексы *о» (Warszawa, 1990), «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006), «Рефлексы *о» (Москва, 2008), «Рефлексы *е» (Москва, 2012) и семь томов лексико-словообразовательной серии («Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Мінск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), «Человек» (Kraków, 2009), «Сельское хозяйство» (Bratislava, 2012) и это при том, что в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать пять лет.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международного проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа лексико-словообразовательной серии («Обычаи и обряды», «Степени родства» «Пути сообщения, транспорт», «Ландшафт и метеорология» и др.) и фонетико-грамматической серии («Рефлексы *а», «Рефлексы *і, *у, *ц», «Рефлексы *tort, tert, tolt, telt», «Местоимения», «Существительные» и др.).

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, и этот языковой материал является главным итогом международного проекта. Публикация Атласа доказала, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможно без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии.

Вместе с тем работа над Атласом высветила некоторые проблемы современной славистики, которые требуют своего решения.

1) ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРЕАЛОВ

Карты Атласа, с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений, требуют сегодня глубокого анализа, так как они являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам. Эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка. Для понимания истинного характера ареальных связей славянских языков необходимо научиться «читать карту». Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической

географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

Создание Общеславянского лингвистического атласа, накопление изоглосс самого разного характера даст возможность ответить на вопрос, ЧТО в диалектной структуре современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а ЧТО сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

2) ПРОБЛЕМА ФОНЕТИЧЕСКОЙ СУБСТИТУЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЕДИНИЦ

Благодаря материалам ОЛА по-иному высветилась проблема фонетической субституции праславянских единиц. Так, в частности, публикация фонетического тома «Рефлексы *ѣ» позволила критически оценить высказанные ранее гипотезы о природе *ѣ и ответить на два принципиально важных вопроса, а именно: 1) какова была фонетическая сущность *ѣ (являлся ли он дифтонгом или был монофтонгом); и 2) что представлял собой *ѣ в артикуляционном отношении (если это был дифтонг, то каковы были его компоненты, если монофтонг, то каково было его качество).

Материал фонетических томов Атласа говорит о том, что фонетическая система праславянского языка была чрезвычайно сложной и при этом диалектно дифференцированной. Включение в систему доказательств фактора пространства позволяет не только определить фонетическую сущность праславянской единицы, но и является убедительным свидетельством отсутствия единого в фонетическом (как, впрочем, и в лексическом) отношении «праславянского наречия» (Мейе), из которого традиционно выводились все славянские языки.

3) ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Фонетические тома Атласа, посвященные редуцированным, заставляют по-другому взглянуть и на проблему, которая до сих пор в славистике казалась давно уже решенной, а именно на оценку их «сильной» и «слабой» позиции. Карты ОЛА показывают, что в восточнославянских диалектах правило Гавлика в т.н. «слабой» позиции перед слогом с гласным полного образования «не работает», поскольку в этой позиции прослеживается вокализация «слабых» редуцированных (см., например, карты **drъva*, **stъklo* и др.). Карты Атласа свидетельствуют о том, что традиционно принятые аргументы при объяснении этого фонетического явления теряют свою объяснительную силу, как только в систему доказательств включается фактор пространства. Ярким примером может служить вокализация редуцированных в формах типа **тѣха* (тоха), которая

засвидетельствована практически повсеместно в западно- и восточнославянских диалектах, а также в словенских и некоторых сербских. Это доказывает возможность фонетического обоснования развития редуцированных в данной праформе и подрывает традиционную точку зрения о влиянии морфологической аналогии.

4) ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Не менее важным является и другой аспект фонетико-грамматической серии Атласа – синхронно-типологический, который высвечивает проблемы типологии фонетических процессов. Во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся типологические карты, репрезентирующие фрагменты языковой системы. Они посвящены исследованию таких вопросов, как влияние консонантного окружения, вокального количества и ударения на рефлексию праславянских вокалов. Эти карты продемонстрировали, как важен учет данных параметров при изучении рефлексии праславянских гласных, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий.

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт ОЛА позволит в будущем описать механизм развития многих праславянских гласных и «нащупать» внутренние связи сходных по своим результатам рефлексий (например, **ě* и **e*), что в конечном итоге позволит создать типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов.

5) ПРОБЛЕМА РЕЛЕВАНТНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Не менее важной является и лексико-словообразовательная серия Атласа. Выход в свет семи томов этой серии заставляет по-иному взглянуть на проблему релевантности данных лексики для изучения вопроса о диалектном членении праславянского языка.

Известно, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к лексическим фактам как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Отсюда и отсутствие должного внимания к изучению лексического уровня праславянского языка методами лингвогеографии.

В этих суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н.С. Трубецкого и др. ученых, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже – в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками.

Однако все эти аргументы не выдерживают серьезной критики. Открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является довольно относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции. Это сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это хорошо видно на картах ОЛА, которые продемонстрировали высокую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

Материалы Атласа доказали, что оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, дает исследователю возможность быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения родственных диалектов праславянского языка, нежели при использовании фонетических данных. Поэтому сегодня лексический материал не только не должен игнорироваться в сравнительно-исторических штудиях, но и активно привлекаться как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.

6) ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Публикация томов лексико-словообразовательной серии Атласа дает основания для нового взгляда и на проблему лексического фонда праславянского языка. Известно, что праславянская «словарная коллекция» долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков, чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду, в связи с чем лексический состав праславянского языка из-за отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам воспринимался не дифференцированно.

С выходом в свет ОЛА ситуация в корне изменилась. Каждый лексико-словообразовательный том Атласа содержит в себе целую серию древних лексических диалектизм, имеющих нередко эксклюзивные сепаратные связи. Наличие этих изоглосс придает Атласу статус особо ценного источника сравнительно-исторических и этимологических штудий. В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью

достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную – рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, став бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов.

7) ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ МОТИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ

Атлас содержит уникальный материал и для решения проблемы типологии мотивационных признаков, о чем свидетельствуют мотивационные карты ОЛА. Пока удельный вес этих карт в Атласе сравнительно невелик, однако число их в каждом томе увеличивается. Ценность их определяется тем, что, эксплицируя внутреннюю форму того или иного слова, они позволяют выявить некоторые типологические универсалии. Разработка типологии мотивационных признаков, выявление устойчивых моделей мотивации открывает большие перспективы в картографической проекции языка духовной культуры славян. Расширение практики мотивационной картографии позволит отвлечься от формальных различий между языками и сосредоточиться на сходных или одинаковых идеологических и культурных представлениях при исследовании «мотивационного метаязыка», общего для всех славян.

8) ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Обосновывая идею создания ОЛА, А. Мейе в своем докладе на I съезде славистов предлагал рассматривать славянские диалекты в аспекте единого языка, т.е. речь шла не об атласе различных славянских языков, а об атласе единого славянского языкового континуума в его противопоставлении романским и германским языкам. Это значит, что публикация ОЛА требует осмысления terra Slavia с позиций славянской диалектологии. Закономерно встает проблема релевантности диалектных признаков, которые должны быть положены в основу классификации славянских диалектов с целью выявления междиалектных сходств и различий.

9) ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА

Одной из важнейших задач Атласа является задача определения прародины славян. Пока Атлас не может дать ответ на этот вопрос. Решение его затруднено прежде всего тем обстоятельством, что практически все вышедшие тома Атласа (за исключением трех последних) имеют лауну в виде болгарского материала, что делает какие-либо предположения и выводы по этой проблеме не вполне корректными. Думается, что устранение этой лауны в последующих томах Атласа поможет найти ее решение.

Этому в немалой степени должна способствовать и разработка методологии пространственно-временной интерпретации изоглосс. Она даст

возможность соотнести материал, представленный на картах, с различными гипотезами славянской прародины. Тем самым материалы Атласа позволят перевести дискуссию о славянской прародине из плана абстракции в план конкретного сравнительного анализа лексем, имеющих праславянское происхождение. Фактов для этого накопилось уже достаточно.

Во всяком случае, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что если раньше при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то с созданием ОЛА она получает твердые основы и достаточно убедительную аргументацию. Информация, содержащаяся на картах Атласа, бесспорно, явится прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Е.М. Коницкая
(Вильнюс)

Проблемы изучения русских говоров Литвы

Изучение русских говоров Литвы началось в 50–60 гг. XX в. Этой проблематике было посвящено около ста работ, большая часть которых написана такими исследователями, как В.Н. Немченко, О.Н. Шулене, М.К. Сивицкене, Е.З. Марченко, Н. Алексеева, Б.М. Синочкина, В.Н. Чекмонас, Н. Морозова¹. Изучение русских говоров Литвы проходило по направлениям: 1) история и территория первоначального расселения, 2) связи русских говоров Литвы с говорами других территорий; 3) описание языковых уровней (фонетики, морфологии, словообразования и синтаксических явлений), 4) языковые контакты с литовским, польским, белорусским языками. В результате изучения русских говоров в Литве к сегодняшнему дню получены важные выводы, требующие дальнейших уточнений и исследований.

1. Положение о распространении русских говоров в Литве было сформулировано одним из первых исследователей русских говоров Литвы В.Н. Немченко: «большинство русских старожилов – потомки русских беженцев, переселившихся в Литву в период после реформы», проведенной Никоном в сер. XVII в. (Немченко 1961, 12); русские говоры Литвы, сформировавшиеся до переселения предков этого населения в Литву из соседних областей России, «зафиксировали архаическое состояние русского языка на период конца XVII – начала XVIII вв.» (там же, 228).

На основе выявленных фонетических, морфологических и синтаксических черт (формы род. п. мн. ч. на *-ов*, совпадение форм предл. и

твор. пад. ед.ч. м. р., формы сравнит. степени *тоноше, моложе, доложе*; местоименная форма *ёну*; отсутствие окончания -т в 3 л. ед.ч.; повелит. форма типа *положь, положьте* и др.) и по особенностям лексики установлена общность русских говоров Литвы с говорами Латгалии (Латвии) и отчасти Эстонии, а также их особая близость к псковским говорам (Немченко 1961, 117; см. также работы О. Шулене и др.). Сходство многих синтаксических явлений в русских говорах Литвы с фактами др.-рус. языка, наряду с их распространением на других территориях, отмечены О. Шулене (напр.: «... конструкция типа «ему горячка была», «ему руки болят» принадлежат к числу очень древних явлений, исчезнувших в современном русском языке и сохранившихся в некоторых говорах: ахангельском, брянских, русских говорах на территории Латвии, широко употребляется в литовском языке (Шулене 1964, 57)); приводятся примеры соответствия диалектных конструкций с конструкциями из др.-рус. текстов (напр, *ехать конем, работал колесом* и *курае придоша коньми* (там же, 78)). Факты таких соответствий требуют их последовательного соотнесения с конкретными локализованными др.-рус. памятниками в целях уточнения решения вопроса о происхождении и истории русских говоров Литвы.

2. Исследования 60–70-е гг. XX в. на основе материалов регулярно проводимых в то время экспедиций в места компактного проживания старообрядцев во многих районах Литвы (под руководством доц. кафедры русского языка Вильнюсского ун-та М.К. Сивицкене) подтвердили общность ряда лексических, морфологических особенностей русских говоров Литвы с псковскими, а также с белорусскими говорами. Однако монографических описаний русских говоров Литвы не было, а материалы этих экспедиций по большей части остались неопубликованными, что делает актуальной проблему публикации сохранившихся рукописных материалов из разных местностей Литвы — записей диалектологических экспедиций, зафиксировавших состояние русских говоров на период второй половины XX в.

3. В статьях проф. В.Н. Чекмонаса и Н. Морозовой рубежа веков отмечалась слабая изученность фонетики старообрядческих говоров, невыявленность морфологических различий между русскими говорами Литвы. На примере конкретных говоров впервые были описаны основные общие фонетические черты староверческих говоров Литвы (сильное аканье-яканье; твердое *ч* псковского типа; мягкие «шепелеватые» *с*, *з* псковского типа, почти тождественные белорусским), дифференцирующие их от старожильческих (православных), характеризующихся разнообразным вокализмом (напр., диссимилятивное аканье-яканье, возможно, витебского типа: *пъцан, пька, вьда, но вадой, змлэй, бирош, нивеста, но бялиц* и т. д. в слободских говорах православных переселенцев XIX в. (дер. Дубеная Кельмеского р-на); отсутствие яканья в говоре дер. Ужусалая Йонавского р-на, образованной выходцами из разных местностей России и др.) (Морозова,

Чекмонас 2007, 60–61). Были выявлены зоны (Рокишкская, Зарасайская, Йонавская, Игналинско-Видзовская и Швенчёнско-Лынтупская), а также Вильнюсский, Радвилишкский и Кельмесский ареалы распространения старообрядческого населения (Морозова, Чекмонас 2007, 53–58; см. также: Морозова 2011), Выделенные зоны нуждаются в лингвистическом описании, установлении различающих эти зоны языковых особенностей.

4. В связи с проблемой времени появления староверческих говоров В.Н. Чекмонас отмечает, что, по некоторым данным, «русские бежали в западное зарубежье и до раскола, и поток этот не был демографически незначимым; исход же старообрядцев только усилил уже сформировавшийся миграционный поток, но не был его началом» (Чекмонас 2000, 137). Отсутствие цоканья в русских говорах Литвы, по мнению исследователей, позволяет предполагать существовании первичного центра — скопления старообрядческого населения уже к середине XVIII в., где цоканье начало устраняться как непрестижное (Морозова, Чекмонас 2007, 63). Проблему диалектной основы традиционного говора литовских старообрядцев предлагается решать методами лингвистической географии, и на основе пучка фонетических, морфологических, лексических изоглосс (диссимильативное аканье-яканье, второе полногласие, название цепа (*привязь — цевина*), система т. наз. перфектных форм на *-шы, -фшы, -чы (цы)*, формы сравн. степени на *-оше* типа *лягоше, таноше* и др. (там же, 64–68) делается вывод о том, что есть «веские основания ограничить поиски прародины традиционного говора старообрядцев территорией южной части совре. Псковской области и центральной частью псковского диалекта вообще к югу от линии Опочка-Новоржев, несколько к северу от Великих Лук и Торопца» (там же, 68). Следующим этапом работы должно стать сопоставление выявленного единого лингвистического ареала с историческими границами государственно-политических образований, что позволило бы, по всей видимости, продвинуться дальше в изучении русских говоров Литвы.

5. В современной ситуации, когда в силу исторических событий последних десятилетий традиционные староверческие говоры в Литве стремительно разрушаются, а православные практически исчезли, изучать их становится все труднее. Отсутствие курса диалектологии и истории и языка в университетских программах, прерывающаяся традиция изучения русской диалектологии в Литве, а также во многом разорванные связи между учеными разных стран также затрудняют исследование сложных вопросов русской диалектологии в Литве. Между тем продвижение вперед в изучении русской диалектологии Литвы предполагает тесное международное сотрудничество ученых Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии и России, поскольку это важно не только для истории говоров в Литве, но и для русской диалектологии и истории русского языка в целом.

Литература

Морозова Н., Чекмонас В.Н., 2007: Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения, in Новиков Ю. (сост.), *Фольклор старообрядцев Литвы*, т. 1. Сказки. пословицы. Загадки. Вильнюс, 51–70.

Морозова Н., 2001: Литовское старообрядчество: история, культура, язык (библиографический указатель), *Slavistica Vilnensis* 2001 (Kalbotyra 50(2)), 195–218.

Морозова Н., 2011: Староверы Литвы: места компактного проживания в прошлом и настоящем, in *Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения*. С.-Петербург, 248–259.

Немченко В.Н., 1961. *Говор русских старожилов Ионавского района Литовской ССР*. Дисс.... кандидата филол. наук. Вильнюс.

Чекмонас В.Н., 2000: Об основных этапах социолингвистической истории старообрядчества Литвы, in *Языки диаспоры: проблемы и перспективы*. Тарту, 2000, 135–147. (Труды по русской и славянской филологии: лингвистика. Новая серия, III).

Шулене О.Н. 1964. *Синтаксис русского говора Зарасайского района Лит. ССР* (простое предложение). Диссертация кандидата филологических наук, Вильнюс.

¹ В собранной на 2001 г. библиографии работ по русским говорам Литвы (Морозова 2001) представлено 78 позиций. За истекшие 12 лет к ним добавилось всего несколько работ (Н. Алексеевой, Б.М. Синочкиной, Н. Морозовой и В. Н.Чекмонаса, Н. Морозовой).

В.Н. Гришанова
(Орел)

К вопросу фиксации в словарях диалектных фразеологизмов

Несмотря на значительное количество вышедших в свет фразеологических словарей, отражение в них фразеологических единиц (ФЕ) представляет сложную задачу, особую сложность представляет фиксация диалектных ФЕ, хотя практика эта уже имеет определенную традицию, смотри, например, фиксацию диалектных ФЕ в «Словаре русских народных говоров», «Ярославском областном словаре», «Словаре орловских говоров» и др.

Сложности возникают прежде всего при определении значения диалектной ФЕ и её общекатегориального значения, из чего проистекают трудности формулировки дефиниций. Связано это с устной формой существования диалектной ФЕ, с влиянием экстралингвистических факторов, с предельной свернутостью контекста (контекстом для коммуникантов выступает внеязыковая ситуация, т. к. именно она зачастую определяет употребление ФЕ в диалектной речи), с фоновыми знаниями, не известными собирателю языкового материала.

Диалектная ФЕ может означать понятие, существующее в народном языковом сознании, но не выраженное средствами литературного языка, как у микроидиомы *с амежкой*. В этом случае возникает необходимость вербального выражения этого понятия. В тех случаях, когда диалектная ФЕ означает понятие, имеющее в литературном языке вербальное выражение, сформулировать её значение бывает не менее трудно, т. к. семантический объем диалектного фразеологизма может быть гораздо больше соответствующей литературной единицы языка. К примеру, значение ФЕ *блуд напал* – 1. 'То же, что *блудить* 2' [*блудить* – 2. 'Бродить в поисках дороги, плутать, блуждать' (СОГ 1: 79)] *Блуд на mine напал, хадильпа лесу, ни магла дому найти* (СОГ 1: 78). Фразеологическое значение по своему объему отнюдь не равно представленному в дефиниции. Дело в том, что эта ФЕ употребляется в том случае, когда рассказчик считает, что человек не просто не находит дороги (т.е. блуждает, плутает) – он не может этого сделать, т.к. потерял ориентацию, поскольку оказался во власти неведомой силы, которая захватила его и не хочет отпускать.

Таким образом, при определении значения диалектной ФЕ в словарной статье не только уместно, но порой необходимо давать подробное описание образной основы, на базе которой формируется фразеологическое значение, вводить указания на ментальные, культурные, мифологические, символические и под. компоненты семантики; данные, касающиеся речевой ситуации, в которой употребляется ФЕ, – т.е. давать описание семантического объема единицы, а не дефиницию в строгом значении.

Такой подход может вызвать возражения, т. к. в известной мере нарушает общепризнанное лексикографическое правило, что дефиниция должна соответствовать категориальному значению языковой единицы. Однако определение и категориального значения диалектной ФЕ зачастую не бывает простым. Так, ФЕ *грех неотмолённый* по форме (с учетом грамматически главенствующего слова) – субстантив, по семантике – междометное выражение, т.к. служит для выражения недовольства кем-л., мягкого укора: *Тань, апать ты маи тапки схватила, вот грех-ть ниатмаленный. / Што и ты надельл, у-у, грех ниатмаленный! Ваду разлил.* Грамматическая форма компонентов и категориальное значение диалектной ФЕ совпадают далеко не всегда. Так, ФЕ *с близкой руки* – 'Используя

знакомство, связи' построена по модели прилагательное + существительное, но функционирует как наречие: *Там усё з блискѣй руки дельтица* (СОГ 1: 77). При определении категориального значения ФЕ, и в особенности диалектной ФЕ, существенную роль играет синтаксическая функция, а не грамматическая форма компонентов, и сложность определения категориального значения связана со своеобразием синтаксиса в говорах, т.к. это синтаксис речи, да ещё и речи диалектной.

Описательная форма репрезентации семантики диалектной ФЕ может дать большее представление и о значении языковой единицы, и о характере её функционирования. Она позволяет также более широко представить отражающееся в диалектной ФЕ отношение говорящего к объективной действительности, экспрессию, эмоции, различного рода значения одобрения, неодобрения, восхищения, осуждения, брани, проклятие, пожелание и т.д., что тем не менее не снижает значимости вопроса о системе помет при диалектной ФЕ. Кроме того она позволяет ввести порой крайне необходимые сведения этнографического характера, как, например, при единицах *английский крест, анна стреченья, навойная пришива* и т. п.

Особую сложность представляет разграничение и фиксация в словаре вариантов и синонимов диалектных ФЕ. Вопросы вариантности ФЕ не единожды поднимались в лингвистической литературе, им были посвящены научные конференции, по ним разворачивались дискуссии, и если в литературном языке эти вопросы всё ещё остаются открытыми, то в диалектной фразеологии они стоят гораздо более остро. Даже тогда, когда, казалось бы, ясно, что единица функционирует в вариантных формах, остается вопрос о её вариантности при том условии, если, к примеру, фонетические разновидности встречаются в разных говорах: *алилѣшныя (алюлѣшные) песни - Алилѣшныи играя песни хърашо. Лив. // А девки играют алюлѣшныи песни. Долж. (СОГ 1: 40).*

Тем более сложен вопрос, когда речь идет о лексическом варьировании ФЕ. Строго говоря, лексическими вариантами диалектной единицы можно считать лишь те единицы, которые, будучи структурно однотипными и различающимися одним компонентом, функционируют в одном говоре. *Бобыля бить (валять) 'Бездельничать' Хватить тебе бобыля бить. Лив-86 // Будить хадить бобыля валять. Лив-86 (СОГ 1: 80).*

Если же сходные по структуре и составу компонентов, но всё же отличающиеся одним из них ФЕ фиксируются в разных говорах, то расценивать их как варианты проблематично, потому что ФЕ, функционирующая в одном говоре, в другом может быть не известна, т. к. может быть не известен в этом говоре компонент-фразеолекса, которым различаются ФЕ, поскольку названное им явление обозначается другим словом. Ср.: *антихрист тебя возьми. Знам-7 (СОГ 1: 45); анцибал тебя*

забери. Орл-44 (СОГ 1: 45); *анчутка тебя забери*. Дмитр-10 (СОГ 1: 46); *аредный его возьми*. Хот-2 (СОГ 1: 46).

Вопрос, в частности, состоит в том, что считать единой системой, в пределах которой ФЕ может быть расценена как вариантная: говор, группа сходных говоров или диалектный язык в целом, если принять точку зрения о существовании такового. Видимо, при этом следует исходить из того, что фиксируется в словаре: говор (как в словаре д. Деулино), группа говоров (как в Словаре орловских говоров), русский диалектный язык (как в Словаре русских народных говоров). Исходя из этого, мы вправе рассматривать вариантность шире, учитывая наличие определенных групп говоров, в той или иной мере отличающихся или противопоставленных другим говорам, как, например, орловские говоры ярославским или южные говоры северным. И уж совсем широко можно рассматривать варьирование, если принять точку зрения о существовании диалектного языка. Но и в этом случае остается вопрос о разграничении лексических вариантов диалектных ФЕ и синонимов. Опыт создания Словаря орловских говоров показывает сложность этой проблемы. Сравним: ФЕ *дать дробака* и *дать плясака* зафиксированы как синонимы (СОГ 3: 45), с другой стороны, *анчихрист* (*антихрист*) *тебя возьми* (*разбей*) – как вариантная ФЕ (СОГ 1: 45).

Думается, что вопрос в пользу вариантности диалектных ФЕ может быть решен в том случае, когда фиксируются не только структурно однотипные ФЕ с одинаковым общекатегориальным значением, но, главное, единицы, имеющие, несмотря на отличие одного из компонентов, **одинаковую образную основу**, т. к. именно образная основа является базой формирования фразеологического значения. В силу этого ФЕ *дать дробака* и *дать плясака*, представленные в СОГ как синонимы, являются вариантами одной единицы *дать дробака* (*плясака*), тем более что они функционируют в одном районе.

Между тем одно и то же явление объективной действительности может быть образно осмыслено по-разному представителями даже одного населенного пункта, т. е. носителями одного говора в самом узком его понимании. В этом случае на базе разных образных основ формируется сходное фразеологическое значение – в говоре возникают синонимичные ФЕ. Так, полевую гвоздику в орловских говорах называют синонимичными ФЕ *божьи звёздочки* и *божьи слёзки*: *А еть божьи слёски, или божьи звёздъчки*. Знам-10 (СОГ 1: 83).

Практика фиксации диалектных ФЕ в словарях ставит перед составителями множество вопросов, которые всё ещё ждут изучения и требуют серьезного теоретического обоснования.

Лексикографические источники

СОГ – Словарь орловских говоров. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991; Вып. 5–14. Орел, 1992–2003.

С.В. Барацевич

(Орел)

Названия туловища человека в орловских говорах

Лексика, называющая части тела человека, представляет интересный материал, который может быть использован при описании не только лингвистических, но и других, в частности этнографических, проблем.

Интерес к изучению номинации частей тела человека в орловских говорах продиктован рядом причин, одной из которых является стремление понять, как при помощи языковых средств отражаются народные взгляды на устройство человеческого тела. В более широкой перспективе анализ анатомических представлений позволяет понять, какое место, по мнению носителей языка, занимает человек в окружающем мире, противопоставляет ли он себя ему или же рассматривает себя как неотъемлемую часть этого мира.

Анализ фактов номинации диалектных анатомических объектов показывает, что большую роль в восприятии и означивании диалектоносителями частей человеческого тела играет внешний облик или «внешний человек». Зрительные восприятия и наблюдения достаточно обширны. На их основе формировались знания о внешних органах. Эти знания нашли разнообразное языковое выражение, в том числе и в выборе способов номинации того или иного соматонима.

В народных анатомических представлениях тело человека рассматривается как цельно функционирующий организм, несмотря на то, что имеет место зрительное отграничение головы, верхних и нижних конечностей от туловища. Границы частей тела проходят по местам сгибов крупных суставов, а наиболее значимые участки, такие как голова и конечности, воспринимаются «приставленными» либо «растущими» из туловища. Отсюда небезызвестные для ситуаций бытового общения споры на тему, какая часть тела откуда «выходит», «растет». Разнообразные ответы на эти вопросы показывают, что для обычного человека, неспециалиста в области научной анатомии, при выделении частей тела важную роль играют именно зрительно воспринимаемые границы между отдельными участками, а не строение опорно-двигательного аппарата, мышечной системы и т. д. Отчасти такое представление связано с тем опытом, который носители языка получали, сталкиваясь с ситуациями утраты человеком различных участков тела. В народное сознание прочно вошло понимание того, что,

утрачивая конечности вплоть до места их соединения с туловищем, человек может выжить, если же серьезно травмировалось туловище, то человек обычно умирал, поэтому, с точки зрения наивной анатомии, туловище – это единая часть тела.

Анализ диалектной анатомической лексики показывает, что народное представление о теле не сводится к зрительному восприятию тела как анатомического объекта. В ряде случаев важными аспектами являются функция, форма, расположение участков тела. Это может быть основанием для семантической детализации уже имеющихся лексем и появления новых слов в языке.

Центральной в анатомическом отношении частью тела человека является туловище. В научной анатомии под туловищем понимают часть тела, на которой различают четыре области (грудь, живот, спина, промежности) [1, с. 58]. В некоторых учебниках по анатомии человека к туловищу относят и шею на том основании, что скелет туловища образован костями позвоночника, одним из отделов которого является шейный отдел (М.Г. Привес, И.В. Гайворонский). В орловских говорах шея не воспринимается как самостоятельная часть тела, так как выступает границей, отделяющей голову от туловища. Доказательством тому может служить номинация участка тела, находящегося на границе верхней части спины и шеи, который называется *загрювок*, который в орловских говорах называется лексемой *шкварки* [3].

В орловских говорах туловище называется лексемами *ту́ло*, *ту́лице* (*ту́лица*), *ту́ловка*, *ту́лово* [6, вып. 15, с. 174], *самова́р* [6, вып. 13, с. 24]. Если в научной анатомии туловище рассматривается как часть тела, то для диалектоносителей понятия *туловище* и *тело* часто являются синонимичными. Выделение туловища в качестве самостоятельного объекта номинации происходит только в том случае, если, по мнению носителей языка, оно имеет какие-либо отличительные особенности строения или является непропорционально большим / маленьким по отношению к конечностям.

Понятия *туловище* и *тело* по-разному употребляются в общенародном языке и в орловских говорах в том случае, когда речь идет о локализованных и нелокализованных болевых ощущениях. Нелокализованные болевые ощущения в общенародном языке обозначаются фразой *тело болит / ломит*. Если же необходимо указать на боль в конкретном внутреннем органе или группе мышц, то люди, не принадлежащие к конкретной диалектной среде, используют слово *туловище*.

Иная ситуация наблюдается в орловских говорах. При указании на боль во всем теле носители языка употребляют диалектизмы, называющие туловище, поэтому можно сказать, что оно рассматривается в двух аспектах: как анатомический объект и как синоним понятию тела. Неразграничение в

народном сознании представлений о теле и туловище отмечает и Н.Е. Мазалова «Тело – это «весь состав человеческий», все внутренние и внешние органы ... Слово «туловище» также может обозначать все внешние и внутренние органы; оно также имеет значение только определенной части тела» [4, с. 13] – «тело без головы, без рук и без ног, кроющееся (тулящее) в себе полости: грудную, брюшную и тазовую, со всеми черевами их» [2, т. 4, 441].

Интерес представляют словообразовательные процессы, которые имеют свои особенности в группе диалектных соматонимов, называющих туловище человека. Эти особенности обусловлены тем, что в говорах сохраняются, функционируют, вступают в живые связи архаичные слова, ушедшие из современного русского языка.

Форма туловища также может служить поводом для номинации путем метафорического переноса наименования предмета кухонной утвари – самовара – на туловище человека. Такие ассоциативные связи объясняются тем, что у самовара как неотъемлемого элемента крестьянского быта собиралась вся семья. Внешнее сходство дополняется представлением, что, туловище — это центральная в анатомическом отношении часть, которая тоже как бы собирает вокруг себя остальные части тела. Диалектизм *самовар*, по данным СРНГ, употребляется не только для номинации туловища, но и называет человека, утратившего верхние и нижние конечности: *А самоваров сколь привезли, ни рук ни ног нет* [7, вып. 36, с 78].

Таким образом, лексемы, называющие туловище человека в орловских говорах, имеют ряд особенностей по сравнению с общенародным языком. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что диалектоносители нечетко дифференцируют понятия *тело* и *туловище*. Лексемы, называющие туловище, в некоторых случаях используются как синонимы понятия *тело*. Эта особенность отражает древние анатомические представления, ранее существовавшие в сознании большинства русских людей и до настоящего времени сохраняющиеся в диалектах.

Другая немаловажная специфика функционирования группы диалектных соматонимов, называющих туловище человека, проявляется в словообразовательных процессах. В них наиболее ярко отражаются живые связи, в которые вступают архаичные слова, ушедшие из общенародного языка, но активно употребляющиеся в речи диалектоносителей.

Литература

1. *Гайворонский И.В.* Нормальная анатомия человека. Т. 1: Учебник для мед. вузов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СпецЛит, 2001. 560 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. IV. Офрмл. «Диамант». СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
3. Картотека Словаря орловских говоров. Хранится на кафедре русского

языка Орловского государственного университета.

4. *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 192 с.

5. *Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И.* Анатомия человека. Учебник для студентов мед. институтов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1985. 672 с.

6. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 13, 15. – Орел, 1992–2003.

7. Словарь русских народных говоров [Текст]. Вып. 36. – СПб.: Наука, 2002.

М.В. Флягина
(Ростов-на-Дону)

**Особенности семантических сдвигов
в народных географических названиях
(на материале донских говоров)**

Проблема исследования семантических переходов, или, по другому определению, сдвигов, неоднократно привлекала исследователей языка. Хотя исчерпывающей классификации семантических переходов в какой-либо сфере лексики пока не создано, во многих работах в той или иной степени затрагивается эта проблематика. В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» дано следующее определение термина «семантический сдвиг»: «переход от видового значения к другому видовому значению в пределах одного рода, замена соподчиненным значением, ...обычно результаты семантического сдвига «смещения» наблюдаются как смысловое расхождение между несовпадающими языковыми подсистемами (например, диалектами) или историческими состояниями языка».

Исследования народной географической терминологии показали, что семантические сдвиги внутри известной группы обусловлены, как правило, сходством или смежностью географических реалий, а также динамикой их развития. Н.И. Толстой отмечал, что «богатство семантического спектра отдельных лексем и лексических групп... может быть интерпретировано как ряд или цепь семантических сдвигов и шагов ..., они затрагивают все сферы географической терминологии с переходом одного класса в другой» [Толстой, 242]. Как известно, семантические переходы могут быть односторонними и двусторонними, универсальными и изолированными, при этом, чем больше находится семантических параллелей, тем более универсальным признается семантический сдвиг.

К особенностям языковых черт, характеризующих донские географические названия, относятся семантические сдвиги, следствием которых явилось образование географических терминов, не отмеченных в других русских диалектах. Среди семантических переходов (сдвигов) внутри семантического поля географической лексики, отмеченных нами для донских географических апеллятивов, наиболее часто наблюдаются изменения по смежности (ср. *отрог* 'овраг с родниками' → *отрог* 'родник в овраге', *лука* 'излучина' → *лука* 'берег (низина) у излучины', *быстрянка* 'место с быстрым течением' → *быстрянка* 'быстрая река' и под.), а также по линии 'большой' ↔ 'маленький' (ср. *багно* 'болотистое место' → *багно* 'грязь', *падина* 'низина' → *падина* 'дорожная впадина' и под.).

Помимо традиционных семантических сдвигов, отмеченных другими исследователями для географической терминологии, нами было обнаружено несколько семантических переходов, не отмеченных ранее в других говорах. Одни переходы демонстрируют дальнейшее продолжение звеньев известной семантической цепи (ср. развитие значения 'грязь на скотном дворе' у лексемы *багно*), другие реализуют оригинальные механизмы развития новых значений (ср. переход 'болото' → 'озеро' у лексемы *болото*).

На пересечении разных терминологических систем в донских говорах находятся лексемы, получившие географическое значение в результате метафорического переноса из разных понятийных сфер: названий строительных сооружений (*опечек, надолба, шиши*), названий частей тела (*горбина*), названий посуды, хозяйственной утвари и технических изделий (*баклуга, бочка, крючочек, чепарь* и нек. др.), ботанических (*сена*) и зоонимических (*барашки, копытце, паутина*) названий. Исследование указанных наименований показало: для того чтобы стал возможен перенос названия какого-либо предмета на элемент ландшафта, достаточно из суммы признаков, характеризующих данный предмет, увидеть лишь один, вследствие чего и возникает возможность ассоциировать этот предмет и деталь ландшафта.

А.Д. Черенкова
(Воронеж)

Устаревшая лексика в говорах Воронежской области

Устаревшими словами в диалекте следует считать такие слова пассивного запаса, которые редко употребляются в речи представителей старшего поколения и осмысляются ими как старые, выходящие из употребления, и которые, как правило, не распознаются в молодёжной среде.

Целью данной работы является попытка выявить закономерности, по которым происходит постепенная смена лексического состава, т. е. уход из употребления одних слов и сохранение других.

В работе мы используем недифференциальный принцип изучения лексики, поэтому речь будет идти не только о собственно диалектных лексемах, но и литературных словах, функционирующих в диалекте.

Историзмы и архаизмы русского литературного языка не всегда являются таковыми в диалектах, т.е. слова, выходящие из употребления в литературном языке, в диалектах могут входить в активный запас слов, как, например, это происходит в настоящее время со словами *колхоз* и *совхоз*.

В качестве историзма приведём слово *станово́й*: [*станово́й сказа́л* – Краснолипье Репьёвского р-на]. Слово *становой* выстраивается в одну цепочку со словами *милиционер* и *полицейский*, так как в каждом из них выделяется семема ‘охрана, охранять, охраняющий’, однако в семах посессивности (для лексемы *становой* ‘царская Россия’, для слова *милиционер* – ‘СССР’, для слова *полицейский* теперь – ‘демократическая Россия’) эти лексемы различаются, да и по объекту охраны должности, называемые этими словами, также различаются.

В литературном языке слово *становой* является историзмом. Однако в нашем контексте оно используется только в семемном значении как ‘охраняющий’ вообще, без учёта периферийных сем. В связи с этим слово следует расценивать как архаизм, что и обеспечивает ему долгую жизнь. Это первая причина, по которой продляется жизнь слова после утраты реалии.

2. Вторая причина сохранения слов может сугубо языковой: новые названия в расшифровке слишком громоздки, а в аббревиатурах трудны для произношения. И то, и другое противоречит закону экономии языковых средств и общей тенденции к экономии произносительных усилий в русском языке, а в русских диалектах – тем более.

3. Третья причина лежит в изменениях семантической структуры слова. Слову *колхоз* уготована долгая жизнь за счёт того, что оно развивает дополнительные значения путём метонимических сдвигов и метафорических переносов: [фс’ем калхо’зъм ны □уаро’т пашл’и’ (речь идёт об одной семье вместе с гостями – А. Ч.) – Панино].

С архаизмами дело обстоит проще. Здесь чётко прослеживается вытеснение диалектного слова словом общеупотребительным при обозначении одной и той же реалии. Например, в двух говорах нам удалось получить информацию о слове *каё* в значении местоименного наречия *где*. Это слово в XIX в. ещё активно употреблялось. Его отмечали в своих трудах историки, этнографы, священники как различительный признак талагайского языка – особого диалекта, носители которого являются потомками однодворцев. Оно указано в словаре В.И. Даля как курское [Даль

П: 72] и в СРНГ в разных значениях как ряз., калуж., курск. [СРНГ 12: 303] В настоящее время это слово почти забыто. В сёлах Краснолипые и Ростоши нам назвали бабушек, в речи которых якобы это слово слышали односельчане. В с. Шукавке мы записали только у одного информанта устойчивое выражение с этим словом *кто каё* в значении *кто где*.

Слово *гумно* в том же шукавском говоре вытеснено словом *огород*.

Мы заметили, что в разных говорах процесс вытеснения старых слов происходит по-разному и в разное время. В одних говорах Воронежской области слово *плант* в значении 'улица' попало в состав устаревших слов, а в других оно продолжает активно употребляться. Например, в говоре с. Краснолипые: [с пла'нтъ б'ал'и'льс'а (речь идёт о фасаде дома – А.Ч.)], [ку'р'ица б'ис'ерна (удар. ?) / вы'шла на пла'нт], [д'е'т'и на пла'нт'ь иура'йут'], [п'ьтхвabr'у' хунда'м'инт / с пла'нту ужэ' прашла'].

Таким образом, вопрос об архаизмах в русских народных говорах тесно связан с вопросом о влиянии литературного языка на диалекты.

В заключение следует сказать, что изучение устаревших слов, равно как и новой лексики, помогает определить и выявить механизмы, обеспечивающие подвижность и неустойчивость лексического фонда в русских народных говорах.

Отсюда можно сделать и практический вывод: наши знания об устаревших словах могут помочь по-другому посмотреть на собственно диалектную лексику, которую мы оцениваем как диалектную, существующую и функционирующую в настоящее время, тогда как многие лексемы находятся уже в глубоком пассиве.

Л.Я. Костючук

(Псков)

Учет особенностей говора в условиях пограничья при лексикографировании и картографировании

С середины XX в. начался целенаправленный сбор материалов псковских говоров в специальных экспедициях для «Диалектологического атласа русского языка» (1945 г.), для «Псковского областного словаря» (с 1948 г.), для «Общеславянского лингвистического атласа» (середина 60-х гг.), для «Лексического атласа русских народных говоров» (с 1988 г.). Уникальный, по идее Б.А. Ларина, «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС, 1967–2012] – словарь полного типа и сведениями из псковских памятников – является бесценным хранилищем народных слов и источником для разнообразных исследований и открытий [Ларин, 1961].

Традиционные конференции (с 1961 г.) по проблемам псковских говоров позволили установить научные связи с диалектологами и историками языка Прибалтики. Это усилило возможность профессионально наблюдать процессы в народных говорах, в частности псковских, по обе стороны границы, тем более, что староверческие говоры тоже создают условия своеобразного пограничья в результате соответствующего их бытования на протяжении столетий.

«Опознавательные знаки» псковских говоров на разных языковых уровнях в районе пограничья с балтийскими, финно-угорскими, славянскими языками и «унесенные» носителями псковской народной речи на более близкие или даже далекие расстояния (в Прибалтику, Башкирию, в Европу, за океан) позволяют узнавать такие особенности, которые сближают говор, окруженный другими языками, с материнскими говорами на Псковской земле [см., например, Мурникова, 1962: 345-363; Семенова, 1979: 72; Сивицкене, 1988: 126-134; Grek-Pabisova, Maruniakova, 1980].

Один из признаков древности псковских говоров в области лексики – это большое количество слов с древним корнем *ор-* с главной семой ‘обработка земли’. В современных говорах это существительные с разными деривационными аффиксами, разных лексико-семантических групп: с обозначением действия «вспашка земли» (*ориба, орива, орьба, орание*); с обозначением «результат этого действия» — вообще «вспаханное поле, земля» (*орьба, оранина, ораница*), с подчеркиванием «результат первой вспашки» (*ориль*); с обозначением «орудие вспашки» (*ора, орало*); с обозначением «поле под паром» (субстантиват *оратое, оранина, ораница*); с обозначением «человек, занимающийся обработкой земли» (*орильщик, оратай, орей, орбей, орёл²*); с обозначением «первый раз вспаханная земля» (*орница*); некоторые существительные многозначны;

прилагательные и причастия, перешедшие в прилагательные, относятся по признаку к действию «пахать» (*оральный, оримый, орёмый, ораниый, оратаый, орёмый*);

глаголы с обозначением «пахать землю» (*орать*), «подвергаться вспашке» (*ораться*) [подробнее см. ПОС, в. 23: 327-341].

Говоры староверов Эстонии сохранили прежде всего глагол *орать*: «Теперь всё машины, а ране сохám *орали*, не лёго было». Справедливо указание О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой: «Говор староверов [Эстонии. — Л. К.] во многом похож на диалекты центральной части современной Псковской области России, а это значит, что в прошлом какая-то часть предков современных староверов переселилась в эстонское Причудье из этих псковских земель» [Паликова, Ровнова, 2008: 11]. Ведь еще в начале XVII в. (1607 г.) немецкий купец Т. Фенне в своем «Русско-немецком разговорнике», созданном в Пскове, записал показательные псковские фразы: «Не хочу попом стать. Я учу *орать*, бороновать, косать, да схать

да хлба добывать» [Разговорник Т. Ф., 253, 1607 г.] (как рассуждение о выборе вида труда); «Дурных не **орю**, не копаю, сами родятся» [Там же, 474] (народная пословица с местным словом).

Зная особенности местных говоров, приходится подчас решать лингвистические загадки, которые важны при необходимости зафиксировать соответствующее слово лексикографически, например в исторической части «Псковского областного словаря» или в собственно историческом словаре. Так, признание слов с приставкой **за-** в сочетании с корнем **ор-** помогает решить «загадку» в меновой грамоте второй половины XIV в., дошедшей до нас в списке 1669 г.: называется ориентир при определении границ для земельных участков как «**нивка по зари**» [Марасинова, 1966: 50]. Публикатор и исследователь этих грамот Л.М. Марасинова высказывает следующие соображения: «Значение этого выражения неясно»; «В словарях и в картотеках не отмечено»; «Возможно, это происходит от слова “**зарь**”, значение которого нам неизвестно»; «Может быть, это слово означало какой-то вид угодий или состояние земли» [Марасинова, 1966: 185].

Первоначально нам хотелось видеть здесь сложный предлог из народной речи **по-за** со словом корня **ор-** при уподоблении начального безударного гласного корня конечному гласному приставки, а затем происходит стяжение гласных звуков: **по-за ори** → **по-за ари** → **позари** (слияние предлога и существительного: с пониманием фрагмента как **по зари**).

Но обнаружение образований и с начальным звуком [з], благодаря исследованию Л.Ю. Астахиной [Астахина, 1991: 113–119], позволяет принять и другое решение: предлог **по** употреблялся с существительным в дательном падеже единственного числа (**зари** от **зарь** в результате фонетического изменения облика лексемы). Поэтому уподобление и стяжение гласных по-прежнему признается: **по заори** → **по заари** → **по зари** → **позари**.

Так, попытка объяснить непонятное помогает выбрать более адекватный вариант восприятия лексемы и, в результате этого, осознать смысл текста.

Отметим несколько фонетических особенностей псковских говоров, некоторые из которых объясняются влиянием соседних языков. Т.Ф. Мурникова еще в 1963 г. отметила характерную замену звука [с] на звук [х]: **опояХать** ‘опояСать’ («**ОпояХавши** зимой тяплей»); **опояХаться** ‘опояСаться’ («**Быва́, не опояХавшись** никто из дому не выходил») [Немченко и др., 1963; см. также Паликова, Ровнова, 2008: 106]. Это явление было замечено еще С.М. Глускиной, которая объясняла его влиянием соседних языков Прибалтики [Глускина, 1962: 28-57]. А.А. Зализняк, обнаружив такое явление в словоформе «с **МакХи**[мк]о^м» из новгородской

берестяной грамоты второй четверти XV века, характеризовал его как типичное для псковской территории: «<...> отразился переход *с* в *х*, характерный для псковской зоны. Уникальность этого примера, по-видимому, говорит о том, что древненовгородскому койне это псковское явление в целом было чуждо» [Зализняк, 1995: 75]. Типичность такой мены звуков подтверждает и пример речи образованного носителя и финно-угорского языка (эстонского), в которой проявляется именно эта черта. Чувствуя, видимо у себя какую-то необычность звучания в русской речи, человек постоянно спрашивает у русских собеседников, правильно ли он говорит.

Характерно для псковских говоров и для говоров староверов Эстонии упрощение группы согласных [*вл'*] за счет утраты звука [*в*] прежде всего в глаголах типа *достаЛять* 'достаВЛять': «*ОстаЛяйся ты в Эстонии, а мы поехали*» (Эстония, Межа). Характерно, что многие устойчивые сочетания слов продолжают функционировать с указанной фонетической особенностью у подобных глаголов: «*Я ни пападаю в гости — дамахай асталяюсь*». Печерский р-н ('присматривать за хозяйством'); «*Тольки и ра́дас асталя́ица — сат*». Псковский р-н ('сохраняться, оставаться там же, где и раньше'); «*Уня́ть ф хвасті́ будиши асталя́ца*». Гдовский р-н ('отставать, не успевать за другими'); «*Некатары дяви́цы и да трицати́ гадо́ф в де́фках асталя́юца*». Печерский р-н ('не выходить замуж, быть не замужем') [ПОС, в. 23: 119].

Для псковских говоров характерно «совмещение» в инфинитиве и в личных формах в одной лексеме *вести́ / водить (веду́, ведёшь / вожу́, водишь)* (и приставочных) двух глаголов разной семантики (ср. в литературном языке *вести* и *везти / водить* и *возить*): «*Лошата видёт драва́ с лесу*». Гдовский р-н; «*Вязли́ — эта гарацкі́и гъварят, а мы фсе́ вядём; пакойник, так на дровни́ ли, на тилегу, так фсе́ вядут*». Славковский р-н [ПОС, в. 3: 118]. Это же зафиксировано и в «Словаре говора староверов Эстонии»: *отводи́ть* 'отвозить'; *води́ть* 'возить': «*Послать надо посылку. <...> В воскресенье папа хотел отводи́ть и вдруг по радио война*», — звучит в рассказе диалектоносителя-старовера и в 2003 году.

Поэтому справедливее разрабатывать лексему *отвести* со значениями 'отметить праздник' и 'отвезти' не как многозначное слово, а как два омонимичных слова в двух словарных статьях. [Ср. Паликова, Ровнова, 2008: 108.] В «Псковском областном словаре с историческими данными» как раз представлены две большие, со сложной лексико-семантической структурой статьи с омонимичной исходной инфинитивной формой: *вести́¹ / вестъ* и *вести́² / вестъ*.

Учитывая все уровни псковской диалектной речи, которые могут в большей или меньшей степени быть зависимыми от влияния «соседей», все,

кто занимается псковскими говорами в том или ином аспекте исследования, должны быть очень внимательными к материалу, чтобы на разных этапах рассмотрения того или иного явления могли своевременно принимать адекватные решения. На сей раз ограничимся представленными материалами, с тем чтобы затем можно было расширить показ и других фактов.

Напомним, что исследователем должен быть и лексикограф, и картограф, когда приходится выяснять, насколько объективно был проведен отбор слов для достижения соответствующих целей. Лексикограф и лексиколог отмечают, например, типичные факты, которые как будто противоречат логике понимания. Например, смешение названий для положительного и отрицательного рельефа: название кучки земли, нарытой кротом, словом *нора* оказывается справедливым при учете энантиосемии названий [ЛАРНГ. Пробный выпуск]; развитие значения от понятия небольшого количества до противоположного – большого – у слова *нёсколько*: «Нас было *нёсколько* народа выселено» (в русском говоре староверов Эстонии, псковском по происхождению, на о. Пийриссар [Паликова, Ровнова, 2008: 100]): «*Ён вам наговори нёскольки, у ёво прёйдина зимля и вада, ну да весь бёлый свет, прёйдёно фсё на свитя*». Гдовский р-н [ПОС, в. 21: 238]. Поражает расширение сферы распространения некоторых лексем при названиях грибов (какое разнообразие объектов допускает, например, наименование *обабок*!). Многозначность у такого выразительного слова, как *впакать / упакать*, допустима за счет основной семы, связанной с идеей ‘проникновения во что-то’. И подобных неожиданностей прежде всего в семантике немало встречается на пути того, кто занимается Словом. Накопление фактов приводит к пересмотру привычного и в то же время, оказывается, закономерным в общей системе народного языка иногда при аналогиях, обнаруживаемых в системе другого, соседнего языка или говора.

Литература

Астахина Л.Ю. Лексические соответствия в псковских и владимирских источниках // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 113–119.

Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 28–57, карта.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 75.

Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2004.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

Мурникова Т.Ф. Описание русского говора острова Пийрисаара // Учен. записки Тартуск. ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. С. 345–363.

Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Паликова О.Н., Ровнова О.Г. Словарь говоров староверов Эстонии. Тарту, 2008.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–23... Л. / СПб., 196701502012...

Семенова М.Ф. О слове русских говоров в иноязычном окружении // Псковские говоры. Л., 1979. С. 72.

Сивецкене М.К. Русские говоры Литвы в связи с исходной локализацией // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 126–134.

Grek-Pabisova I., Maryniakova I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław, 1980.

Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

Л.П. Михайлова

(Петрозаводск)

**О причастности прибалтийско-финских языков
к системным изменениям
в исконной русской лексике говоров Обонежья**

Славяно-финским языковым отношениям, уходящим в глубокую древность, посвящена работы многих ученых (П.О. Бутков, А.М. Шегрен, Я.К. Грот, М.П. Веске, А.А. Шахматов, Я. Калима, А.И. Попов, С.А. Мызников и др.), уделяющих основное внимание заимствованной и субстратной лексике. Касаясь задач этимологии восточнославянских языков, О.Н. Трубачев обращал внимание исследователей на необходимость учета таких дополнительных или косвенных ресурсов «в реальных условиях сложившейся лингвистической и этнической ситуации Восточной Европы», как «исключительно разнообразные контакты со всеми представителями финно-угорской семьи языков»². В частности, говоря о хорошей изученности лексических связей западнофинских языков с русским, ученый отмечал, что «существенные коррективы возможны и здесь»³.

В славянских и прибалтийско-финских языках имеются лексические схождения, свидетельствующие о контактах древнейшего периода, ср. фин. *kovero* ‘вогнутый’ и новг. *ковёр* ‘домотканый коврик’, укр. *шеверногий* ‘клишоногий, с кривыми ногами’, заонежск. *шавёра* ‘человек, делающий

что-л. небрежно' с общей семей 'изгиб': наличие помимо общего семантического ядра, корня **ver-*, также архаических приставок свидетельствует о заимствовании славянского слова в финский язык. В связи с этим следует обратить внимание на многочисленное название озер в Финляндии с корнем *kover-*.

Для русских говоров Обонежья, являющегося зоной полиэтнических контактов, характерно наличие диалектных лексических единиц, противопоставленных известным литературному языку или многим говорам особым характером ударения, отсутствием сочетаний согласных в анлауте (В.И. Лыткин).

I. В говорах вокруг Онежского озера перенос ударения на первый или предшествующий слог с одновременным преобразованием *á < o* характерен не только для знаменательных слов (*борáница < борони́ца* 'бороны', *бра́дец < бродéц* 'рыболовная сеть, бредень', *га́лубать < голубáть* 'сильно желать чего-л.' и др.), но и служебных (*пра* предлог 'вдоль' < *про*; *най* – неопред. частица в контекстах типа «*Пай знай* когда, я не знаю» < *пой* в сочетаниях *пой знай, пой ведай* 'неизвестно, неведомо', ср.: *поди знай* 'неизвестно'; *áто, áта* частица 'вот' < *от < вот*). Указанное явление А.А. Шахматов связывает с воздействием неродственных языков, в частности, карельского, отмечая сильное, даже разрушительное действие на звуки и формы языка, какое оказывает «влияние соседних языков через посредство возникающей в результате тесного с ними общения двуязычности»⁴.

Пудожским говорам известен глагол *ва́париться* 'выздороветь, поправиться', который имеет этимологический корень *-пор-*, ср. *пора́* 'сила, мочь' Север., Арх., Заонеж., Петрозав. Олон., *опорéть* 'окрепнуть' Пинеж. Арх., *порéть* 'мужать, набираться сил, входить в силу' Даль, *порéлый* 'здоровый, в расцвете сил' Ср. Урал. На основании сопоставления семантики данных слов и совпадения корня восстанавливается ближайшая по времени возможная форма **опориться* 'набраться сил, здоровья', ср. *порíть* 'толстеть, полнеть' Верховаж. Волог. В данном слове произошел перенос ударения на первый слог, сопровождаемый удлинением гласного и закономерным развитием протетического согласного *в-*: *о-* > [*oo*]- > *во-* > *ва́-* с одновременным переходом *о-* > *á*. В результате исконная приставка *о-* превратилась в *ва́-*, что привело к отрыву нового слова – *ва́париться* – от своего родного гнезда. В сознании собирателя и составителя словаря в связи с этим уже отсутствует соотнесенность с корнем *-пор-*, возникает некий «образ» явно иноземного пришельца *ва́пар-*. Не случайно олонецк. *ва́париться* 'выздороветь, поправиться' этимологи относят к неясным словам (Фасмер).

II. Структура слова в прибалтийско-финских языках, унаследовавших особенности финно-угорского языка-основы, характеризуется

отсутствием сочетаний согласных в начале слова, что также отразилось в лексике русских говоров Карелии.

1. Примером словообразовательного гнезда с преобразованным корнем является лексическая группа с корнем *-лочк-*, который появился в результате упрощения консонантного сочетания *кл-* в позиции начала слова, по формуле **tt- > t-**: *лóчкать* 1. 'наносить удары, побои; бить, избивать', 2. 'стучать, хлопать, ударять, производить шум', ср. *клóчкать* 'ударять, бить', *клóчкнуть* 'ударить', *лóчканье* 'хлопанье, удары'; *лочкунья* 'молодежная игра на «беседах», когда сидящие друг против друга парень и девушка ударяют ладонью о ?ладонь партнера'; в других говорах – *наклóчить* 'побить, поколотить кого-л.' Вят., Том.

Эпентеза, возможно, представлена в словах с корнем *вар-* < *вр-*: *ва́ры* 'выдумки, рассказы' Выг. Волог., *вару́ха* 'врунья' Подп. Ленингр., ср. *вры* 'неправда, вранье' Выг. Волог., Прион. Карел., *вру́ха* 'лгунья' Пск. Однако вполне допустимо и иное решение: данные слова могут быть включены в славянский лексико-семантический комплекс с корнем **ver-*, одна из групп которого связана со значением 'речь', ср. пудожск. *шавё́ровать* 'говорить пустое, болтать', укр. *варнякати, вернякати* 'болтать, говорить неразборчиво', кашуб. *čavrotac* 'говорить, болтать, молоть вздор'. Сложность вопроса, требующего учета разнородных данных, очевидна.

2. Влияние прибалтийско-финских языков на русскую лексику говоров Обонежья выразилось не только в изменении фонемного состава слова, но и в преобразовании некоторых морфем. Помимо указанного выше предкорневого элемента *ва-*, обнаруживаемого также в слове *ва́галь* 'мелкая рыбка' в пудожских и каргопольских говорах (ср. *голе́ц*), обратим внимание на такие лексемы, как *озмо́рье, измо́рье* и *взмо́рье, оприста́ть* и *приста́ть* 'сильно устать' и т. п. Фонемный состав предкорневого элемента может быть (1) необычным для русского языка: *а-*, *ва-*, *оз-*, (2) омонимичным с известными префиксами, совмещающим исконные и неисконные элементы: *из-*, *ис-* (< *вз-*, *вс-*).

2.1. Элемент *а-*, отмеченный в слове *або́тнік* 'лодка-долбленка' Устюж. Волог., ср. *ботнік* и *бо́тник* с той же семантикой Баб., Устюж. Волог., может рассматриваться в качестве протезы, возникшей в связи с тем, что для прибалтийско-финских языков не характерны начальные звонкие согласные. Вышеуказанный предкорневой элемент *ва-* совмещает в себе преобразованную в результате прибалтийско-финского влияния исконную приставку *о-* (> *а-*) с исконной протезой *в-*. Протеза *о-* возникла в словах *оприста́ть, опро́стореє, ослéги, озво́здик, оглу́пыш, овза́быль, оглу́шно* перед сочетанием согласных. Слово *озго́реть* 'потемнеть от дыма, копоти, жара' Карг. Арх., близкое по семантике к общеизвестному *сго́реть* 'обжечься, обгореть на солнце', также содержит протезу *о-*, фиксируется в словаре по фонетическому принципу. *Озмо́рье* 'прибрежье, взморье' Чаг.

Волог. является вариантом к слову *взмóрье*, в котором протеза развивается перед упрощенным консонантным сочетанием: *взмóрье* > *змóрье* > *озмóрье* (наряду с *измóрье*).

2.2. Протезу *и-* отмечаем в лексемах: *исквóзь*, *искосíть*, *избывáться*, *изживáть*. Исходные глагольные лексемы имеют приставку *с-*: *скосíть*, *сбывáться*, *сживáть*; их семантика с прибавлением протезы *и-* не меняется, однако омонимия предкорневого элемента с исконной приставкой *ис-*, *из-* очевидна.

2.3 Протеза *о-*, омонимичная приставке *о-*, обнаруживается в таких преобразованных лексемах, которым в говорах соответствуют исходные а) с приставкой *с-* позиции перед согласным: *огнíть*, *оглупíть*, *одвínуть*, *опóртить*, *опугáть*, б) с приставкой *вс-*, *вз-* в позиции перед согласным: *оплýть*, *ополóхать*, ср. *всплýть*, *всполошíть*. Аналогично появляется протеза *и-*: *измóрье* < *взмóрье*.

Данный материал свидетельствует о сдвигах в лексической системе говора.

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

² Трубачев О.Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 30.

³ Там же.

⁴ Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. (Филологическое наследие). С. 35.

О.В. Раина

(Санкт-Петербург)

Гуральская диалектная паремиология

Гуральский (или подгальский) диалект относится к малопольскому наречию, на нем говорят жители польских Карпат на юге Польши у северного подножья Татр.

Пословицы представляют большой интерес и имеют исключительное значение для историков и диалектологов польского языка. В них запечатлена многолетняя история культурно-исторических взаимоотношений поляков с ближайшими соседями – Чехией, Словакией, Украиной, Белоруссией, Германией. Одним из мало изученных источников современного паремиологического фонда являются пословицы гуральского диалекта.

В паремиологическом фонде любого языка имеется огромное количество паремиологических единиц с диалектизмами. Диалектная паремиология является весьма специфичной, поскольку зачастую внутренняя форма диалектных паремий отражает специфические условия развития материальной и хозяйственной деятельности, мировоззрения.

Состав, семантика и этимология лексических диалектизмов гуральского диалекта польского языка, которые представлены в словаре Ю. Кшижановского, весьма разнообразны и представляют неоспоримый интерес для славянской диалектологии, этнологии. Выявленная лексика отражает быт, культуру, традиционные занятия, мировоззрение гуралей. По утверждению Казимежа Нитша, гуральский диалект привлекает исследователей своими языковыми и стилистическими особенностями; в фонетике и морфологии этого диалекта нет черт, которые казались бы странными, а лексика – богата и разнообразна, насыщена архаизмами и заимствованиями (Kurkowska, Skorupka 1959).

Рассмотрение паремиологии в свете диалектологии является актуальным, прежде всего с той точки зрения, что именно в этой области языка сохранились напластования различных исторических эпох, как отмечал В.В. Виноградов (Виноградов 1977).

Материалом для исследования послужили словарь “Nowa księga przysłów polskich i wyrażeń przysłowiowych” под редакцией Ю. Кшижановского (1969–1978), “Słownik języka polskiego” Б. Линде (1951) и “Słownik języka polskiego” В. Дорошевского (1958–1969), “Słownik gwar polskich” Я. Карловича (1900–1911) и “Słownik gwar polskich” М. Капаса (1977–1991), “Słownik gwary góralskiej” Т. Буковского-Гросека (2000), “Słownik gwary góralskiej” Б. Дембовского (1894), “Słownik etymologiczny języka polskiego” А. Брюкнера (1957) и “Słownik etymologiczny języka polskiego” В. Борыся (2005), словарь Д. Сверчиньской “Przysłowia są na wszystko” (2001) и многие другие словари. Выборка, сделанная по всем словарям, составляет более 200 паремий из гуральского диалекта, польского литературного языка и других языков, которые были привлечены к анализу.

Диалектная паремиология частично находит отражение в различных диалектных словарях. В них в том или ином объеме приводятся пословицы и пословичные выражения, а также их варианты.

Паремии являются отражением философских взглядов и обобщений, воспроизведением фрагмента мира. Гуральский диалект наряду с немецким, венгерским, чешским, словацким и словенским языками является частью центрально-европейского языкового ареала. Как показало выборочное ареальное исследование, часть исследуемых гуральских пословиц (и их вариантов) имеет эквиваленты в языках Центральной Европы, а другая часть, несмотря на общность значения, отличается образной основой и компонентным

составом. Паремии являются воплощением тысячелетнего творчества народа, его мировоззрения и культуры.

В гуральских пословицах наряду с исконными словами употребляется также и заимствованная лексика, придающая особый колорит этим народным изречениям. Собранный материал демонстрирует взаимоотношения гуральского говора с другими славянскими языками. Как показал проведенный анализ, словацкий язык выступил посредником между венгерским языком и гуральским диалектом. Обнаруженные параллели гуральских лексем в чешском языке также являются свидетельством влияния словацкого языка. Большинство заимствованных слов – существительные и глаголы.

Среди диалектных компонентов гуральских пословиц выявлены этнографизмы и собственно лексические диалектизмы, весьма разнообразные в тематическом отношении. Прежде всего, они служат для обозначения реалий, связанных с бытом гуралей и условиями труда. В результате анализа были выделены следующие тематические группы этнографизмов и собственно лексических диалектизмов: 1) одежда и обувь; 2) еда; 3) окружающий растительный и животный мир; 4) человек; 5) эмоции; 6) предметы быта; 7) орудия труда. Лексика гуральского диалекта богата словами, отражающими своеобразие природных условий и особенности хозяйственной жизни и быта населения. Кроме слов, называющих различные предметы, реалии, в говоре много лексем, обозначающих действия и состояния. Наблюдается преобладание лексем, относящихся к семантическому полю «Одежда, обувь», «Окружающий природный и животный мир», «Человек». Поле «Человек» включает в себя нейтральные и пейоративные названия человека. Лексико-семантические диалектизмы в составе гуральских пословиц не были зафиксированы.

Тематико-идеографическая классификация пословиц показала, что в них изображаются дом, быт и погодные условия; положительные человеческие свойства, а также отрицательные качества (бахвальство, глупость, трусость) и др. Большинство гуральских пословиц относится к данным рубрикам. Некоторые рубрики классификации пословичных единиц польского литературного языка, посвященные религии, государственному строю, мирозданию, судебному производству, войне, остались не заполненными.

Пословицы, которые не имеют параллелей в польском литературном языке, тематически связаны с ведением хозяйства и описанием погоды.

Г.Д. Неганова

(Кострома)

**Ландшафтная лексика в «Житии» протопопа Аввакума:
народный взгляд**

В «Житии», написанном протопопом Аввакумом в 1672–1673 гг. в пустозерской тюрьме, охвачено огромное пространство Русского государства – от Москвы до Забайкалья; от нижегородского Поволжья до Белого моря.

Автор, повествуя о своей многотрудной, полной превратностей жизни, о ссылках то на Север, то в Сибирь, включает в текст сочинения большое количество топонимов (...*посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог; А егда в Енисейск привезли, другой указ пришёл: велено в Дауры вести, тысящ з дватцеть от Москвы и больши будет*). Указывая на географические реалии, Аввакум широко использует формы именовании, бытовавшие в народной речи. Так, в экклезиониме *Никола на Угреше* используется укоренившийся в народной традиции вариант Никола канонического имени Николай. «А Николе Чюдотворцу имя немецкое: Николай, – разъясняет Аввакум в “Книге бесед”. – В немцах Немчин был Николай, а при апостолах еретик был Николай; а во святых нет нигде Николая. <...> Никола Чудотворец терпит, а мы немощни...». Наряду с официальным хоронимом *Даурская земля (...а меня в Даурскую землю сослал, – от Москвы, чаю, тысящ будет с дватцать за Сибирь...)* в «Житии» употребляется вариант *Дауры (Три года из Даур ехал, а туды пять волокся, против воды на восток всё ехал, промежду орд и жилищ иноземных)*.

Репертуар географических терминов-апеллятивов в сочинениях Аввакума представлен в основном общерусской лексикой: *берег, болото, гора, озеро, поле, река* и т. д. Локально окрашенные слова используются как правило в описании новых для гонимого протопопа мест, в первую очередь связанных с его сибирской ссылкой, напр.: *волок* ‘сухопутное пространство между двумя реками, по которому из одной реки в другую перетаскивают суда, грузы’ (*Потом доехали до Иргеня озера – волок тут, стали волочитца*); *засека* ‘расчищенное в лесу и огороженное место’ (*Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешилсся, и мы неделю-другую мёрзли и под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место*); *оток* ‘край’ (*Егда же расвирепела буря никониянская и сослани меня паки с Москвы на Мезень во отоки акиянская...)*; *протока* ‘узкий залив’ (...*на озере Иргене: гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет, от глада исчезаем. Помоля я Бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришёл, ано мне*

Бог дал шесть язей да две щуки); пролубка 'прорубь' (...и со слезами припал к пролубке, и напился воды досыта).

Повествуя о своём пути из Енисейска в Даурию, Аввакум характеризует один из участков реки Ангары (в «Житии» – Тунгуска-река), используя термины *залавок* и *ворота*: *Егда приехали к порогу Падуну Большому – река о том месте шириною с версту; три залавка гораздо круты: аще не воротами што поплывет, ино в щепы изломает.* Автор передаёт достоверный образ опасного места в реке, используя термины *ворота*, *залавок*. Оба слова, имеющие локальную окраску, рассматриваются в лексико-семантическом и лингвогеографическом аспектах.

Широко представленные в «Житии» топонимы – от названия края до названия речного порога – позволяют соотнести созданные автором образы ландшафтов с конкретными географическими реалиями (Д.С. Ли-хачёв утверждал, что «даурский пейзаж в “Житии” Аввакума есть именно даурский пейзаж...»). Точные характеристики их особенностей содержатся в узуальных значениях употребляемых географических терминов.

Для Аввакума знание природных особенностей, в первую очередь представлявших опасность, было жизненно важным: как отмечал А.Н. Робинсон, ссыльный протопоп «был ещё прочно связан задачей описания конкретных реалий природы, и его точные и тонкие наблюдения над ней имели познавательное значение». Неслучайно описание ландшафта в произведениях Аввакума привлекало внимание многих географов (Л.С. Берга, Д.М. Лебедева, П.Н. Савицкого и др.) как ценный географический первоисточник.

Рассмотренная ландшафтная лексика не только позволяет воссоздать достоверный образ ландшафта, представить тяжёлые условия существования Аввакума в его сибирской ссылке, но и помогает ориентироваться в традиционной символике того времени (о параллелях река – жизнь в «Житии» писали многие исследователи).

И.Б. Качинская
(Москва)

**Словарь терминов родства в архангельских говорах¹:
семантика, фонетика, грамматика, синтаксис**

1. «Словарь терминов родства в архангельских говорах» задуман как словарь нового типа, включающий не только инвентарь терминов, связанных с системой родственных отношений, но наглядно показывающий, насколько далеко имена родства (особенно кровного) выходят за пределы протозначений и обнимают множество иных областей, ярко демонстрируя антропоцентричность языковой картины мира.

Именно на системе имен родства часто апробируются новые лингвистические теории, отрабатываются новые лексикографические принципы. С помощью многоуровневой системы Словаря выявляются основные направления метафорической экспансии терминов родства, доказываются их типологический характер. Новая структура словарной статьи учитывает коннотативный характер рассматриваемой лексико-семантической группы, ее релятивизм, появление новых значений в результате переноса терминов кровного родства на свойственников, приемных родителей, духовное родство, не-родственников, животных, учитывается использование этой лексики в мифологическом пространстве (языческом и христианском), в названии растений, предметов, абстрактных понятий; переход в междометия.

2. «Словарь терминов родства в архангельских говорах» задуман как словарь нового типа не только с точки зрения семантики. Термины родства (и близкие к ним термины) в каждой словарной статье рассматриваются на всех лингвистических уровнях: помимо обязательного развернутого семантического аспекта отмечаются также фонетические / фонематические варианты, перечисляются зафиксированные грамматические формы, рассматривается регулярная сочетаемость с именем собственным, синтаксические соответствия, составные наименования и вокативы. Эти зоны отдельно выделены в начале каждой сл. статьи и при желании пользователя могут быть вычленены для каждого ключевого понятия.

При каждом значении учитывается география распространения лексемы. Приводится все населенные пункты Архангельской области, где было зафиксировано слово в данном значении. Указание географии значения может пригодиться в том числе для создания интерактивных карт терминов родства на архангельской территории.

3. **Фонетические / фонематические варианты.** Термины родства рассмотрены с точки зрения как обычных для архангельских говоров фонетических изменений, так и на уровне фонемных вариантов. К стандартным фонетическим вариантам можно отнести случаи цоканья, в т.ч. нерегулярного, чередование *л* и *у*-неслогового, *в* и *у*-неслогового в тех районах, для которых оно характерно, утрата йота в позиции после согласного перед гласным и его влияние на предшествующий согласный, акцентологические особенности: вариативность ударения - ударение на корне или на суффиксе и проч. К **фонематическим вариантам** относятся переход / непереход *е > о*, присутствие *а/о* в окончании (*брателка / брателкo*), вариативность согласного в основе (*доцери / доштери, батько / бачко, тата / татя / тятя*), отвердение плавного в суффиксе (*дочерь, дочерька и дочерка*) и мн. др.

4. **Словообразовательный аспект** необходим для того, чтобы иметь возможность собрать и рассмотреть пути деривации от основ, составляющих термин, и сами эти основы. Так, например, для понятия

'родная мать' в архангельских говорах используются 4 основы (*мат-, матер-, мам-, род-*), при этом наибольшее количество дериватов дает корень *мам-*. Для понятия 'родной отец' используется 7 корней (с вариантами - 10): **бат'-/бач-** (*батя, батько, батюшко, бачко*), **отец-(отц)** / **отч-** (*отец, отца, отчишко*), **пап-** (*папаша, папанька*), **тат-/тать-** (*тата, татка, татонька, татя, татька, татенька*), **тят'-** (*тятя, тятька, тятенько*), **род-** (*родитель, родной*).

Помимо суффиксации, в образовании терминов родства участвует префиксация (реже - префиксация с суффиксацией). Например, для образования лексем с понятием 'правнук' ('правнучка', 'правнуки'), используется следующий набор префиксов: **па-** (*павнук*), **пра-** (ударный и безударный: *правнук, правник, правнука, правнуча, правнучиха, правнучёнок, правнучата*), **про-** (ударный: *провнук, провнуки, прад-* (*прадвнуки*), *пред-* (*предвнуки*), **пере-** (*перевнучата*), **прав-** (ударный и безударный: *правдети, правсын, правдочка*).

5. Чрезвычайно важен в Словаре **грамматический аспект**. Ввиду специфики лексической группы, в Словаре рассматриваются только существительные и прилагательные. Анализ зафиксированных в Словаре грамматических форм терминов родства позволяет со всей очевидностью видеть как архаику, так и новаторские тенденции, переходы к иному типу склонения, в т. ч. от нерегулярного скл. к регулярному, изменение соотношений основ единственного и множественного числа, колебания по роду и проч. как живой процесс.

5.1. **Род**. Большинство терминов родства, обозначающих лиц муж. пола, морфологически относятся как к мужскому, так и к среднему роду (с морфологической т.зр.): *батько – батька, батюшко – батюшка, дядько – дядька, деда – деда* и т. д. Синтаксические согласования заставляют все эти лексемы считать принадлежащими к мужскому роду. Слова, обозначающие женщину, изменяются не только по 1 и 3, но и по 2 склонению, т.е. морфологически относятся к сред. роду: *бабка, бабушко; бабёнка, бабёночко, бабёнышко, бабёшко, бабёшечко; девко, девчёночко, дочеришко, вдовёночко, вдовёшко, женчёночко, женчённышко, женчёшко, сношонко, старушко, старушонко, старушоночко, маманько, матко, материшко, сестричко, тётушко* и др. Синтаксическое согласование в таком случае идет как по женскому, так и по среднему роду: *Сюды приехала молодой, девчёнком. Така завидушча, така штилька, така жонцёно!* или: *Да эко худо женчённышко! Жончёшко тожо ушло, женилося.* Зафиксированы и случаи одновременного согласования по женскому и среднему роду: *Была девчёнко небольшо оставлена бабушку досматривать. Девчёнко я была небольшо, а платье всё длинно.*

5.2. **Типы склонения**. Термины родства распределены по всем трем типам склонения + некоторые из них относятся к нерегулярному скл. Среди

терминов кровного родства, пожалуй, нет ни одного ключевого понятия, все дериваты которого были бы отнесены к какому-то одному типу склонения и одному роду. Лексемы, связанные с понятием *мать*, относятся к 1 (*мамка, матка*), 3 (*матерь*), 2 скл. (*мамо, мамонько, мамушко, матенко, матерёшко, материшко, матко, матушко*) + нерегулярное. Лексемы с понятием *отец* – к 1 (*батька, батюшка, татя, тятя*) и 2 скл. по модели муж. (*отец, тать*) и ср. рода (*батюшко, татушко, татко, папушко*), *тетка* – к 1 (*тёта, тётенка, тётушка, тётя*) и 2 скл. – по ср. р. (*тётенько, тётушко*), *брат* – к 1 (*братуха, братанка, братанушка*) и 2 – муж. (*брат, братан, братёнок, братец*) и сред. р. (*братанко, братило, братко*) – и т. д.

6. Синтаксический аспект. Синтаксический аспект подается через выделение сочетаемости и синтаксических соответствий. **Сочетаемость** выделяется внутри каждого конкретного значения. Сочетаемость понимается очень широко: от предложной словоформы (если данная словоформа обладает особым значением / употреблением: *в девках* = до замужества, *в жонках* = после замужества) до сочетания нескольких словоформ, от регулярной сочетаемости (составных наименований терминов родства) до фразеологии.

Под **синтаксическими соответствиями** имеются в виду регулярные пары, параллели по родству, которые фиксируются в одном контексте: *отец* ~ *мать*, *брат* ~ *сестра*, *сын* ~ *дочь*, *бабушка* ~ *дедушка*, *тётя* ~ *дядя*, *муж* ~ *жена*, *свёкор* ~ *свекровь*; по полу и возрасту: *мальчик* ~ *девочка*, *парень* ~ *девка*, *мужчина* ~ *женщина*, *старик* ~ *старуха*, *старый* ~ *малый*; по социальному статусу: *девушка* ~ *женщина*, *парень* ~ *мужчина* и проч. Это дает возможность проследить лексический параллелизм или его отсутствие на уровне конкретных лексем.

7. «Словарь терминов родства в архангельских говорах предполагается разместить в свободном доступе в Инете. Предполагается, что это будет нечто среднее между собственно Словарем и Корпусом - так, чтобы можно было просматривать отдельные словарные статьи на идеографическом уровне, т.е. самостоятельно для каждого ключевого понятия (*мать, отец, племянник, внук, сын, свекровь, крестный отец* и проч.), отдельно вычленять каждый уровень: фонетики, грамматики, сочетаемости; каждую семантическую зону (метафорический переход терминов родства в назв. растений, животных, предметов и т. д.).

¹ Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ № 13-04-0013 «Термины родства в архангельских говорах: Словарь».

Т.В. Горлова
(Кострома)

**Топонимия малого города Верхневолжского региона:
«свое» и «чужое» (на примере названий города Нерехты)**

Город Нерехта расположен на юго-западе Костромской области, почти в центре треугольника, образуемого городами Костромой, Ярославлем и Иваново. Нерехта является частью Костромского Поволжья, которое «включает в свои границы бассейн Волги от ее притоков Костромы, Солоницы и Костромской низменности на западе до р. Унжи и меридиональной излучины русла Волги на востоке. Южная граница проходит по водоразделу Волги и Клязьмы, северная – по водоразделу Волжского и Северодвинского бассейнов» [Рябинин 1986: 5]. Е.А. Рябинин в монографии «Костромское Поволжье в эпоху средневековья» отмечает, что в процесс формирования средневекового населения края «были включены как выходцы с древнерусских территорий, осваивавшие северо-восточную окраину Залесской земли, так и местные финно-угорские коллективы...» [Рябинин 1986: 97].

Данные выводы подтверждает и исследование топонимов Нерехтского края. Среди названий географических реалий исследуемого региона, наряду с несомненно преобладающими славянскими, присутствуют финно-угорские субстратные топонимы. Например: реки *Нерехта*, *Корба*, *Тега*, *Ёмсна (Емцы)*, *Ингорь*, *Лепша*, *Таха*, *Хабаль*, лесной массив *Келохта*, город *Нерехта*, сёла и деревни *Ёмсна*, *Улошпань*, *Сочелы*, *Емецкий стан*.

Гидроним *Нерехта* образован, как можно предположить, от древней основы *нер-*, что в переводе с языка мери, по мнению О.Б. Ткаченко, означает «болото» и более позднего форманта *-хта*, предположительно означающего «река». В топонимике данного региона встречаем и другие субстратные топонимы с формантом *-хта*, например, название лесного массива на юго-восточной окраине города – *Келохта*. Формант *-хта* предположительно обозначает «река». В данном случае топоним *Келохта* обозначает лес, что, на первый взгляд, обнаруживает явное противоречие. Однако отметим, что река Солоница, а также немалое количество ручьев протекают в непосредственной близости к лесу и через него, так как местность эта находится в низине. Можно предположить, что *Келохта* – это лес, расположенный вблизи реки.

Несомненно, что наименования *Нерехта*, *Келохта* относятся к наиболее древнему пласту топонимии данного региона, являются субстратными мерянскими названиями. Однако подобные топонимы, имея мерянскую основу, прошли путь ассимиляции славянским населением, осуществлявшим экспансию данной территории, начиная с XI века.

Топонимия Нерехты и прилегающих к ней территорий складывалась на протяжении столетий, и до начала XX века данный процесс был вполне естественным, подобно развитию любого живого организма в нашем мире.

Послеоктябрьский период для топонимии русских городов стал временем, когда уже существующие объекты городской географии активно получали новые имена. Волна повальных переименований не обошла стороной и Нерехту. Однако старые имена, рожденные живой народной речью, живут в сознании носителей языка и поныне.

Несомненный интерес с точки зрения устойчивости живой народной номинации представляет именование улицы *Новинской*. Улица *Новинская* на плане города возникла после пожара 1785 года. Семантика топонима *Новинская* связана, как можно предположить, с существительным *новинки* (по В.И. Далю: «*Новинки*, новоселье; новоселки, выселок, поселок» [Даль 1989: 2; 549]). Название улицы *Новинской* остается неизменным вот уже более двухсот лет. Устойчивость подобного названия можно объяснить позитивным началом, которое содержится в семантике слова.

Несмотря на изменения городского пространства, названия, данные народом, продолжают жить на протяжении веков. Например: *Егорьева гора* – в настоящее время это несколько улиц и переулков, расположенных на возвышенности (улицы *Кутузова*, *Тургенева*, *Грибоедова*, переулки *Кутузова*, *Нахимова* и др.). Происхождение данного топонима связывают с именем великого князя Юрия Долгорукого, побывавшего в этих местах и построившего церковь в честь Святого Георгия (Егория). Однако мотивированность названия праздником весеннего выпаса скота, который приходился на день Святого Егория, кажется более оправданной. Топоним *Егорьева гора* чрезвычайно популярен в речи нерехтчан и в настоящее время, горожанину совсем не обязательно, обозначая место своего жительства, называть официальное название улицы, расположенной в данном районе, достаточно сказать, что проживает «на *Егорьевой горе*».

Как справедливо отмечает С.О. Горяев, «...апперцепционные представления о существенных признаках денотата вызываются в памяти носителей языка не только морфемной структурой слова, но и всей совокупностью системных качеств последнего на всех языковых уровнях, начиная от фонетического (фоносемантика) и заканчивая синтаксическим (контекстные ассоциации)» [Горяев 2005: 185]. Таким образом, яркие, образные народные названия, созвучные основе живой русской речи, соотносясь с многовековым влиянием предшествующего внутреннего опыта, передают в своей семантике глубинный смысл самого сознания человека и позволяют интерпретировать окружающий мир сообразно мироощущению народа, населяющего какую-либо территорию.

Библиографический список

Горяев С.О. Ономастиологическая мотивированность и значение имени собственного // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Рус. яз., 1989. – Т. 2.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 160 с.

М.В. Ясинская
(Москва)

Описательные наименования гриба *дождевик* в русских говорах и их ареальная характеристика (по материалам ЛАРНГ)

В русских народных говорах номинация гриба дождевик кроме однословных наименований (*дождевик, пылевик, дымокур, хлопушка, пухарка, дымарь* и др.) представлена широким рядом описательных конструкций. Данные картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» дают богатейший материал, позволяющий судить о многообразии и метафорическом богатстве данного типа номинации. Как правило, описательные конструкции представляют собой опорное слово, метафорически описывающее внешние признаки гриба дождевика, и согласованное с ним притяжательное прилагательное, характеризующее его с точки зрения локализации (лес, отдаленное от человеческого пространства место). Однако, встречаются и единичные глагольные конструкции: *дед курит, баба-яга печку топит, Васька – топись печка*. В конструкциях «существительное + прилагательное», в качестве опорного слова могут использоваться существительные: *яйца, картошка, капуста, сыр*, а также названия частей тела (речь идет, прежде всего, о частях тела животных) *ушко, лапа*. Они характеризуют гриб дождевик с точки зрения его формы, как округлый, напоминающий, к примеру, яйца или клубни картофеля. Вторая группа опорных слов относится не к форме, а к способу размножения данного гриба. Когда гриб созревает, он начинает рассеивать семена в виде мелкой пыли, напоминающей дым. Эта особенность дождевика породила целый ряд наименований, включающих в себя слова: *баня, табак, дымок, папирасы, пудра*. Особый интерес представляют вторые члены описательной конструкции – прилагательные. Так, к существительному *яйца* могут относиться прилагательные, обозначающие принадлежность птицам и даже животным (*вороньи, куриные, котовьи*), а

также «метеорологические» прилагательные *дожжовые, туманные*. Как правило, среди прилагательных, характеризующих *баню* и *табак* (*папиросы*), преобладают единицы, обозначающие принадлежность обитающим в лесу животным: *медвежий, волчий, заячий, мыший* (реже – домашним животным, пастбища которых располагаются возле леса – *козий табак*, ср. также *пастуший табак*). Однако, лидером по количеству номинаций является прилагательное *дедушкин*, которое встречается только в сочетании *дедушкин табак*. Также встречаются «мифологизированные» наименования *цыганский табак, чертов табачок, бабин-ягин табак*. Все это позволяет предположить, что словом *дедушка* эвфемистически обозначается мифологический персонаж, обитающий в лесу, лесной дух, леший. Все эти притяжательные прилагательные так или иначе характеризуют местоположение гриба, его принадлежность лесу, чужому пространству, расположенному вдали от дома, освоенного человеком пространства. Данные конструкции представляют собой великолепный образец метафорической номинации, свойственной живой диалектной речи и могут стать отдельной темой для создания лингвогеографической карты, наряду с однословными наименованиями.

А.Б. Коконова
(Москва)

Глаголы, обозначающие погребение, в архангельских говорах

Похороны – это «завершающий обряд жизненного цикла <...>, оформляющий событие смерти и перемещение умершего из земного в «иной» мир» [Толстая 2009, 84]. Погребальный обряд состоит из множества элементов, которые представляют собой отдельные ритуалы, призванные обеспечить правильный переход из мира живых в мир мертвых и безопасность родственников умершего. Тема данной статьи – глаголы, описывающие процесс погребения покойника в архангельских говорах.

1) Захоронение может быть представлено как закапывание в землю: *закопать, зарыть, зарывать, зарываться, зарыть (зарывать) землей*. В Мезени брат помер, там закопали. Раньше на полотенцах гроб спускали. Спускают да заруют. Земля-то станут зарывать, денешки кидают, штоп могилку откупить. Хозяйка спит, зарыга землей. Хоть жыфком ложызь да зарывайся.

2) Дериваты глагола *хоронить* этимологически представляют собой сочетание нескольких смыслов: ‘хранить, беречь, кормить’ (согласно этимологическому словарю М. Фасмера) и ‘прятать’ [Даль 1998, т.4: 1222]. По словам С.М. Толстой, такие смыслы «соответствуют ключевым мотивам

погребального обряда – необходимости устранения смерти из пространства жизни и – надления умершего его долей (его «кормление» и «уход» за ним)» [Толстая 2009, 88]. В современных архангельских говорах глагол *хоронить* имеет значение ‘хранить’ (*картошку надо в погребке хоронить*), а его дериват *схорониться* – значение ‘прятаться’.

Процесс захоронения именуется следующими глаголами: *захоронить, захоранивать, похоронить, похоранивать, похорониться, похоронять, прихоронить, схоронить, схорониться, охоронить, нахорониться, ухоронить, ухоронять, хоронить, хорониться, хоронять*.

Я тут со свекровушкой жыла, да свекровушку захоронила. Он собирает косью, захоранивает – так крест поставлен. И свёкра, и свёкрофь похоронила, рядочком и упокоила. Служили ф царской армии, а потом этот переворот стал. Некоторых бес спроса бес суда растреливали и похоранивали. Перегубили сколько людей-то. Не было завещанья, где похороница. Где хотел бы похороница. Сестра умерла, так три километра на руках несли, похороняли. Он на дороге рострелян, не прихоронен. Мамушка, только тятеньку схоронили, у ней беременность пошвелилась. Я уж домой съездила, маме поминки сделала, они у меня там схоронились. Я охоронила дедушка и ни разу не видала во сне. Этих нахоронилась роцвеникоф, у меня много умерло их. А Анна у меня там ухоронена. Тогда зимой Марию ухороняли. А он не жэнивался большэ. Со своего дома хоронили. Со своей земли. Я на похороны. Ну и хоронись теперь. Разве я бы на семь тысяч схоронилась теперь? Там у нас хороняют после обеда. До обеда не хороняют.

3) Глаголы *валить, валиться, валять* описывают погребение как придание телу покойного горизонтального положения: Потомуш то восток там, валят на восток. При моих-то веках не валяли кто куда. У нас с ыконыма валяцца.

4) Сочетания *прести́ть земле́* (*к земле, к земельке, земле-матери, матери-земли, землей*) выводит на первый план возвращение покойного земле-матери, творительнице всего существующего: Хош нашли, да придали земли-то. Да хож, говоря, коистоцки-те схоронены, знам, што похоронен, земли придан. Пока не предали к земле Леина, фсеи плохо будем жыть. Не ф поле ве́тер сви́шет / Войе́ный гро́м греми́т / Пришло́ письмо́ печя́льна / Мой ми́ленький уби́т / Уби́т он пу́лей ф се́рце / Ф чисто́м поле́ лежи́т. / Была́ п я ле́тной пта́шкой / Слета́ла бы туда́ / Фсе ко́стоцки собра́ла / Г земе́лке придала́. Хо́ж бы ко́стоцки его́вы земли-ма́тери прида́ть. Ка́бы он придан был ма́тери земли. Гроб уж такой – косье́ скла́ли, земле́й придали, фсе́ жо земле́й придан.

5) Глагол *затолкать* и сочетания *столка́ть в зе́млю, скида́ть в я́му* описывают захоронение пренебрежительно, как избавление от никому не нужного тела: Ой кла́дбище-то фсе́ бо́льшэ ужэ́ не́куда хорони́ть, я́

говорюї, наїдо, штоїбы туїт менеї затолкаїли. Я семь штук столкаїла в зеїмлю ребяїт. Раздеїли да скидаїли в яїму.

6) Группа глаголов *покоить, упокоють, упокаивать* связана с восприятием смерти как покоя: Она́ умерла́, я́ и поко́ила. Деїтка да баїпка быїли, упокоюїла их. Онаї померлаї, я йейї и упокоюїла. Тебяї-то кто упокаивать буїдет?

7) Утилитарный подход к захоронению мертвецов представлен глаголом *убраїть*: Некшоїной (некрещеный), хоронїи по-за ограда. Ну фсеї жэ уїбран.

Контексты с глаголами, обозначающими погребение покойника, показывают, насколько важным для представителей народной культуры является похоронный обряд. Можно выделить несколько основных тем, касающихся погребения:

– наступление смерти неподвластно человеческой воле, необходимо дожидаться окончания своей жизни: Жывыїх ишо неїт моїды зарываїть-то. Штої – целовеїк покаї жыїф, говоряї – ведь живоїго в могиїлу не захороїниш. До чегої я доїжыла: не виїжу-ту, не слыїшу-ту. А жывыїх не хороїнят!

– умершего необходимо придать земле, это последний долг человека по отношению к своему ближнему: Помреїш дак жыїво захороїнят, жывеїхонько в зеїмлю закопаїют, любоваїца не буїдут. Фсеї проїжыли, фсеї перетерпеїли, я фсеїу захороїнила, и отцаї и маїти. Послеїдню сеструї тоїжо захороїнила – а менеї ктої захороїнит – каїг Боїх приведєї. Писаїли ф книїшках, што фсеїх загуїбят, задуїшат гаїзом, фсеї буїдут лежаїть на землеї, никтої не захороїнит друїг друїга (рассуждения о конце света). Кто захороїнит послеїднево человеїка-то?

– важно, чтобы последний обряд был исполнен как положено, чтобы человек обрел покой на том свете: Говоряїт, покоїйник не сниїцца - знаїчит, он довоїлен. Я чєтыїре гоїда (назад) муїжа захороїнила - не сниїцца. Хуїдом бы не схороїнили и лаїдно, почєї (поэтому, для того) доїм потписаїла.

– совершить погребальный обряд настолько важно, что даже если нет возможности похоронить умершего, в могилу могут опустить его одежду: Схороїнили тоїлько наряїт йейной, да земєїлки од доїма полоїжыли пустоїй гроїб-от.

– смерть близкого человека накладывает отпечаток на образ жизни оставшихся в живых родственников: И я боїле пеїсен не поюї, завязаїла. И ф клуїп не хожуї, как йегої захороїнила.

Традиционный похоронный обряд проводится только над людьми, прожившими достойную жизнь. Такой человек обязательно должен быть крещеным, не пьяницей, не убийцей, он должен умереть естественной смертью. Таким образом, от обычного погребения будут отличаться

похороны некрещеного младенца, человека недостойного поведения и самоубийцы.

Так, изначально некрещеного младенца принято было хоронить в подполье: Раіньшэ ф потпоілье схоронілі как умрёт маіленькой. Ф потпечоік никаік уш не хороінім. А выікідыш кудаі-то хоронілі, не інтересоіывалась, не знаію, кудаі-нібуь ф потпоілье закопаіют и фсєі. Ф потпоілье никоіоі не хороінят. Хоронілі в домуі (некрещеного младенца), наідо гдеі-нібуь придаіть землеі.

Если ребенка хоронят на кладбище, то ему могут не делать гроб и отдельную могилу: Выікінуть ребєінка, яціг здеілают, как посылочноі, на клаідбще схоідят схороінят, яімку выіроют. Одьдеільно хороінят уш, тут могііла, а тут ряідышком, где с роідными.

Также некрещеного могли похоронить за оградой кладбища: Некшоіной (некрещеный), хороніі по-за оградаі. Ну фсєі жэ уібран. Раіньшэ по-за оградаі некщєіных хоронілі, хоть престуіпник, а смеірть получііл неспецаіально – в оградаі схоронілі.

Человека, поведение которого отрицательно оценивается социумом, хоронили за оградой кладбища: Да йєісь там местоіф-то, чєі уш по-за оградаі схоронілі, как престуіпника какоіво, где соір вываіливали. Разговоір вядуіт: схоронілі неваіжно, как собаіку схороінят, іілі скаіжут жыіл не човеік и уімер не покоійник, йєісли алкоіоілік уімер, или какоій бродяіщий, бес семьяіі. Это когдаі уш умрёт дак. Вот йєій туіт и схоронілі у Половіінного руічья, на клаідбшо онаі не гоіжа былаі.

В отдельных случаях преступников хоронили, не производя над ними обязательных обрядовых действий: Детей зареізал и жоінку зареізал. Йєвоі ф половиік завернуілі да похоронілі, не обмываілі даіжэ. Без гроіба похоронілі, в одеяіло завернуілі (мужчину, который убил жену).

Самоубийц часто хоронили в лесу: У наіс ф Киімжэ удаівлєных одьдеільно в леіс валиілі (хоронили), а утоіпленикоф и детєі маіленьких к родітелям валиілі (хоронили), к дедаім. МЕЗ. Бч. На клаідбще повесуіх не валиілі, кто повеісился.

В позднеее время наложившим на себя руки было отведено отдельное место на кладбище или за его оградой: На другоі клаідбще хоронілі, йєісли затушыілся (повесился). [Почему?] Наідо такоій смеірти дождаіцца. В другоіе меісто и хороінят самоубийц. Говоряіт, их не наідо вмеісте со фсеіми хороніть, одьдеільно, оніі жэ своюі жысь саіми покоінчили. Йєісли от своіих руік. Их одьдеільно на клаідбще хоронілі, кто руіки на себяі налоіжылі.

Сочетаемость глаголов, обозначающих захоронение, также проли-ваєт свет на концептуальную составляющую погребального обряда и представлений о смерти вообще.

Сирконстанты при глаголах погребения обозначают:

а) Место действия при глаголах погребения показывает, к какой категории принадлежит покойник. «Заложного» покойника не принято хоронить по всем правилам, поэтому место действия *в лесе, в подполье, в доме, в ограде, по-за оградой*. Над «родителями» совершается традиционный обряд, поэтому местом захоронения будет *кладбище*.

Сирконстант может также указывать на предпочтительное место захоронения: с родными и близкими, в памятном человеку месте (*с родными, к моим родителям, на этот угорышек, в другу деревню*), место совершения похорон (*со своего дома, со своей земли*);

б) Сирконстанты образа действия чаще всего маркируют неправильное совершение обряда (*худом, неважно, как собаку*), но могут указывать и на традиционный обряд (*через церковь*);

в) Время действия указывает на традицию хоронить покойника в определенное время суток (*после обеда, до обеда, с обеда, в полдню, после двенадцати, до двенадцати*);

г) Могут обозначаться сопутствующие действию предметы (одежда – *во всем новом, в светлом, в белом*; что кладут в гроб – *икона*).

Итак, глаголы, обозначающие процесс погребения покойника в архангельской области довольно многочисленны (30 глаголов и 8 фразем). Их семантика может отражать как реальную составляющую обрядового действия (зарыть, закопать...), так и глубинные представления о смысле похоронного обряда (хоронить, упокоить). Отдельно можно упомянуть фраземы, связанные с понятием *земля*, где земля предстает как мать-прародительница человека. В основе таких выражений лежат языческие представления.

Контексты употребления рассматриваемых глаголов позволяют нам представить особенности погребального обряда, совершаемого над разными категориями умерших; глагольная сочетаемость указывает на концептуальные представления о смерти.

Литература:

1. *Толстая С.М.* Погребальный обряд // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 тт. Том 4. М., 2009.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. М., 1998.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь. Электронный ресурс <http://vasmer.narod.ru/>.

**Секция
«Преподавание
славистических дисциплин:
проблемы и перспективы»**

В. Вилимек

(Остравский университет, Чехия)

**Проблема ознакомления студентов
с особенностями национальных образцов
невербального поведения в рамках преподавания
славянской филологии**

Существующая в настоящее время система высшего образования Чехии предоставляет университетам довольно широкие возможности для создания и осуществления оригинальных образовательных программ. Таким образом можно гибко реагировать на потребности рынка образовательных услуг, отразить собственный научно-исследовательский подход и специфики имеющегося профессорско-преподавательского состава.

Предоставляемыми возможностями воспользовался в первой половине 90-ых годов прошлого века Остравский университет, который отреагировал на потребность рынка труда в специалистах нового профиля. Как один из первых в Чехии предложил бакалаврскую образовательную программу, которая направлена на изучение специфики общения в сфере деловой коммуникации и туризма, и которая дает выпускнику знания языка и культуры определенного народа, вместе с основами экономической науки. Ее целью является воспитать специалиста, предназначенного для работы в сфере торговли, туристических услуг и других видов международных контактов. Поэтому упор кладется на приобретение практических навыков и знаний, таких как способность общения с представителями других культур, овладение соответствующей терминологией в родном и изучаемом языках, ведение деловой переписки, способность письменного и устного перевода и т. п.

Научная общественность уже давно обратила внимание на факт, что для эффективной жизнедеятельности в условиях общения с представителями чужой культуры не хватает лишь одного изучения языка. Процесс вынужденной аккультурации, который протекает во время обучения иностранному языку, требует не только одновременного обращения внимания на изучение литературы и истории, а также областей, которыми занимается лингвокультурология и другие дисциплины. В рамках вузовской подготовки специалистов, будущая работа которых основана на опосредствовании межкультурного контакта (в современной науке о переводе их означают понятием «межкультурные посредники» – intercultural

mediator), особенно важно целенаправленное изучение самого процесса коммуникации и конкретных особенностей, сходств и отличий «собственной» и изучаемой культуры. В их рамки входят также знания и умения из области коммуникации невербальной.

Под невербальной коммуникацией понимаем человеческое общение при помощи всех средств, за исключением звучащей и письменной речи. Сюда входят, в том числе, все невербальные свойства звучащей речи, коммуникативно значимые движения (жестикация, позы и мимика), прикосновения, использование расстояния и структуризация пространства, ориентация во времени, использование запахов, цветов и пр. Хотя невербально сообщаемая информация очень часто является универсально понятной, встречаются в ее рамках области, которые способны вызвать недоразумение или срыв коммуникации, даже в условиях контакта родственных культур. Существующие межкультурные отличия образцов невербального поведения считаем настолько важными, что в рамках Кафедры славистики Остравского университета был создан отдельный предмет, который преподается в течение одного семестра в виде семинара, направленного на приобретение необходимых знаний и воспитание у студентов способностей эффективного общения.

Целью этого предмета является, во-первых, овладение главными понятиями и основная ориентация в проблеме. Во-вторых, студент получает знания об отдельных национальных сходствах и различиях изучаемых культур. И, в-третьих, повышается его способность обращать внимание на невербальную составляющую коммуникации, целенаправленно замечать сигналы, не допускать ошибок в их толковании и их собственной продукции.

Как и у любого другого предмета в рамках специализированного образования, неизбежной предпосылкой понимания преподаваемого материала является овладение студентом терминологическим минимумом, способностью его использования в соответствующих значениях и контекстах, и освоение основных научных подходов к освещаемой проблематике. При изучении невербальной коммуникации в намеченных целях необходим междисциплинарный подход. Здесь должны дополнять друг друга знания, по крайней мере, этологии, этнологии, социологии, когнитивной и сравнительной психологии, этнолингвистики, психоллингвистики и лингвокультурологии.

В связи с целью достижения нужного качества практических умений необходимо заметить, что в этой области происходит скорее не овладение какими-то новыми способностями, а раскрытие раньше подсознательно применяемых приемов, их осознанное использование и усовершенствование имеющихся навыков. Этому и подчиняется способ подачи осваиваемого материала и способ работы на занятиях. Путем ознакомления со структурой

невербальной коммуникации и с примерами ее конкретных отличий и сходств студент усвершенствует свою натуральную способность замечания, толкования и продукции невербальных сигналов.

Основным считаем освоение правильной методики анализа невербального поведения собеседника и соответствующее собственное сигнальное поведение, которые способствуют предотвращению возникновения барьеров, основанных на неправильном понимании.

Одновременно важно и умение разграничить ситуативные, индивидуальные и групповые специфики невербального поведения. Студенты знакомятся с ролью и проявлением в коммуникации психологических характеристик индивидуума, половыми и возрастными различиями, местом происхождения и проживания, национальной и групповой культурой, отражением мест, занимаемых участниками общения в рамках группы, ими исполняемой роли, характера их взаимных отношений, влияния темы и цели общения. Отдельное занятие посвящается вопросам национального характера, его обусловленности и действительным проявлениям и стереотипам, бытующим в отношении изучаемой культуры. В связи с этим уделяется внимание более детальному объяснению двух категорий шума, возникающего в процессе коммуникации: это шум на психологической (напр. разница в иерархии ценностей, предрассудки в отношении социальных групп, этносов или иностранцев вообще) и семантической почве (напр. отличия в правилах хорошего тона или замена значения невербального сигнала в результате подобности с сигналом, обладающим в собственной культуре другим значением или семантической окраской).

Необходимо заметить, что индивидуальная мера привычки и способностей правильно понимать и издавать невербальные сигналы в рамках каждой группы студентов сильно варьирует. Она обусловлена темпераментом, полом, опытом общения, средой происхождения и жизнедеятельности индивидуума и т. д. В рамках профессиональной подготовки следует эти способности сохранять и развивать, причем трудоемкость этого процесса может у отдельных студентов значительно отличаться.

В процессе ознакомления с отдельными компонентами невербальной коммуникации играет большую роль иллюстративный материал. Каждое утверждение или определение подкрепляется примером, чаще всего основанным на факту межкультурных отличий или сходств. Эффективность преподавания подобного рода образовательных предметов в большей мере обусловлена наложением диалога между преподавателем и студентом и между студентами в рамках группы. Поэтому важно регулярно задавать разные вопросы, задания, разыгрывать модельные ситуации для решения, которые потом в рамках группы обсуждаются и анализируются причины коммуникационного поведения. Это с собой, несомненно, несет повышение

требований к подготовке преподавателя к каждому занятию, но результат этого полностью заслуживает.

Н.Н. Старикова

(Институт славяноведения РАН)

**Славянские литературы
на филологическом факультете МГУ.
Специфика преподавания актуальных курсов**

В настоящее время на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках подготовки специалистов-славистов читаются два основных курса истории славянских литератур. Курс «Истории литературы страны основного славянского языка» (6 семестров) представляет собой одну из важнейших составляющих славистического цикла. Он базируется на знаниях, умениях и навыках, полученных студентами в процессе освоения курсов «Введение в славянскую филологию», «Введение в литературоведение», «Славянский язык», «История страны основного славянского языка», «Культура страны основного славянского языка», является связующим звеном между дисциплинами «История русской литературы», «История славянских литератур» и «История зарубежной литературы», служит основой спецкурсов, раскрывающих локальную литературоведческую проблематику. Полученные в ходе изучения данного курса знания, умения и навыки необходимы для участия в спецсеминарах и подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ. Курс «Истории славянских литератур» (4 семестра) входит в цикл славяноведческих дисциплин, предназначенных для славистов, обучающихся по направлению и специальности «Филология». Курс призван помочь студентам уяснить как основные вехи литературного развития, так и шире – важнейшие этапы истории, основные черты культуры и ментальности родственных славянских народов. Он является связующим звеном между дисциплинами «История русской литературы» и «История зарубежной литературы», завершает комплексное освещение европейского литературного процесса. На его основе студенты сдают госэкзамен по истории славянских литератур.

Кроме этого с недавнего времени для студентов-русистов в рамках курсов по выбору читается семестровый курс истории одной из славянских литератур. Его освоение не требует предшествующей специальной славистической подготовки, т.к. он ориентирован на аудиторию, не владеющую (или слабо владеющую) современными инославянскими языками и получившую лишь базовые сведения о славянах в рамках

дисциплин «Старославянский язык», «Сравнительная грамматика славянских языков», «Русский фольклор».

Н.Е. Ананьева

(МГУ им. М.В. Ломоносова)

**Язык, речь, слово, мова и родственные им слова
в лингводидактическом аспекте**

В докладе Н.Е. Ананьевой «Язык, речь, слово, мова и родственные им слова в лингводидактическом аспекте» отмечается, что при изучении лексики (как и грамматики) близкородственных языков (в данном случае славянских) мы часто имеем дело с общеславянским языковым материалом. На примере центральных субстантивных компонентов лексико-семантического поля «язык, речевая деятельность» (далее ЛСП) анализируются различия между русским языком в качестве родной системы обучающегося и вторичным (приобретенным) инославянским идиомом, которые состоят в дистрибуции общего наследия в пространстве языка в синхронии и диахронии. Так, в синхронном инославянском литературном языке общеславянская лексема может находиться в центре или на периферии лексической системы литературного языка (в отличие от первичной родной системы); иметь иное значение, относясь при этом к тому же ЛСП (ср. русск. *молва* и польск. *towa*) или к разным ЛСП (русск. *беседа* и польск. *biesiada* «пир»); иметь иной стилистический статус (в одном языке быть нейтральной, а в другом – стилистически маркированной); входить в разные синтагматические или парадигматические отношения; обладать разной частотностью или словообразовательной потенцией (и, таким образом, разной лексической мощностью); входить только во фразеологические обороты (польск. *jęzor* и *ozór*, в отличие от полифункционального русск. *язык*). В общенациональном языке (т.е. не только литературном) анализируемая общеславянская лексема может в одном из сопоставляемых языков встречаться только в диалектах, в отличие от другого (ср. наличие в русских диалектах вариантов без *л* – *мовня* «слух, молва», «поговорка», «ребенок, начинающий говорить»; вологодск. глагол *мовко* «моль-ка, а ну скажи, говори»). Отсутствуя в синхронии приобретаемой в процессе обучения инославянской системы, это слово может функционировать в иные хронологические периоды (ср. польск. *rzecz*, имеющее в современном польском языке значение «вещь» - с XIV в., но первоначально, как и в современном русском языке, относящееся к ЛСП «язык»).

В докладе рассматриваются вышеуказанные различия на примере слов польск. *język, jezor, ozór* – русск. *язык, русск. речь*, польск. *tova*, русск. *слово* – польск. *słowo*.

В.Г. Кульпина, В.А. Татарин

(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Принципы изучения ономастических моделей в подготовке современных славистов

В докладе речь идет о принципах, месте и роли изучения ономастических моделей в подготовке современных славистов. Обсуждение проблематики осуществляется на материале распространенных топонимических моделей славянских языков: русского, польского, чешского, словацкого, болгарского, сербского и македонского, в том числе на материале региональной и локальной топонимики. Сопоставительный план помогает усвоению распространенных ономастических моделей и способствует расширению общеславистического кругозора студентов.

Постулируется, что в круг обучения современных славистов должны включаться ономастические модели разных славянских языков, что призвано способствовать развитию к ним интереса – практического в плане возможностей восприятия, узнавания ономастических моделей, а также в плане развития научного интереса к славистике, славистической специальности.

Основные модели топонимов, выступающих во всех славянских языках или в каком-то одном из них представляется целесообразным включить в учебный процесс по дисциплине «Основы славяноведения» или же в рамках отдельных спецкурсов и спецсеминаров по славянской ономастике.

Параметры сопоставления рассматриваются на примере некоторых специфических топонимических моделей, которыми не исчерпывается богатство славянской топонимики.

1. Сопоставление в учебном процессе может быть направлено на **фонетико-фонологические аспекты**. К примеру, в словах греческого происхождения русской фонеме **-ф-** в других славянских языках регулярно соответствует **-t-**: Ср.: русск. *Эфиопия*, болг. *Етиопия*, серб. *Етиопија*, польск. *Etiopia*, словац. *Etiopia*, чеш. *Etiopie*.

2. Деривационные параллели могут устанавливаться на уровне структуры слова, что с особой наглядностью проявляется в сфере прилагательных, образованных от топонимов. Ср.: русск. *венецианский* – польск. *wenecki*, чеш. *benátský*, словац. *benátsky*. Модели оттопонимического прилагательного русского языка *греческий* в других славянских языках

соответствуют модели – болг. *грѣчки*, макед. *гречки*, польс. *grecki*, словац. *grécky*.

3. **Морфологические параллели** могут устанавливаться на уровне грамматического рода топонимов. Так, в польском языке нередко оформление топонимов из третьих языков по женскому или среднему роду там, где в русском языке выступает мужской род. Ср.: *Кёльн – Kolonia*, *Киль – Kilonia*, *Гессен – Hesja*; *Берн – Berno*, *Дрезден – Drezno.*, ср. чеш. *Dražďany* ‘Дрезден’ (название строится по иной, плюральной, модели).

4. Во многих славянских языках **возможны варианты модели**, что для русского языка все-таки менее характерно: чеш. *Trácie, Trákie*, а также с написанием через *th-*: *Thrákie*; болг. *Велики океан/Тихи океан*, серб. *Тихи океан/Пасифик*, польс. *Spokojnyocean/Pacyfik*.

5. Могут акцентироваться **различия в словоизменении**, ср.: русс. *в Новом-Саде* (от *Новы-Сад*), серб. *у Новом Саду*, включая **нестандартные формы предложно-падежного употребления**: ср. польс. *na Węgrzech* ‘в Венгрии’ (в отличие от нормированного употребления, напр., *wHelsinkach*).

6. Внимание может быть обращено на тип межъязыковых различий моделей топонимов на линии **международная модель – специфическая этноязыковая топонимическая модель**. Ср.: *Австрия* (русс.) и *Австрия* (болг.), серб. *Аустрија*, польс. *Austria*. При этом чешская модель *Rakousko* и словацкая *Rakúsko* базируются на этноязыковых способах оформления названий стран на *-sko*: *Slovensko* ‘Словакия’, *Česko* ‘Чехия’, *Irsko* ‘Ирландия’; этноязыковая модель использована при адаптации топонимов в сербский и македонский языки: *Ирска* ‘Ирландия’, *Словачка* ‘Словакия’, *Чешка* ‘Чехия’, а также в польский язык: *Włochy* ‘Италия’, *Niemcy* ‘Германия’, *Węgry* ‘Венгрия’. В русском языке, который при сопоставлении моделей мы условно принимаем за точку отсчета, чаще применяются международные модели (ср. *Италия, Германия*), чем в других славянских языках.

7. При сопоставлении топонимов внимание может обращаться на **степень адаптации иноязычных топонимов** с точки зрения метода их перевода и графической передачи, напр.: *Хуанхэ* (вариант *Желтая река* – польс. *HuangHe*, чеш. *Žlutá řeka* (вариант *Chuang-che*), словац. *Žltá rieka*. Прилагательное *Аравийский* русского языка (выступающее, в частности, в топонимах *Аравийское море, Аравийский полуостров, Аравийская пустыня*) в сербском имеет своим соответствием прилагательное аналогичной структуры *Арабијско:Арабијскополуострво*. В ряде же других славянских языков выступает прилагательное с иной структурой: ср. болг. *Арабски* (например, болг. *Арабско море*), польс. *MorzeArabskie*, чеш. *Arabské moře*. и словац. *Arabskapúšť* ‘Аравийская пустыня’.

8. Особое внимание следует уделить ономастическим **омонимам – внутриязыковым и межъязыковым**. Так, *Бяло море* в болгарском языке

может означать как *Эгейское море*, так и *Белое море*, и таким образом, является для болгарского языка межъязыковым омонимом. Зато *Беломорие* означает только *побережье Эгейского моря* и не имеет никакого отношения к нашему российскому региону *Беломорье*, расположенному в нашем северном регионе *Белого моря*.

Очевидно, что при переводе со славянских языков следует обратить внимание на возможные омонимичные формации, чтобы избежать ошибок, чреватых тотальным коммуникативным нонсенсом.

При подготовке славистов важно не забыть о презентации в сопоставительном плане или в качестве фона для изучения других славянских языков материал родного русского языка. В данном докладе этой цели служат примеры топонимики Вятского края. При классификационной обработке топонимических моделей использовались картографические Интернет-материалы. 1. Среди распространенных моделей выступают топонимы *pluraliatantum*, обозначающие единичные населенные пункты, грамматически оформленные по множественному числу: а) на *-ёнки/-онки*: – Зинёнки, Титёнки, Уварёнки, Лупёнки, Першонки, б) на *-ы*: Круглыжи, Лобаны, Ряби, Копалки, Кошкары, Зайцы, Комары, Щипицыны, Креницыны; Шороховы; в) на *-чи*: Потаничи, Филчи, Корякичи, Лупичи; г) на *-ки*: Худяки, Ердяки; д) на *-ли*: Михали. 2. Распространены моделина *-щина*: Барановщина, Тихоновщина, Родителейщина, Зиминщина, Запёваловщина. Блинёвщина, Драновщина, Носковщина, Шалаговщина; на *-юг*: Парюг (село), Матюг (река); на *-е*: Макарьё, Верхнее Куринье – вариант Верхокуринье, другой вариант Куринё; на *-ское* Доровское, Черновское, *-ская*: Федюнинская, Чернятьевская, и *-ска*: Осиниска; на *-ово*: Верхнее Грехово, Нижнее Грехово, Заворотово и *-ино*: Пронино, Шаршавино. 3. Встречаются оппозиции *большой/маленький*: Большие Ванёвы, Малые Ванёвы, а также *верхний/нижний*: Верхнее Грехово – Нижнее Грехово, в том числе в виде старинных форм кратких прилагательных: ВерхниЛыхины, НижниЛыхины.

Топонимика региона, разумеется, тесно связана с историей края. Название многих деревень и поселков на Вятчине *Юферята*(pl) сигнализирует их связь с голландским предпринимательством: голландцы на Вятке покупали лен, при обработке которого использовался женский труд: слово *юфер* означало по-голландски *девка*. Отсюда работавшие при голландцах назывались *Юферевы*.

Сопоставление, как известно, имеет две ипостаси: оно может быть внутриязыковым и межъязыковым. При изучении ономастических моделей студентами-славистами релевантными представляются оба подхода.

Л.Л. Щавинская, Ю.А. Лабынцев
(Институт славяноведения РАН)

**«Букварь южнорусский» Тараса Шевченко:
проблемы рецепции**

«Букварь южнорусский» был составлен Т.Г. Шевченко осенью 1860 года и напечатан накануне Рождества 1861 года. Он стал последней его книгой. Название «Букварь» и на обложке и на титульном листе набрано церковнославянскими литерами – знак того, что составитель адресует его прежде всего тем, кто в течение веков трепетно чтит церковное слово – украинским крестьянам.

Состав издания не оставляет сомнения в том, что «Букварь южнорусский» – попытка Т.Г. Шевченко дать в руки простого народа украинскую учебную книгу не вообще, а с непременным использованием собственных переводов псалмов на украинский язык. Считается, что «Букварь южнорусский» был ориентирован на воскресные школы для взрослых, которые стали возникать в конце 1850-х годов. Но в целом читательский адрес «Букваря» был, несомненно, много шире. Эта книга была составлена Т.Г. Шевченко таким образом, что по ней, например, могли учиться и дети в домашней обстановке при помощи грамотного взрослого.

«Букварь южнорусский» был издан на личные средства Шевченко тиражом в десять тысяч экземпляров. Продажная цена одного экземпляра «Букваря южнорусского» была назначена составителем в «тры копійкы». Вслед за букварем Шевченко мечтал издать и другие учебные книги для простого украинского народа, ориентируясь при этом в немалой степени на минимальную их стоимость, позволившую бы их покупать и совсем бедным людям. Т.Г. Шевченко посылает на Украину тысячи экземпляров «Букваря южнорусского». Отдельные экземпляры своего букваря Шевченко дарит петербургским знакомым, например, Н.С. Лескову.

После кончины Т.Г. Шевченко 26 февраля (10 марта по новому стилю) 1861 года его «Букварь южнорусский» решают выкупить у родных покойного студенты Харьковского университета. Все чаще тогда стараются приобрести последнюю книгу Т.Г. Шевченко и многочисленные поклонники его таланта. Постепенно именно в собраниях подобных ценителей шевченковского слова экземпляры этой книги наиболее надежно сохраняются и доходят до нас.

В. Панайотов

(Софийский университет
им. св. Кл. Охридского, Болгария)

**Проектна активност софийской словакистики
и преподавание словацкого языка
в Софийском университете**

През последните години университетската специалност *Словакистика* в Софийския университет „Св. Климент Охридски“ се развива преди всичко благодарение на разработването на редица научни проекти. От 2008 г. до 2010 г. беше реализиран университетският проект *Българска виртуална словакистика*, в рамките на който беше създадена уеб страница на специалността на адрес www.slovakistikabg.com

Отгогава на сайта се поместват разнообразни материали, свързани с живота на специалността: текстове подпомагащи студентите в процеса на обучение, информации за различни научни и културни словакистични прояви, любопитни факти и енциклопедични сведения за словашкия език и литература, за историята и културата на Словакия, често придружавани от богат набор фотографии.

Особено ценни са четирите он-лайн речника, намиращи се на уеб страницата. Сред тях трябва да се открият двата двуезични речника включващи базисна лексика (словашко-български и българо-словашки електронен речник), които благодарение на електронния си вид могат непрекъснато да се обновяват и допълват. Другите два речника (синонимен речник и фразеологичен речник) са по-скоро с демонстративен характер и са насочени към студентите от по-горните курсове, където лексиката се изучава в синонимни редове и фразеологията е по-широко застъпена.

Плодотворен резултат от работата по проекта *Българска виртуална словакистика* беше създаването на специализиран софтуер за усвояване на нова лексика, т.нар. *лексикален тренажор*. Тази компютърна програма използваща интерфейса на който и да е браузър като Мозила, Интернет експлорър, Гугъл Кром и т.н., позволява ефективно и трайно усвояване на големи обеми от данни. Предназначена е основно за заучаване на нова лексика и проверка на знанията, като всяка от целите се изпълнява в съответния режим: в режим „обучение“ обучаемият получава обратна връзка за верността на отговора си веднага, докато в режим „тест“ това става след приключване на зададеното време.

Следващият етап в развитието на словашката филология в София е свързан с проекта *Обогатяване на лексикографските ресурси на българската словакистика*, от който са реализирани две части. Резултат от приключването на първата част (*Проект номер 165 НИД – СУ за 2011 г.*) е *Словашко-българският тематичен речник*, излязъл в началото на 2012 г., а

в момента предстои излизането и на *Кратък словашко-български речник на икономическите термини (Проект номер 192 НИД – СУ за 2012 г.)*.

Тематичен речник

В издаваните у нас двуезични славянски речници досега се е прилагала единствено азбучната подредба на лексикалния материал и затова тематичният речник е първо по рода си пособие в българската славистична лексикография, което цели да задоволи нуждата от актуален справочник за българите, изучаващи словашки език.

Книгата съдържа около 10 000 речникови статии и представя становището на авторите за концептуализацията и категоризацията на словашката езикова картина на света. Лексикалният материал е групиран в 22 теми, които се изучават през първите две години от курса на обучение по практически словашки език в Софийския университет. Тъй като лексикографското помагало е съобразено с действащия учебен план, това е предпоставка за много по-ефективното му използване в процеса на обучение. По мнението на авторите, включената лексика е балансирана комбинация между основни понятия от ежедневието, специализирана терминология и разговорни изрази, като в редица случаи са представени некодифицирани, но сравнително често използвани в съвременната словашка реч лексикални неологизми.

При изготвянето на речника са използвани разнообразни източници - основните двуезични и тълковни речници, други лексикографски и енциклопедични издания, електронни корпуси. С това е постигната представителност на включения лексикален материал по отношение на съвременния словашки език.

Достоинство на речника е, че е снабден и с именен показалец на всички ключови български лексеми от същинската речникова част, което позволява използване на речника и в обратна посока - от български към словашки.

Икономически речник

По отношение на *Краткия словашко-български речник на икономическите термини (Проект номер 192 НИД – СУ за 2012 г.)* може да се отбележи, че това е първият специализиран словашко-български речник, който ще запълни една празнина в лексикографската практика и ще отговори на нуждата от подобно актуално справочно издание. Книгата съдържа около 5000 речникови статии, включващи както еднословни икономически термини, така и термини словосъчетания. Материалът за речника е екскерпиран от разнообразни лексикографски източници – икономически и финансови терминологични речници и енциклопедии, издадени в Словакия и България след 1989 г., икономическото законодателство и преса на двете страни, корпусни и он-лайн издания. Така до голяма степен е застъпена съвременната икономическа терминология в словашкия и българския език. Поради изключително широкото си

разпространение в съвременния словашки език в речника са намерили място и редица универбати, т. е. еднословни названия възникнали от словосъчетания. Те обикновено се смятат за част от професионалните жаргони, но тъй като между професионализмите и термините има по-скоро преход, отколкото ясна граница, присъствието им в речника е съвсем естествено.

Доминиращ принцип за организация на речника е азбучната подредба, като термините са представени в азбучен ред по първата си буква, респ. по първата буква на първия член от термина-словосъчетание. Този принцип е съчетан с понятийно-семантично групиране по признака *род-вид*. В речниковата статия, отразяваща родовия термин, се дават примери за фреквентни употреби и се посочват отпратки към съответните видови термини.

Представените накратко резултати от проектната активност на софийската словакистика свидетелстват за интензификацията на обучението по словашки език в Софийския университет благодарение на развитието на научните и научно-приложните изследвания на университетската словакистична колегия през последните години.

М. Костова-Панайотова
(*Благоевградски университет*)

**Българската рецепция на руската поезия
от втората половина на XX век:
академични вектори и проблеми на преподаването/**

Болгарская рецепция русской поэзии

второй половины XX века:

академические векторы и проблемы преподавания

Статията разглежда някои проблеми на преподаването на руската литература, на нейната рецепция, от втората половина на XX век в българските университети. Анализирани са програми по съвременна руска поезия във водещите български университетски центрове като Софийския университет, Благоевградския университет, Пловдивския у др. На фона на динамичните социални промени е осмислен фактът е, че през последните 20 години програмите по руска литература на XX век в българските университети са значително коригирани. И промените са както положителни, така и отрицателни. Очевидна е основната амбиция, която се наблюдава при съпоставка – да се съхранят и допълнят жалонните имена, да се проследи руската литература като единен поток, да се обобщи и представи пред българските студенти най-значимото от новото руско литературно наследство.

От друга страна, очевидно е, че за новата руска поезия има много малко часове в редовните лекционни програми. Съвременният преподавател по нова руска литература в България обаче е поставен пред няколко сериозни препъни-камъни.

На първо място – свити хорариуми успоредно с десетките имена, които руската литература от втората половина на XX век преоткри, момент, който поставя всеки преподавател пред нелеки избори;

Друг сериозен проблем е фактът, че в аудиториите в България седят студенти, за които в училище руският език вече не е бил сред задължителните и за много от тях той звучи по-непознато, отколкото английският, колкото и парадоксално да изглежда това за хората от по-старите поколения. Вероятно не само аз съм чувала репликата: “А на може ли ни дадете библиография на английски?”. Може. Но доколко е оправдано да четем руски поети на английски?

Оттук и проблемът с наличната преводна литература. През годините на „мълчание” по отношение на руската литература и език позамря и преводаческата дейност. Не може да се каже, че и сега е изживяно разбирането на част от издателите, че за този тип книга липсва читател. И ако все пак българските издатели определено проявяват интерес към съвременната руска проза, то същото не може да се твърди по отношение на новата руска поезия. В статията са набелязани имена и аспекти на преподаването във връзка с динамиката на научните парадигми.

Един съвременен руски анекдот твърди, че класика е онова, което вече сме се научили да имитираме. Във всички културни периоди най-често стремежът за имитация е свързан с представата за ценностно, значимо и актуално, доколкото канонът е и начин на структуриране на читателския опит, на неговата социализация, на конструиране и поддържане на въображаема читателска общност. Още Хораций определя класическото през неговата актуалност: ако произведението на изкуството остава актуално след век, можем да го причислим към класиката.

Е, ние, преподавателите нямаме век време на разположение. Но сме длъжни да представим ценностното, значимото, актуалното пред своите студенти. И за да не бъде допълнително изкривявана и орязвана новата руска литература, за да получи тя адекватна рецепция в България и сред бъдещите филолози, един важен момент е свързан с преводното ѝ битие.

**О некоторых теоретических аспектах
создания тестов для иностранцев,
изучающих болгарский язык**

В докладе рассматриваются так называемые задачи с произвольным (свободно избираемым) ответом (в данном случае в качестве классификационного критерия используется вид ответа), которые характеризуются тем, что в них обучающий не предлагает обучаемым предварительно заданные ответы по выбору. Тестируемые лица должны сами сформулировать свои ответы, которые могут быть краткими, но очень часто являются весьма пространными (до 10 страниц – например, эссе или тема по литературе). Информационная часть в этих вопросах может быть полной (при анализе отрывков произведений) или может отсутствовать, когда задается определенная тема. Ответы на задачи такого типа могут быть как однословными, состоять из числа или фразы, так и доходить до нескольких предложений или связанного текста. В зависимости от того, предоставлена ли учащимся полная свобода при конструировании ответа или нет, различаются следующие типы задачи с произвольным ответом: свободные сочинения, различные типы пересказов, ответы на литературные вопросы и т. д. Эти задачи часто различаются по своему жанру. Для таких задач определяется время и объем. Кроме того, влияние со стороны проверяющего должно быть минимальным. Важно то, что учащийся использует полный запас знания слов изучаемого языка и полный запас знаний по грамматике. Так тестируемые имеют возможность изложить полнее свои знания. Они могут проявить свое творческое мышление, могут показать насколько свободно излагают свои мысли, кроме того, могут рассмотреть вопрос с разных точек зрения. Студенты учатся излагать свои мысли на чужом языке и аргументировать их.

При изучении болгарского языка иностранцами эти задачи исключительно важны, так как с их помощью можно проверить ряд грамматических, орфографических и пунктуационных правил. В процессе конструирования свободного текста ясно выделяются уровни владения болгарским языком: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, стилистический.

Такие задачи позволяют охватить большой материал. Сочинения могут даваться однократно во время обучения или несколько раз, по завершении определенного этапа обучения, в начале обучения или в его конце. Преимуществом этих задач является еще и тот факт, что с их помощью исследуются комплексные знания и умения.

А.И. Рего

*(Закарпатский филиал Киевского славистического университета,
Ужгород)*

Обеспечение сохранения истории славянской культуры на Закарпатье

Закарпатский филиал Киевского славистического университета был создан в 2000 году как структурное подразделение Киевского славистического университета. Это маленькое славянское братство на Закарпатье, целью которого является возвращение нашей памяти к праславянским истокам, привлечение молодежи к изучению истории, культуры, языка, традиций и обычаев славянских народов. Потребность создания именно такого вуза обусловили особенности Еврокарпатского региона, геополитическое положение Закарпатской области, комплексное проживание в области более ста национальностей с широким разнообразием языков, культур, народных обычаев. Тем более что у истоков зарождения славистики, как самостоятельной отрасли науки, стоял именно наш земляк, уроженец с. Тибава, Береговского комитата Королевства Венгрии, ныне Свалявский район Закарпатской области – Юрий Иванович Гуца-Венелин.

Закарпатский филиал Киевского славистического университета возвращает не только интеллектуальную заинтересованность к периоду древних славян, но и воспитывает у студентов духовность, свойственную предкам, сохраняет и приумножает духовное достояние родного народа. Для вуза традиционными стали такие университетские мероприятия, как ежегодное проведение научных конференций посвященных Дню славянской письменности и культуры «Славянский мир: прошлое и современность», «Славянский мир: достижения, проблемы, перспективы», студенческие научные конференции «Культурное наследие славян». Праздники «Язык объединяет народы», фестиваль славянских культур, в рамках которого почитаются известные славянские деятели и проходит конкурс "Мисс Славяночка". К духовному миру своих предков молодежь приобщается, организуя Андреевские вечерницы, праздник Ивана Купала, мероприятия в честь Святого Николая по православному и католическому календарю. Дни славянской письменности и культуры, на которых звучат все славянские языки. Эти празднования объединяют преподавателей вуза, студентов-славистов в одном круге с многочисленными представителями национально-культурных обществ и иностранными гостями.

Вуз стал хорошо известен, и уважаем в Украине и за рубежом. В стенах университета обучалось около двух тысяч студентов. 130

преподавателей готовило специалистов в области финансов, учета и аудита, менеджеров таможенного дела и туристической индустрии, страноведов, психологов и филологов. За прошедшее десятилетие по этим специальностям подготовлено около тысячи специалистов.

Конечно, рамки филиала стали тесными для активности вуза и в 2013 году директор Закарпатского филиала Киевского славистического университета кандидат исторических наук Несух Л.М. совместно с коллективом филиала, создали новый, самостоятельный вуз «Восточно-европейский славянский университет». Высшее учебное заведение продолжает свою активную работу по пропаганде славянской культуры. Следует отметить, что студенты независимо от специальности с первого курса имеют возможность выбрать второй язык: польский, болгарский, словацкий или чешский. Поскольку в последнее время наметилась тенденция по возрастанию интереса к русскому языку, в новом вузе на кафедре филологии планируют готовить преподавателей-филологов с двойной специальностью «русско-английский», «русско-немецкий», «русско-словацкий» и «русско-венгерский».

Подводя итоги, можно сказать, что Восточно-Европейский славянский университет продолжает свою активную деятельность по пропаганде знаний о славянской истории и письменности среди своих студентов, расширяет преподавание предметов, связанных со славянской письменностью и культурой, обсуждает актуальные проблемы современной славистики, ведет культурно-просветительскую деятельность с целью сохранения истории славянской культуры на Закарпатье.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская
(Институт славяноведения РАН)

**Многолетний опыт преподавания
белорусоведческих дисциплин российским
зарубежным студентам и аспирантам**

Всякое новое дело требует, как правило, дополнительных усилий и развитие академического белорусоведения в России не исключение. Необходимость в этом ощущалась давно, с начала 1990-х гг., когда организовывался Центр белорусоведческих исследований в РАН. Специалистов по истории, культуре и литературе Беларуси в России не готовили, но попытаться сделать это удалось только в начале 2000-х гг.

Первый спецкурс «История белорусской литературы» стал читаться в Государственной академии славянской культуры (ГАСК) с 2004 г., затем был разработан спецкурс «История белорусской культуры». Они всегда дополняли друг друга, но последний более универсален и рассчитан в основном на культурологов, тогда как спецкурс «История белорусской

литературы» читался только на филологическом факультете. Оба спецкурса уже прошли испытание временем и можно твердо сказать, что они нужны студентам, тем более, что стали первыми в истории вузовского обучения в России. Некоторые студенты, помимо обязательной для всех письменной работы в рамках спецкурса, пишут затем курсовые и защищают дипломы на белорусоведческие темы. К тому же программой предусмотрена многочасовая самостоятельная индивидуальная работа студентов, к которой прибавляется многодневная практика с выездом в Беларусь. В 2009 г. в ГАСК защищена кандидатская диссертация по истории православной культуры белорусов современной Польши.

Весьма удачным усилением в развитии подобного интереса не только в рамках ГАСК, но и куда более широких, стало использование глобальных электронно-сетевых технологий. Помимо сетевых, важную роль в подобном распространении интереса к Беларуси, ее культуре и литературе играют и отчуждаемые электронные ресурсы, в том числе и электронные учебные пособия, подготовленные и подготавливаемые нами как для студентов, так и для куда более широкого круга лиц. В привлечении новых исследователей к работе в области белорусоведения успешными оказались и наши совместные с белорусской стороной электронные конференции, материалы которых постоянно используются и в учебном процессе. Особо следует сказать о наших белорусоведческих спецкурсах, прочитанных вне России, прежде всего в Беларуси, и Польше, где белорусоведческие дисциплины преподаются в целом ряде ведущих вузов страны в течение уже многих лет.

Секция

**«Церковнославянский язык:
грамматика о грамматике»**

А.А. Кожина, Е.С. Суркова
(Белорусский ГУ)

**О языках перевода Книги пророка Даниила
из Виленского ветхозаветного свода**

Доклад посвящен анализу славянского перевода Книги пророка Даниила из Виленского ветхозаветного свода, выполненного, как предполагается, в иудейской среде во второй половине XV в., возможно, в Киеве. Это один из двух известных переводов, сохранивших лингвистическую дихотомию оригинала, написанного на древнееврейском и арамейском языке, – здесь части на древнееврейском переведены на «просту» мову, а арамейские части – на церковнославянский.

В докладе высказывается предположение о том, что подобная дихотомия вызвана не столько желанием отразить билингвизм оригинала (в таком случае создатель перевода не учел языковую диглоссию – церковнославянский язык считался престижнее, чем «проста мова», однако на нем представлена арамейская, менее престижная часть оригинального текста, а для перевода текста на престижном иврите было использована «проста мова»), сколько отсутствием соответствующих фрагментов в ранней славянской версии Книги пророка Даниила – Мефодиевском переводе, который был использован для создания церковнославянской части текста; эти фрагменты пришлось переводить заново на тот вариант славянского языка, который переводчик лучше знал.

Также говорится о происхождении 3 главы рассматриваемого перевода, а именно то, что эта глава, скорее всего, была переведена позднее, чем весь остальной текст книги, возможно, уже на территории современной Беларуси или Польши. Об этом свидетельствует наполненность ее текста полонизмами, что характерно для белорусского варианта «простой» мовы в отличие от ее украинского варианта, на котором написаны остальные части. Причиной подобной правки могло послужить сильное расхождение древнего славянского перевода 3 главы с масоретским текстом.

На маргиналиях рукописи обнаруживаются следы еще одной творческой личности, сделавшей в разной степени удачные правки славянского текста в соответствии с масоретским оригиналом.

Создатели славянского перевода Книги пророка Даниила демонстрируют хорошее владение несколькими древними и современными им языками. Знание древнееврейского и арамейского (возможно, второго сквозь призму первого),

церковнославянского и простой мовы, латинского и старофранцузского, а также идиша позволило им создать уникальный многоязычный перевод, не имеющий аналогов в восточнославянской литературе.

Е.М. Коницкая
(Вильнюсский университет)

Функционирование библеизмов, связанных с библейскими именами, в современном русском и словенском языках

Заметно усилившийся в последнее время интерес к изучению функционирования библейских текстов в современных языках и культурах объясняется тем, что Библия является «своеобразным кодом, объединяющим народы христианской культуры» (Мокиенко 2013: 144). Одна из форм проявления этого интереса – исследования в области библеизмов, под которыми понимаются «отдельные слова, устойчивые словосочетания, фразеологизмы, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов» (Верещагин 1993: 97). Сопоставительные исследования библеизмов показывает, что на фоне общности, обусловленной самой сакральностью Библии, между корпусами библеизмов разных языков, в том числе и славянских, существуют различия (лакуны, словообразовательные, лексические, структурно-синтаксические, семантические особенности). Несмотря на активность исследований, многие проблемы, связанные с характером усвоения библейских элементов в разных языках и культурах, мало разработаны, а некоторые области функционирования библеизмов только недавно начали привлекать к себе внимание.

В докладе рассматриваются библеизмы, связанные с именами библейских персонажей, в двух славянских языках – русском и словенском; материалом служат данные фразеологических и толковых словарей, а также национальных корпусов. Анализируется состав, значения, степень актуальности группы русских и словенских библеизмов, содержащей библейские имена, к которой относятся апеллятивы и фразеологизмы.

Большинство библейских имен во всех христианских культурах, в том числе в русской и словенской, стали нарицательными, напр.: рус. *иуда*, словен. *judež* ('предатель'), рус. *ипод*, словен. *herod* ('жестокий убийца'). Языковая специфика проявляется в выборе имен для апеллятивизации, ср. рус. *лазарь*, словен. *baraba* (< *Varaba* (рус. *Варавва*)) 'негодяй; бродяга'. Апеллятивы от одних и тех же библейских имен в русском и словенском языках могут различаться в семантическом отношении: напр., словен.

Metuzalem (< *Metuzalem*) 'очень старый, древний' определяет более широкий круг лексем, чем рус. *мафусаил*.

Списки библейских имен, содержащихся в русских и словенских фразеологизмах, не полностью совпадают: в русском языке это *Авраам, Адам, Аред, Ева, Енох, Илья, Иов, Ирод, Каин, Лазарь, Лот, Мафусаил, Павел, Понтий Пилат, Соломон, Фома, Хам, Ной, Магдалина*, в словенском — *Abraham, Adam, Eva, Elija, Herod, Kajn, Lot, Metuzalem, Peter, Pavel, Poncij Pilat, Salomon, Tomaž, Noe*. Количество фразеологизмов, связанных с одними и теми же библейскими именами, различается: так, в русском языке имя *Авраам* встречается лишь в одном фразеологизме *лоно Авраамово*, носящем книжный характер, тогда как в словенском оно представлено во фразеологизмах *srečati Abrahama* 'достичь 50-летнего возраста', *biti v Abrahamovem naročju, preseliti se k Abrahamu* 'умереть', *otroci Abrahamovega rodu* 'евреи'.

Далеко не все фразеологизмы, отмеченные во фразеологических словарях обоих языков, активно функционируют сегодня. Степень актуальности фразеологизмов определяется по данным национальных корпусов – русского (*НКРЯ*, около 230 млн. слов) и словенских (*Gigafida*, около 1.187 млн. слов; *Nova beseda*, около 162 млн. слов).

Различия между корпусами библеизмов в разных языках обусловлены многими факторами, в числе которых: история переводов Библии (ориентация на латинско-немецкую или на византийско-греческую традицию), особенности формирования национальных языков (включая внешние культурно-языковые влияния), социально-культурная среда бытования библеизмов (миры *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*), взаимодействие со стихией народной культуры и др. Сопоставление русских и словенских библеизмов, основанных на именах библейских персонажей, демонстрирует высокую степень их активности в обоих языках и вместе с тем их национально-языковое своеобразие.

Н.В. Яровикова

(Институт журналистики и литературного творчества,
Москва)

Вопросы словообразования в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв.

Доклад касается метаязыка двух грамматик:

грамматики Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Съвершенна искусства осмии частей слова, и иных нуждных» (Вильна, 1596) и грамматики Мелетия Смотрицкого «Грамматика Славенския правильное СИнтагма» (Евье, 1619 (1648 – Москва, там же 1721)). Меня интересует, как

в этих грамматиках отображены представления авторов о словообразовании церковнославянского языка.

Обе грамматики созданы в Юго-Западной Руси. В ситуации, когда там принципиально меняется языковая ситуация. В отличие от Руси Московской, где церковнославянский язык продолжает сохранять положение единственного литературного языка, и, главное, языка сакрального, обучение ему предполагает следование образцовым текстам, как следствие овладение грамотностью не требует описательной грамматики. В отсутствие возможности порождения новых текстов, грамотный человек нуждается только в орфографических пособиях.

Граматики же возникают, когда меняется языковая ситуация: в это время в Юго-Западной Руси церковнославянский функционирует в условиях конкуренции с «простой мовой», литературным языком нового типа, ориентированного на разговорный язык.

Хотя грамматики эти созданы практически в одно время и в одном регионе, необходимо обратить внимание на различие между ними.

Связано это, во-первых, с тем, что ГЗ преимущественно ориентируется на латинскую традицию, ГС – на греческую, что отражается в структуре описания.

Также различие между ними объясняется разными адресатами: ГЗ – обращено к ученикам («спудеомъ»); ГС – учителям («учителемъ школнымъ»). В ГЗ даются прежде всего образцовые модели, которые необходимо выучить и применять на практике; ГС – это методическое пособие, отсюда желание создать полное, подробное описание, больше внимания к частностям.

И та и другая грамматики преследуют практические цели: овладение языком и его использование. Это руководство к действию. Поэтому словообразования как раздела теоретического в этих грамматиках, конечно, нет.

Что же в этих текстах отражает представления о словообразовании?

Во-первых, представления эти проявляются там, где авторам необходимо систематизировать слова в пределах части речи (выделить лексико-грамматические разряды).

Во-вторых, там, где с членением слова связано образование форм или орфографические правила.

Собственно словообразование описывается в терминах вида. О терминах: нужно оговориться, что в ГЗ вид – еще и часть речи (хотя такое упоминание встречается только один раз); в грамматике же С. – термин «вид» хотя и не употребляется в близком к современному значении, но появляется только при описании глагольных категорий. Вот что сообщается о виде слов.

Можно сказать, что у Зизания словообразование в основном понимается как смысловое отношение мотивирующего и мотивированного.

Учитывается прежде всего семантическая выводимость. Отношение формальные почти не описываются.

И в ГЗ, и в ГС после описания вида идет тема начертание. Фактически здесь описывается членимость основы.

По выражению Зизания, слово может быть разделено на части значащие. То есть те, которые имеют значение, что, вероятно, можно связать с внутренней структурой слова, с семантическим осмыслением слова.

Аналитические формы также описываются в разделе начертания.

В обеих грамматиках предлог упоминается в собственно словообразовательном значении, в значении приставки.

У Зизания обнаруживается выделение «неких частей», которые понимаются именно как части слова (речения).

Таким образом появляется одна четко выделяемая часть слова.

Если же вспомнить как Зизания при описании видов слова говорит о возможности разделить производное на части значащие, можно предположить и наличие незначащих частей.

Их описание можно обнаружить, в частности, в рассуждениях об образовании степеней сравнения у Смотрицкого.

Словоизменительные суффиксы описываются как окончания, что абсолютно справедливо и в современном формообразовании (флексия).

Но вот словообразовательные суффиксы нигде не описаны. То есть суффикс как часть слова, образующая новое слово и формирующая часть речи, не осознается. И нет никаких случаев, когда она выделяется сама по себе. После выделения значащих частей слова и окончания остается некая часть, которая никак не определяется. И за ней, по мнению авторов, не закреплено никакого самостоятельного значения, во всяком случае об этом нигде прямо не говорится.

Таким образом часть речи выделяется только на основании отнесения слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду: по значению и по способу словоизменения. Единственный случай, когда часть слова используется для определения грамматической категории, - это определение родовой принадлежности имен.

Как я уже говорила, грамматики эти нормативные, преследуют практические цели. Поэтому теоретические вопросы словообразования вряд ли могли занять в них значительное место, тем не менее словообразовательные пометы есть либо при описании части речи, либо при объяснении образования форм. Теоретические представления о членимости как таковой и о значении выделяемых частей появляются только в рубрике начертание, но сами части при этом отдельно не упоминаются и значение их не объясняется.

Подводя некоторый итог.

Что же в общем зафиксировано:

- 1) понимание мотивированности, производности;
- 2) представление о том, что сейчас мы называем словообразовательной парой;
- 3) представление о членимости слова (морфемике) и о значении этих частей (значащее речение у ГЗ):
- 4) Терминология
 - корень (нет термина);
 - приставка – предлог (иные некие части, яже могут предлоги нарицаться – ГЗ);
 - окончание – ГС (с ним явно связывается грамматическое значение).
- 5) Разделение частей слова на значащие и незначащие.

А. Левочская

*(Российский государственный
гуманитарный университет)*

**Языковая политика и языковая практика
в сочинениях Ю. Крижанича**

1. Теоретические требования Ю. Крижанича к русскому государственному и церковному языку, сформулированные им в грамматических и политических сочинениях. Крижанич предъявлял и к церковному, и к государственному языку одинаковые теоретические требования – требования «чистоты», «богатства», употребительности, невариативности, что позволяло, по его мнению, на языковом уровне достичь конфессионального единства славян и государственного превосходства России. Соответственно, свою лингвистическую задачу Крижанич видел в устранении заимствований – грецизмов, латинизмов и полонизмов, в снятии синонимии и введении новых слов для выражения новых понятий. Так, стремясь обогатить русский язык новыми словами, Крижанич пытался познакомить русских людей с новыми культурными категориями: он создает политический «язык», который, по его мнению, даст возможность членам русского общества обсуждать государственные вопросы и вести диалог с европейскими государствами, оперируя понятиями, которые являются основополагающими для европейской культуры.

2. Термины власти в сочинениях Ю. Крижанича: лингвистическая аргументация выбора. Рассуждая о различных формах государственного устройства, Крижанич в своей «Политике» обращается к классической схеме форм правления, представленной в «Политике» Аристотеля, которая еще не была переведена в России. Крижанич в своих сочинениях использует славянские эквиваленты терминов Аристотеля (некоторые из славянских

терминов Крижанич создает сам, некоторые – заимствует из разных славянских языков).

3. "Речь к народу", написанная от лица царя Алексея Михайловича (раздел 32 книги 3 «Политики») как пример политического языка, созданного Крижаничем. Это текст, в котором в концентрированном виде представлен новый политический язык Крижанича. В этой речи кратко сформулированы все взгляды Крижанича на государственное устройство, задачи высшей власти, высказано мнение о титулах государя и проч. В ней Крижанич активно использует новые государственные термины.

4. Обработка языка как одно из направлений просветительской деятельности Ю. Крижанича. По мнению Крижанича, работа по «исправлению и улучшению» языка (*kizteżanie i sowerszēnie nászego iazi`ka*) – Политика 1965, 144; 467), способствующая общему просвещению народа, должна вестись параллельно в двух направлениях: теоретическом – создание грамматики и словаря; и практическом – исправление существующих книжных текстов в соответствии с нормой, установленной в грамматике; создание новых текстов, в том числе посредством перевода иностранных сочинений. К числу опытов Крижанича по «истязанию» («обработке») языка следует отнести не только собственно лингвистические трактаты Крижанича, но также и политические сочинения, при написании которых Крижанич также реализовывал идею «исправления и улучшения» языка.

Ф.Б. Людоговский, В.Е. Людоговская
(Институт славяноведения РАН)

Проекты грамматики современного церковнославянского языка

Современный церковнославянский язык может быть определен как язык текстов, используемых в настоящее время в Русской православной церкви (а также в ряде других православных церквей). В наши дни научное описание современного церковнославянского языка только начинается. В последние несколько лет параллельно осуществляются два больших проекта: корпус церковнославянского языка (как подкорпус национального корпуса русского языка) и церковнославянско-русский словарь. Оба проекта основываются на одном и том же массиве оцифрованных церковнославянских текстов, что позволяет надеяться на их интеграцию в недалеком будущем. В ходе реализации обоих проектов проводилась лемматизация словоформ (на основе имевшегося частотного словаря словоформ). Таким образом, первичное описание морфологии (а отчасти – и словообразования) церковнославянского языка может быть получено как

побочный продукт корпуса и словаря. При этом в целях анализа языковых структур может быть востребован, с одной стороны, сам корпус (в значительной степени уже готовый); с другой – свободно распространяемая программа AntConc, используемая при составлении словаря. Возможности поиска по корпусу и возможности, предоставляемые данной программой, отчасти пересекаются, отчасти удачно дополняют друг друга. В частности, корпус хорошо подходит для анализа глобальных грамматических категорий, поиска различных их пересечений и т. д.; программа AntConc может оказаться полезным для рассмотрения конкретной лексики; она также удобна возможностью просмотра гораздо более широкого контекста, нежели в корпусе.

Секция
**«Актуальные проблемы
славянского языкознания»**

А.В. Бабанов

(Санкт-Петербургский госуниверситет)

**Лексические трансидиоматизмы
как проявление славянского языкового единства и
многообразия**

Среди работ, посвященных сопоставительному описанию лексики славянских языков, уже немало таких, в которых внимание концентрируется на семантических различиях слов, имеющих в разных языках очевидное формальное сходство. Такие работы оформляются и как теоретическое осмысление соответствующих явлений и как двуязычные словари. В качестве обозначения, объединяющего собранные в таких словарях или описываемые в теоретических работах лексемы, используется около десятка наименований: «межъязыковые омонимы», «межъязыковые гетерофемизмы», «апроксиматы», «межъязыковые паронимы», «коварные слова», «псевдо-аналогонимы» и др. Предлагаемое в данной работе наименование («трансидиоматизм») появилось как попытка ввести по-разному называемое явление в более широкий системный контекст.

Обращает на себя внимание то, что во всех работах, посвященных упомянутой выше тематике, речь идет о лексических затруднениях в коммуникации, вызванных влиянием лексики другого языка, т.е. речь идет о взаимодействии различных систем. Следовательно, данное явление вписывается в два ряда явлений более общего характера: 1) иные факторы другой языковой системы, создающие помехи для коммуникации (например, морфологические, лексико-семантические, фразеологические, синтаксические); 2) формально соотносимая лексика, не создающая затруднений в коммуникации, но, напротив, позволяющая достичь некоторого взаимопонимания даже при отсутствии у коммуникантов общего языка (особенно актуально в случае близкородственных языков). Для всего поля явлений, организуемого этими двумя рядами, и предлагается ввести понятие трансидиоматичность, если имеется в виду свойство языковой единицы или структуры провоцировать произвольное переключение языкового кода в процессе коммуникации, или трансидиоматизм, если речь идет о конкретной языковой единице или структуре. Эти названия отражают одновременную принадлежность некоторой языковой формы или структуры разным системам, совмещающимся в одной среде (общем ареале функционирования языков, двуязычном индивидуальном сознании).

В зависимости от типа совпадающей формы трансидиоматизмы могут быть лексические, лексико-семантические, историко-этимологические, морфологические, фразеологические, синтаксические. В зависимости от влияния на коммуникацию

носителей двух пересекающихся в данной точке систем — негативные (дезориентирующие) и позитивные (поддерживающие). В центре внимания исследователей оказываются, как правило, негативные, дезориентирующие трансидиоматизмы, поскольку именно сбой кода является убедительным сигналом его переключения. Функционирование поддерживающих трансидиоматизмов заметить сложнее, так как их внешние проявления не противоречат формам, обеспечивающим успешную коммуникацию.

Для большинства уровней и подсистем языка трансидиоматичность проявляется как калькирование формально-семантической структуры соответствующей единицы (фразеологизма, синтаксической конструкции, переносного значения лексемы и т.д.), поэтому взаимовлияние кодов в таких случаях возможно в любой паре языков — как близкородственных, так и состоящих в отдаленном родстве или вообще неродственных. И только в случае лексики и морфемики (словоизменения и словообразования) переключение кода вызывается непосредственно фонетической формой, и поэтому в этих подсистемах по количеству трансидиоматичных единиц заметно выделяются пары близкородственных языков.

Формальное сходство лексем разных языков может быть случайным (такое возможно в любой паре языков, но встречается достаточно редко) или закономерным. Среди закономерных лексических трансидиоматизмов можно, в свою очередь, выделить 1) заимствования, восходящие к общему источнику (очевидно, такие трансидиоматизмы возможны в любой паре языков); 2) взаимные заимствования (например, полонизмы в русском языке и русизмы в польском языке; такие отношения в принципе тоже возможны в любой паре языков, но реализация такой возможности и, соответственно, количество соответствующих трансидиоматизмов зависит от массы конкретных исторических и культурных обстоятельств, имевших место в прошлом и/или характерных для актуального состояния отношений между соответствующими народами); 3) лексику, унаследованную из одного и того же праязыка; 4) лексику, возникшую в каждом из языков независимо друг от друга, но с использованием одинаковых морфем, унаследованных из общего праязыка. Последние две группы лексических трансидиоматизмов актуальны только для близкородственных языков.

Как особый тип трансидиоматизма, характерный для пограничья близкородственных языков, можно рассматривать историко-этимологические трансидиоматизмы. Иногда включаются в круг межъязыковых омонимов, хотя во многих случаях не дают оснований говорить о высокой степени формального сходства.

Потенциал межславянской трансидиоматичности, безусловно, используется в практике преподавания славянских языков, однако современные технологии позволяют сделать это использование более систематическим, разносторонним и ориентированным на повышение самостоятельной активности изучающего. Например, представляется вполне осуществимой идея интерактивного двуязычного

учебного словаря, в котором трансидеоматический потенциал лексемы можно было бы визуализировать с помощью различных условных знаков и цвета (например, с использованием «семантики светофора»), в случае возможности позитивного лексического трансфера склонять учащегося к самостоятельному порождению лексического эквивалента (с последующей проверкой, оценкой и корректировкой), а в случае опасности негативного трансфера — предупреждать о ней и давать необходимую информацию).

Е.О. Борисова

(Уральский федеральный университет)

**Представления о скорости
в зеркале предметной метафоры
(на материале польского языка)**

В докладе рассматривается предметная метафора как способ выражения представлений о скорости. Материал извлечен из словарей польского литературного языка и говоров, а также картотеки «Słownika gwar polskich» (г. Краков).

Скорость – параметр измерения времени, характеризующий действия субъекта во временном потоке. Представления о ней воплощаются в языке с помощью базовых (и обладающих высокой частотностью) наречных лексем, а также слов других частей речи, которые нередко передают абстрактную идею через указание на конкретное действие или его исполнителя. Скорость входит в число характеристик качества работы, поэтому «скоростные» номинации в большинстве случаев экспрессивны, что проявляется в том числе на уровне внутренней формы лексем: например, в соотношении человека, для которого характерно быстрое или медленное выполнение действий, с объектами из отдаленных от сферы «Человек» сфер действительности. В ходе доклада предполагается выявить набор семантических областей, используемых для выражения идеи скорости («Животные», «Персонажи народной религии», «Пища», «Игрушки», «Музыкальные инструменты»), и охарактеризовать основные признаки, приписываемые «медлительному» или «расторопному» субъекту языковым сознанием.

Наиболее многочисленную группу образуют переносы от наименований **животных** и тематически связанных с ними явлений (обозначения повадок животных, действий, производимых животными или человеком над ними и пр.). При отборе образов животных в качестве эталонов оказываются важными в первую очередь их хозяйственные функции: *gna jak koń* <гонит как конь> ‘бежит очень быстро’, *kawalerska jazda* <кавалерийская езда> ‘очень быстрая, неосторожная езда’ и др.

Подробно разрабатываются образы домашних животных (при этом в разработку включаются наименования действий, производимых животными, а также их детенышей), а дикие животные воспринимаются в рамках сценария охоты. Образы некоторых животных приобретают скоростную характеристику только в контексте конкретной ситуации (таков образ собаки, ср. *tak chwatko, jakby pies szpyrki żarł* <так хватко, как будто пес шварки ест> ‘очень быстро’). Наконец, в образной номинации находят отражение и повадки животных: *gna jak spuszczoney ze smyczy* <гонит, как спущенный с привязи> ‘бежит очень быстро’.

В следующую группу объединяются наименования персонажей **народной религии** (преимущественно нечистой силы). При этом номинируется в основном высокая скорость совершения действий (эти условия формируют специфику данной группы: высокая скорость, в большинстве случаев воспринимающаяся как положительная характеристика, в данной ситуации оценивается негативно): *jeździ jak szatan* <ездит как сатана> ‘ездит быстро и небезопасно’, *goni jak Lucyfer* <гонит, как Люцифер> ‘гонит быстро’, *leci jak skrzat* <летит как гном> ‘летит поспешно’. Эталонами низкой скорости выступают мифологические персонажи, образы которых фигурируют в старопольских весенних припевках: *lelum polelum* ‘медленно, не спеша’ (от имен *Lel* и *Polel*).

Субъекты, для которых характерна высокая или низкая скорость деятельности, сравниваются с различными реалиями **предметного мира**: *kręci się jak w kołowrotku* <крутится, как в прялке> ‘крутится быстро’. В данном случае «скоростные» значения развиваются как у наименований объектов, реально проявляющих признаки скорости (вертящаяся юла), так и тех, которым медлительность и быстрота приписывается на основе «нескоростных» признаков (*клёцки*, *барабан* и пр.). Внутри этой группы выделяются наименования **игрушек**, а точнее, различные обозначения юлы: *biegać jak fryga* <бегать как юла> ‘двигаться быстро’, *jak bąk (bączek)* <как юла> ‘то же’, *kręci się jak cyga* <крутится, как юла> ‘то же’, *kręci się jak fruszka* <крутится, как юла> ‘то же’. Любопытны метафоры на основе наименований **музыкальных инструментов**: *drumla* ‘медлительная женщина’ (< ‘инструмент, похожий на варган’), *fujara* ‘неэнергичный человек’ (< ‘дудочка’), *tarabanić się* ‘медленно идти’ (< *taraban* ‘барабан’) и др. Распространены также номинации высокой и невысокой скорости с использованием лексем, называющих **пищу**. Так, медлительный человек сравнивается с блюдом, приготовленным из теста: *cieple kluski, kluchy* <тёплые клецки> ‘о медлительном, неэнергичном человеке’ (ср. также рус. диал. *тёплый* ‘медлительный’). Кроме того, для номинации скорости привлекаются производные от слов *pieprz* ‘перец’ и *chczan* ‘хрен’: *chrzanić się* ‘делать что-либо слишком долго’, *zapieprzać* ‘быстро идти или бежать’.

Е. Л. Березович
Екатеринбург

**К сопоставительному изучению
славянских географических названий:
«ад» и «рай» в русской, чешской и польской народной топонимии**

Топонимика накопила значительный опыт семасиологического изучения топонимии – и на современном этапе ее развития насущной задачей становится сравнение особенностей воплощения одного и того же значения (концепта, идеограммы) в разноязычных топонимиконах. Контрастное изучение славянской народной топонимии тормозится труднодоступностью сопоставимых массивов полевого материала, что может быть решено в будущем за счет обмена электронными базами данных. Настоящий доклад основан на данных картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера, Верхнего Поволжья, Среднего Урала, русских географических словарей (например, [ГСРИ]), а также картотеки топонимии Моравии [ALD] и работах М. Малец и И. Луттерера, выполненных на польском и чешском материале [Malec 2000; Lutterer 1968].

Рассматривались топонимы, образованные от *рай* – *ad* (рус.), *ráj* – *peklo* (чеш.), *raj* – *piekło* (польск.). Среди русских топооснов «рай» и «ад» являются раритетными, при этом «рай» встречается примерно втрое чаще, чем «ад» (на 10 «адских» названий – около 30 «райских»). В чешской и польской топонимии соотношение иное: названий от *peklo* // *piekło* примерно в 2–3 раза больше, чем от *ráj*// *raj* (100 на 50 – чеш., 73 на 22 – польск.). При этом исходный массив русской топонимии, откуда выбирались «райские» и «адские» названия, примерно втрое превышает чешский и польский массивы.

«Райские» топонимы во всех трех изучаемых топонимиконах чаще всего прилагаются к полянам, лесам, лугам (в чешской и польской топонимии среди объектов номинации также нередко указываются сады и рощи). Это места красивые, радующие глаз, ценные в хозяйственном отношении (удобны для сенокосения, пахоты или вырубki, урожайны и др.). Как правило, райские урочища имеют небольшой размер (рус. *Райский Уголок*, *Раёк*, чеш. *Rajskot* < *Rajský Kout*), уютны, безветренны. Кроме того, топонимы от основы «рай» обозначают населенные пункты (особенно богата такими названиями польская топонимия) – и в этом случае они имеют дезидеративный смысл («пусть здесь живет, как в раю»). В отличие от русской топонимии, в польской и чешской есть «райские» названия, апеллирующие к прецедентным именам Адам и Ева (например, юж.-морав. пастбище *Adamův Ráj*). Характерно, что во всех трех

топонимиконах практически отсутствуют (или минимальны по количеству) «райские» названия водных объектов. Это обстоятельство возвращает нас к полемике относительно этимологии славянского «рая» и ослабляет позиции «водной» версии, согласно которой праслав. **rajь* вписывается в гнездо **rej-*/**roj-*/**rōj-* ‘реять’ и имеет первичную мотивировку «то, что находится за водой».

Русские и западнославянские «адские» топонимы имеют значительно больше различий, чем «райские». В русской топонимии «адские» названия означают исключительно болотные места – мрачные, темные, отдаленные. В западнославянской топонимии выделяется широкий спектр мотивировок: «адский социум» – места, где есть «заведения» с сомнительной репутацией (например, корчма, где происходят скандалы и потасовки), где орудуют разбойники; труднодоступные и опасные места – скалистые, каменистые, овраги, ямы, провалы в земле, ущелья – как правило, мрачные (ими особо обильны Крконосские Горы), известняковые карьеры, штольни; урочища, отсылающие к прецедентному сюжету наказания грешников, – связанные с тяжелой работой, обычно в каменоломне; места, ассоциирующиеся с нечистой силой, сверхъестественными событиями; урочища, где царит «адский шум» (шумные мельницы в глубоких долинах), «адский холод» или «адская жара». Кроме того, среди чешских и польских названий от *pekl-/-piekl-* есть топонимы, не связанные с образом ада, а апеллирующие к другому значению основы: эти названия могут прилагаться к местам, где выгорел лес, к урочищам, связанным с производством смолы (наиболее вероятно это по отношению к топонимам на *piekl-* в Бескидах), а также к заветренным теплым урочищам (ср. формы типа чеш. *Pekelec*, польск. *Piekielek*, которые точно соответствуют апеллятивам со значением ‘запечье, теплое место, где можно сидеть в холодное время’).

Сказанное объясняет различия в продуктивности изучаемых названий в русском и западнославянском топонимиконах. Важно учитывать и то, что в русской топонимии в целом весьма низка продуктивность прецедентных топонимов, отсылающих как к библейским, так и иным культурным сюжетам. Западнославянская топонимия (как показывают, к примеру, материалы [ALD; SPJČ-ÚS; SPJČ]), апеллирует к таким сюжетам значительно чаще.

Литература

ГСРИ – П.Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885.

ALD – Archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR (Брно).

Lutterer 1968 – *I. Lutterer. Ráj a peklo v toponymii Čech // Symbolae philologicae in honorem Vitoldi Taszycki. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968. S. 209–217.*

Malec 2000 – *M. Malec. Raj i piekło w toponymii Polski // Onomastické práce. Sv. 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000. S. 280–285.*

SPJČ – *Slovník pomístních jmen v Čechách. Praha, 2005–. I–.*

SPJČ-ÚS – *L. Olivová-Nezbedová, J. Matúšová. Slovník pomístních jmen v Čechách. Úvodní svazek. Praha, 2000.*

Н.Б. Ершова

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена)*

Система противительных союзов в болгарском языке

Представлено описание системы противительных союзов болгарского языка в диахроническом и синхроническом аспектах. Прослеживается исторический процесс формирования системы противительных союзов и их статус в современном болгарском языке, предлагается системный анализ функционирования союзов и выражаемые ими типы противительных отношений в дамаскинах и в современных болгарских диалектах. Определяется корпус противительных союзов и применяется системная классификация типов противительных отношений в функциональных стилях речи современного болгарского языка.

А.И. Рего

*(Закарпатский филиал Киевского славистического университета,
Ужгород)*

Славянская письменность сквозь призму анализа «Азбуки угро-русского и церковно-славянского чтения» Августина Волошина

Одной из жемчужин культурного наследия славянского народа является «*Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения*» Августина Волошина.

Августин Волошин (1874–1945) – педагог, психолог, социолог, богослов, для которого процесс обучения был неотъемлемо связан с воспитанием. А. Волошин рассматривает воспитание как общую и постоянную категорию, не обходя те компоненты воспитательного процесса, которые играют важную роль в формировании черт характера ребенка. Главными составными этого комплексного процесса он видел

физическое, моральное, трудовое, эстетическое и интеллектуальное воспитание.

«*Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения*» Августина Волошина¹ начинается с элементов подготовки руки ребенка к письму, а именно с выполнения точек, черточек, ломаных, волнистых и округленных линий. Рисунки, подающиеся после выполнения заданий, были тесно связаны с предметами пользования, элементами природы и народной символикой, и были хорошо знакомы детям. Аналогичная тематика прослеживается и при подборе слов для ознакомления детей с буквами. Кажется интересным задание на подбор нужной буквы. Детям предложено продолжить чтение по примеру, подобрав букву по аналогии. Для усложнения задания, детям предлагалось продолжить чтение, подобрав различные буквы по примеру. Сначала это были только гласные. С помощью таких заданий дети закрепляли род, число и падеж слова. Потом, как усложнение, подбирались нужные согласные звуки и, соответственно, буквы, передающие их на письме, и слоги.

Красной нитью сквозь «Азбуку» А. Волошина проходит моральное воспитание подрастающего поколения. Небольшие рассказы, связанные сюжетом с пословицами и поговорками, побуждают детей задуматься над вечными ценностями: добра и зла, веры в Бога, скромностью и самохвальством, правдивостью и ложью, уважением к старшим т. п.

Второй раздел «Азбуки», озаглавленный «Написание и чтение заглавных букв», содержит примеры имен собственных и общих наименований, написание слов с заглавных и строчных букв. Интересно, что в первом разделе все слова были написаны исключительно со строчной буквы.

В третьем разделе «Церковнославянское чтение» детей знакомили с церковнославянским письмом и чтением, чтобы те могли читать молитвы

Четвертый раздел «Чтения» предназначался для тех школьников, которые уже умели хорошо читать. Им предлагались рассказы, стихи, молитвы на угро-русском и церковнославянском языке.

С помощью «Азбуки» А. Волошин стремился научить детей не только грамоте, но и открыть для них понимание прекрасного в жизни, природе, воспитать умение найти удивительный мир красоты в литературном произведении.

¹ *Волошинъ А.И.* Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения. Унгарь, 1919. 112 с.

С.С. Скорвид
(Российский государственный
гуманитарный университет)

**«Тот крест не имел кто снять»
(Об одном случае развития
конструкции *nominativus cum infinitivo*
в западнославянских языках идиалектах)**

Как известно, в отличие от восточнославянских языков-*esse*, другие славянские (в том числе западные) относятся к языкам-*habere*. С исторической точки зрения первый тип старше второго; так, древние памятники западнославянских языков позволяют проследить постепенный переход от более ранних конструкций с глаголом ‘быть’ и именем в дативе к конструкциям с глаголом ‘иметь’, причем не только там, где они имели посессивное значение. По большей части такой переход был связан с усилением активности субъекта, мыслимого как обладатель (или иначе), однако по крайней мере в одном специфическом случае развившаяся в западнославянских языках конструкция с ‘иметь’ при отрицании стала выражать, напротив, отсутствие активного субъекта-деятеля (а без отрицания – наличие деятеля, но мыслимого отвлеченно). Речь идет о поздней трансформации одной разновидности посессивной конструкции с объектным инфинитивом и местоимением либо местоименным наречием при нем в позиции объекта или обстоятельства, как в случаях типа чеш. *nemají co jíst* ‘у них / им нечего есть’, *neměli kam si lehnout* ‘им негде было лечь’ и т. п., в непосессивную конструкцию с местоимением *kdo* ‘кто’ в им. п. при глаголе в инфинитиве, типа чеш. *neměl kdo jim děti opatrovat* ‘у них некому было присматривать/ухаживать за детьми’, букв. ‘не имел кто им детей опекать’.

В современном чешском языке данная конструкция употребляется достаточно широко – как правило, с отрицанием: *Nemá kdo svážet odpad* ‘Некому вывозить мусор’. Распространена она и в других западнославянских языках – словацком (*Nemá kto vyzbierať smeti*), польском (*Nie ma kto wunieść жутьיעі*). Аналогичные конструкции существуют и в южнославянских языках: в хорватском параллельно с инфинитивом и конъюнктивом с **da**: *Hrvatska gospodarska diplomacija: Njezin program nema tko napisati* ‘Хорватская экономическая дипломатия: ее программу некому написать’ // *Božić dolazi, a mene nema tko da zagrli* ‘Наступает Рождество, а меня некому обнять’; в сербском и болгарском – только с конъюнктивом: *Нема ко да заустави растакање Србије* ‘Некому остановить разбазаривание Сербии’; *Няма кой да премахне това паднало дърво във Варна* ‘Некому в Варне убрать это упавшее дерево’. Важное отличие южнославянских конструкций состоит, однако, в том, что в перфекте глагол ‘иметь’ принимает форму среднего рода: *Не искат да ми дадат болничен – нямамо*

кой да работи ‘Не хотели дать мне больничный – якобы некому было работать’.

Структура западнославянских конструкций иная: форма 3-го л. ед. ч. глагола ‘иметь’ в прошедшем времени и в сослагательном наклонении включает причастие на *-l* в мужском роде. В таком виде эта конструкция засвидетельствована нами в том числе в говоре потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. на Северный Кавказ, восходящем к диалектам Южной Чехии: *kříš nemn'el hdo sundat* ‘крест некому было (букв. *не имел кто*) снять’. Глагол ‘иметь’ выступает здесь в особом безличном употреблении, как в архаичных деагентивных конструкциях типа др.-чеш. *jakž by mohl dovrći z prača* – букв. ‘как мог бы добросить из пращи’, соврем. фразеол. *co by kamenem dohodil* – букв. ‘как бы камнем добросил’. Исторический парадокс заключается в том, что анализируемые западнославянские инфинитивные конструкции с глаголом ‘иметь’ в деагентивных формах 3-го л. ед. ч. (при наличии в них причастия на *-l* – мужского, а не среднего рода) при местоимении ‘кто’ возникли довольно поздно. В древнечешском языке значение ‘некому что-то сделать’ выражалось глаголом ‘быть’ в 3-м л. ед. ч. с подлежащим-местоимением ‘кто’ в полупредикативной конструкции с причастием: *nenye kto vykupie* ‘некому искупить (= спасти)’ – букв. ‘не есть кто выкупа’.

Современные конструкции, видимо, представляют собой результат контаминации этих старых конструкций с причастием и местоименным субъектом при нем, закономерно выраженным номинативом, с распространяющимися конструкциями глагола ‘иметь’ с объектным инфинитивом и объектным же местоимением.

Заслуживает внимания типологическое сходство этой славянской конструкции с безличными конструкциями глагола ‘иметь’ в романских языках, которое хорошо иллюстрирует перевод заглавия известного романа Г. Маркеса «*El coronel no tiene quien le escriba*» на такие языки, как чешский: *Plukovníkovi nemá kdo psát*, словацкий: *Plukovníkovi nemá kto napísať*, польский: *Nie ma kto pisać do pułkownika*, хорватский: *Pukovniku nema tko pisati* и т. д.

Электронный круглый стол

(<http://www.slavnarlit.narod.ru/narlit-konf.htm>)

«Кирилло-Мефодиевская традиция в жизни Тараса Шевченко

(К 200-летию юбилею со дня рождения
великого украинского поэта и художника)

В течение всей жизни Т.Г. Шевченко был тесно связан с родной для него Кирилло-Мефодиевской традицией. Выучившись в раннем детстве грамоте, как он сам вспоминал, «у дядька», где «прошел Граматку, Часословец и, наконец, Псалтырь», Тарас Григорьевич до конца своих дней остался верен и церковнославянскому языку и даже поместил в составленном им незадолго до смерти «Букваре южнорусском» молитвы на церковнославянском языке. Церковнославянизмами, языковыми и графическими, наполнены самые различные тексты Шевченко, особенно поздние. Они, церковнославянизмы – органическая часть его собственной культуры, его собственного языка. Среди огромного количества подобных примеров хочется указать всего один, объединяющий в интересующей нас связи как бы три ипостаси Т.Г. Шевченко: художника, ученого-археографа и мастера слова – это его акварель и описание креста св. Бориса.

Лабынцев Ю.А.

Церковнославянская книжность и Тарас Шевченко

С церковнославянской грамотой и книжностью Т.Г. Шевченко соприкоснулся будучи еще малым ребенком. Собственно и все его первоначальное образование целиком базировалось на них. Можно даже сказать, что Тарас Григорьевич прошел в детстве классический путь крестьянского мальчика-грамотея, выучившегося «по Псалтырю». В дальнейшем, благодаря в основном самообразованию, ему удалось значительно всесторонне обогатить свои знания, что в конце концов позволило даже стать «членом-сотрудником» Киевской археографической комиссии (Временной комиссии для разбора древних актов), организованной в 1843 г. Согласно данным инструкций Т.Г. Шевченко активно занимался и поиском разнообразных письменных источников, как то: «древних актов, рукописей... и старопечатных книг». Во время ряда своих экспедиций в 1840-е гг. в различные части украинских земель ему удалось описать множество таких памятников, в том числе и пергаменных. Примечательно, что момент работы Т.Г. Шевченко в Комиссии совпал со

вступлением его весной 1846 г. в тайное Кирилло-Мефодиевское общество, объявившее себя по духу продолжателем дела солунских братьев.

В конце жизни у Т.Г. Шевченко отчетливо заметно и какое-то особое тяготение к церковнославянскому письму, которое, надо думать, не без основания представлялось ему и неким украинским национальным атрибутом. Вот почему, видимо, названия многих своих произведений, переписанных, например, в так называемой рукописной «Большой книжке», воспроизведены именно этим письмом.

Щавинская Л.Л.

Первые польские исследователи о «*cyrylometodiaństwie*» Тараса Шевченко

Уже в первых польскоязычных публикациях 1840-х гг., в которых зазвучало имя Т.Г. Шевченко, так или иначе речь заходила о непосредственной связи его творчества с православной Кирилло-Мефодиевской традицией. Более широко и обстоятельно эта проблема была рассмотрена в ряде польских работ начала 1860-х гг., специально ему посвященных, прежде всего в книгах Леонарда Совинского, Антония Гожалчинского и Гвидо Батталья. При этом, надднепрянцы Совинский и Гожалчинский, тесно связанные с Киевом и Киевским университетом, и галичанин Батталья, учившийся во Львовском университете, высказывали во многом схожие мысли и достаточно критично отзывались о тех польских деятелях, сообществах и даже католических организациях, которые своими действиями способствовали возникновению и развитию многовековой исторической украинско-польской драмы, вылившейся в ряд вооруженных конфликтов, вплоть до столь еще памятной всем трагической Колиивщины с ее характерными призывами борьбы украинского народа за национально-культурную и религиозную самобытность. Реализация по сути государственной польской программы «ширить среди Русин латинский обряд» привела, по мнению названных польских авторов, к катастрофе, междоусобной «религиозной, социальной, а может и национальной распре», отображенной в целом ряде произведений Т.Г. Шевченко, прежде всего в его поэме «Гайдамаки».

Научное издание

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**
К 1150-летию славянской письменности

Международная конференция

Тезисы докладов

Москва, 2013. 223 с.

Оригинал-макет, обложка М.И. Леньшиной

Подписано в печать 16.05.2013 г.
Тираж 300 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – titlen@mail.ru